

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

2

С О Ц Э К Г И З

1940

Пятилетний план по производительности труда — в четыре года

Коллектив Московского инструментального завода обратился ко всем работникам машиностроительных заводов СССР с призывом выполнить в четыре года план по производительности труда, установленный третьей сталинской пятилеткой.

Почин коллектива Московского инструментального завода горячо подхвачен работниками машиностроительной промышленности. В Краматорске Ново-Краматорский завод имени Сталина, в Москве Первый шарикоподшипниковый завод им. Л. М. Кагановича, завод «Динамо» им. Кирова, станкостроительный завод «Красный Пролетарий» и другие, в Ленинграде — Кировский завод, в Харькове — тракторный завод, в Свердловске — Уральский машиностроительный завод — словом, десятки рабочих коллективов по всей великой Советской стране обсудили обращение Московского инструментального завода и, подсчитав свои возможности и резервы, вступили в борьбу за досрочное выполнение пятилетнего плана по производительности труда.

Инициатива машиностроителей вызывает горячий отклик и на предприятиях других отраслей промышленности, перерастая в общесоюзное соревнование за выполнение заданий третьей пятилетки по производительности труда в четыре года.

Металлурги завода «Серп и Молот», работники громадного завода резиновой промышленности «Красный богатырь», работники московских кожевенных, ивановских текстильных предприятий и многие другие принимают перед всей страной, перед любимым Сталиным торжественные обязательства в 4 года завершить выполнение третьего пятилетнего плана по производительности труда.

Все эти горячие отклики — свидетельство того, что московские инструментальщики в своем обращении выразили твердую волю всего рабочего класса СССР досрочно осуществить задания третьего пятилетнего плана в области производительности труда.

Всемнадцатый съезд ВКП(б) поставил перед советским народом великую задачу: в ближайшие 10—15 лет догнать и перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки. Для этого необходимы громадный рост промышленного производства и подъем производительности труда, далеко оставляющий позади уровень выработки в капиталистических странах.

«Почему капитализм разбил и преодолел феодализм?» — говорил товарищ Сталин на Первом всесоюзном совещании стахановцев. — «Потому, что он создал более высокие нормы производительности труда, он дал возможность обществу получать несравненно больше продуктов, чем это имело место при феодальных порядках. Потому, что он сделал общество более богатым. Почему может, должен и обязательно победит социализм капиталистическую систему хозяйства? Потому, что он может дать более высокие образцы труда, бо-

лее высокую производительность труда, чем капиталистическая система хозяйства. Потому, что он может дать обществу больше продуктов и может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства»¹.

Переход к коммунизму, возможность осуществления принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям» предполагает громадное увеличение общественного богатства, изобилия продуктов, требует гигантского роста производительности труда.

Советская страна располагает всем необходимым для достижения этого изобилия продуктов, для достижения самой высокой в мире производительности труда.

«Можно сказать без преувеличения, — сказал товарищ Сталин на XVIII съезде партии, подводя итоги технической реконструкции хозяйства нашей страны, — что с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной, где старое оборудование висит на ногах у производства и тормозит дело внедрения новой техники»².

Теперь, и на ближайшие годы — дело за всесторонним освоением этой новой техники, за использованием ее с максимальной продуктивностью. Обращение коллектива Московского инструментального завода говорит о том, что в решении этой исторической задачи наступает новый этап. Тов. Молотов в своей речи на XVIII съезде ВКП(б) особо отметил как одну из важнейших и еще не решенных полностью задач — дальнейшее освоение техники. Тов. Молотов подчеркнул, что нам нужно «еще больше на лечь на освоение и на использование техники, которой у нас стало очень много»³.

Обращение коллектива Московского инструментального завода и поднимающаяся в связи с ним волна всесоюзного соревнования за досрочное выполнение плана третьей пятилетки в 4 года выдвигает на первое место именно задачи дальнейшего освоения техники и борьбу за социалистическую культуру труда. Лучшая организация производства и труда, устранение потерь, снижающих производительность труда, ставятся как важнейшие народнохозяйственные задачи. В этом величайшее значение инициативы Московского инструментального завода.

В числе мероприятий, обеспечивающих новый подъем производительности труда, выдвигаемых в решениях коллективов предприятий, одним из важнейших является дальнейшее организованное расширение новых форм стахановской работы — многостаночного обслуживания и совмещения профессий. Как показал опыт последних месяцев 1939 г., значение этих форм работы для улучшения организации труда исключительно велико.

При многостаночном обслуживании неизбежно должен быть создан твердый распорядок в обслуживании рабочих мест, должна регламентироваться загрузка рабочего времени. Точно увязанное во времени чередование периодов ручной работы требует четкой постановки внутрицехового планирования, закрепления определенных деталей за станками.

Переход к многостаночному обслуживанию повышает квалификацию рабочего, будит рационализаторскую мысль. Станки приспособляются, дооборудуются в таком направлении, чтобы максимально облегчить труд рабочего, устранить излишние, нерациональные дви-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 494.

² Там же, стр. 575.

³ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 36.

жения. Вводятся приспособления для самоостанова станка, для автоматизации его питания, для контроля работы. Например, на Первом государственном шарикоподшипниковом заводе им. Л. М. Кагановича было выдвинуто, в числе других условий, обеспечивающих дальнейший рост производительности труда, требование об оснащении станков транспортирующими трубками, изобретенными стахановцем-наладчиком этого завода т. Волковым. Этим не только облегчается труд рабочего, но и самое качество труда изменяется, повышается. За счет мелких, но зачастую весьма эффективных, приспособлений улучшается качество и самой технической базы предприятия. Техника производства развивается в сторону более широкого внедрения автоматики. Таковы громадные и подлинно революционные последствия повышения числа многостаночников, намечаемого в решениях производственных коллективов.

Не менее значительны и последствия совмещения профессий. Не будет преувеличением, если мы скажем, что с ростом числа рабочих, овладевших несколькими специальностями, создается новая производительная сила.

При наличии достаточного числа рабочих, овладевших несколькими профессиями, отпадает много трудностей, связанных с постановкой новых производств, с изменением продукции. Создаются новые возможности преодоления узких мест. Отпадают многие причины, приводившие к «штурмовщине» в работе. Овладевая знаниями, необходимыми не только для ухода за обслуживаемым оборудованием, но и для ремонта его, передовые рабочие умело предотвращают аварии, сокращают простой машин и агрегатов.

Громадное организующее значение имеет введение новых передовых норм выработки. В обращении московских инструментальщиков, единодушно поддержанном другими предприятиями, говорится о пересмотре норм как о важнейшем факторе, обеспечивающем дальнейший рост производительности труда. Надо признать, что в целом ряде отраслей промышленности техническое нормирование запущено, нормы выработки далеко отстают от фактически достигнутого уровня организации производства. Вместо того, чтобы активно воздействовать на уровень организации труда, подтягивать отстающих к уровню передовых рабочих — существующие нормы выработки нередко становятся тормозом для роста производительности труда.

Нормы выработки перевыполняются на заводах машиностроения на 40—60% в среднем. В отдельных отраслях производства этот средний процент перевыполнения норм еще выше — по заводам Главлегмаша, например, выполнение норм достигает 162,3%, по Главмервеспрому — 174,1%. На ряде заводов не только стахановцы, но все рабочие в среднем тратят на выполнение заданной работы не более 50—60% «нормального» времени. Например, среднее выполнение норм на заводе им. Рошаля Главлесобуммаша было равно 182,9%, на краснодарском заводе Главхиммаша — 189% и т. д. Такие «нормы» ничего, по сути дела, не нормируют. Требования передовых производственных коллективов о решительном упорядочении этого важнейшего участка работы полностью обоснованы.

* * *

Стахановцы, инициаторы наиболее жизненного непреодолимого движения современности, сталинские питомцы и ученики, с упорством борются за лучшее освоение техники. На этом пути они добились желаемых успехов. Как подлинны революционеры производства, стахановцы не могут успокаиваться на достигнутом. Самый рост стахановского движения, ставшего ныне ведущей силой производ-

ства, непрерывно несет новые победы. Стахановцы — передовые люди нашей промышленности — теперь задают тон на производстве. Их опыт, знания, стиль работы быстро усваиваются всей массой рабочих. Связанный со стахановским движением рост культурно-технического уровня рабочего класса сказывается в решениях передовых производственных коллективов о выполнении в четыре года заданий третьей пятилетки по производительности труда. Эти решения подкрепляются делами: серьезными подготовительными мероприятиями, направленными к повышению производительности труда. Развитие многостаночного обслуживания и совмещения профессий, внедрение малой механизации, увеличение числа стахановских школ, упорядочение нормирования, сокращение потерь от простоев и брака — все это не только намечается рабочими собраниями, но и практически проводится в жизнь. В серьезной постановке организационных и технических задач, в их продуманности и конкретности сказывается рост наших кадров.

Этот рост кадров, который товарищ Сталин предвидел за несколько лет, является самой важной чертой развертывающейся всесоюзной переключки заводов. На очередь ставятся задачи овладения техникой самыми широкими массами, задачи перехода производства на новую, более высокую ступень организационной и производственной культуры. Общенародному движению к новым высотам производительности труда должна быть оказана самая серьезная, всесторонняя помощь и поддержка всей страной и в первую очередь советской производственно-технической интеллигенцией, командирами производства. Было бы вредно и легкомысленно недооценивать ответственности и сложности выдвигаемой задачи выполнения в 4 года пятилетнего плана по производительности труда. Подмена хорошо подготовленного плана мероприятий по повышению производительности труда набором общих фраз способна только дискредитировать, сорвать прекрасное и чрезвычайно важное начинание передовых рабочих. Благодушный расчет на самотек в решении поставленных задач был бы преступным.

Опыт последних месяцев показал, например, что увеличение числа многостаночников в полтора-два раза, выдвигаемое многими коллективами предприятий, не может быть реализовано, если инициатива рабочих не будет возглавлена и по-деловому осуществлена руководителями, всем штабом технического руководства предприятия.

Не менее существенно значение крепкого хозяйственного руководства для реализации выдвигаемых рабочими мероприятий в области малой механизации.

Снабжение станков приспособлениями, экономящими время рабочего, самоостановами, приборами питания, приборами для транспортировки деталей — ответственная и благодарная задача для конструкторов и технологов. Громадные задачи перед технологами и нормировщиками встают в связи с просмотром норм выработки, внедрением передовой технологии. В борьбе за повышение производительности труда, за досрочное выполнение заданий третьей пятилетки по этому важнейшему показателю могут и должны помочь не только инженерно-технические работники предприятий, но и научные работники институтов, обслуживающих промышленность.

Типизация наилучших технологических приемов, применяемых стахановцами, внедрение технических новшеств, повышающих производительность труда, приобретает сейчас особо важное значение.

Ценную помощь машиностроителям могут оказать работы по повышению стойкости инструмента, по автоматизации станков; в черной металлургии — мероприятия по сокращению потерь и брака,

простое, выносу колошниковой пыли, подсобной механизации тыловых участков производства и т. д.

Научная разработка проблем управления и организации производства должна быть поставлена во всем своем объеме. Между тем, до сих пор целый ряд отраслевых научно-исследовательских институтов в своей работе явно недооценивает значения организационного фактора, ограничиваясь проблемами отраслевой технологии. Инициатива стахановцев, опыт передовых предприятий по организации производства на основе графика, диспетчеризация, техническое нормирование — все эти проблемы требуют серьезнейшего изучения, и выводы таких научных работ могут принести громадную помощь в борьбе нашей промышленности за повышение производительности труда.

* * *

Растущая сила стахановского движения, неразрывно связанное с его развитием улучшение организации производства сказываются в исключительном подъеме производительности труда, достигнутом в 1939 г. За 10 месяцев 1939 г. выработка рабочего в промышленности поднялась на 17⁰/₀ по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Об этом говорил т. Молотов в докладе о XXII годовщине Октября.

Учитывая эти результаты работы за 1939 г., можно считать, что за первые 2 года третьей сталинской пятилетки советская крупная промышленность добьется, примерно, 30⁰/₀ роста производительности при задании на пятилетие — в 65⁰/₀ роста. Это значит, что для выполнения плана третьей пятилетки надо повысить производительность труда еще на 27—28⁰/₀ к уровню 1939 г. В решениях заводских коллективов принимаются обязательства выполнить пятилетний план по производительности труда — в четыре года, звучит уверенность в своей растущей силе, в умении правильно, культурно организовать производство, внедрить в повседневную практику предприятий все лучшее из стахановского опыта.

Итоги первых двух лет третьей сталинской пятилетки еще раз подтверждают, что социалистическому хозяйству доступны такие темпы роста, о которых капитализм и мечтать не может.

Неисчерпаемы родники народного творчества. В сложной, чрезвычайной всякими неожиданностями международной обстановке, в условиях капиталистического окружения наша страна стоит несокрушимо, как утес. В СССР все ярче разгорается пламя советского патриотизма, крепнет морально-политическое единство нашего народа, растет дружба национальностей, выше поднимается великое движение социалистического соревнования.

Для того чтобы перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны, требуется, как указывал товарищ Сталин, прежде всего «...серьезное и неукротимое желание идти вперед...».

В недавние дни декабря 1939 г. вся Советская страна подтвердила свою решимость бороться за полную победу коммунизма, единодушно избрав в местные советы депутатов трудящихся кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Рабочий класс Советского Союза отвечает своему любимому вождю твердым решением досрочно выполнить важнейшее задание третьей пятилетки, осуществив план по производительности труда в четыре года.

Новое в стахановском движении

1939 год войдет в историю строительства коммунистического общества как год зарождения и распространения новых форм социалистического труда. Великий советский народ, его передовые люди — стахановцы социалистической промышленности и социалистического сельского хозяйства — открыли новые богатейшие возможности роста производительности труда, усовершенствования техники.

Замечательно разнообразие различных форм стахановского движения, их необычайно быстрый рост и распространение. Многоstationное и многоагрегатное обслуживание, совмещение профессий и изучение нескольких специальностей, овладение со стороны женщин профессиями, которые раньше считались для них недоступными и непосильными, сооружение каналов добровольным трудом десятков тысяч колхозников — таков неполный перечень новых форм социалистического труда.

Каждый месяц, каждый день приносит множество фактов, свидетельствующих о том, что в развитии социалистических форм труда мы имеем новые качественные сдвиги, новые явления, характерные для периода завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Эти качественные сдвиги дают полное основание говорить о наступлении нового этапа в развитии стахановского движения.

* * *

Чем больше развивается социалистическое соревнование и его высшая форма — стахановское движение — на заводах, фабриках и колхозах нашей великой родины, тем яснее, отчетливее, глубже вырисовывается коренное отличие между трудом в социалистическом обществе и в обществе капиталистическом.

Характер и формы труда вытекают из характера и строя производственных отношений. Эксплуатация капиталом наемных рабочих определяет отношения на капиталистическом предприятии. Чем лучше, производительней рабочий работает на капиталистическом предприятии, тем больше богатство капитала, тем выше норма и масса прибавочной стоимости. От увеличения продукции выигрывает капиталист, а не рабочий. С ростом общественного богатства, с подъемом уровня производительной силы общественного труда положение рабочего класса при капитализме ухудшается. Средства производства принадлежат капиталу и выступают по отношению к рабочему как чуждая ему сила.

На капиталистической фабрике рабочий служит живым придатком к машине. Мертвый труд господствует над живым, продукт труда над его творцом. Производительные силы, созданные пролетариатом, олицетворяя власть капитала, выступают как враждебная сила, противостоящая рабочему. Машина становится средством повышения

интенсивности труда. Весь строй капиталистических отношений основывается на грабеже рабочего времени. Производство прибавочной стоимости и ухудшение положения рабочих масс являются условием для увеличения богатства капитала и безделья немногих. Труд в буржуазном обществе — ярмо, навязанное рабочему властью капитала, средство возрастания враждебной рабочему силы капитала.

Всем этим определяется отношение рабочего к труду в капиталистическом обществе. Труд — необходимость, навязанная рабочему враждебной силой капитала, неизбежность, которой нужно покоряться для того, чтобы существовать. Отсюда ненависть рабочего к подневольному труду, плоды которого пожинают тунеядцы.

Антагонистические отношения на капиталистической фабрике порождают систему надзора и систему наказаний. Принуждение рабочего к ненавистному труду на капиталиста на отдельной фабрике является необходимым дополнением к экономическому порабощению пролетариата классом капиталистов в общественном масштабе. «Кнут надсмотрщика за рабами заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, и благодаря законодательному остроумию фабричных Ликургов нарушение их законов, пожалуй, еще прибыльнее для них, чем соблюдение их»¹.

Коренным образом отличается отношение к труду в советском социалистическом обществе. Это вытекает из характера производственных отношений при социализме. Уничтожение эксплуатации и эксплоататоров, общественная собственность на средства и орудия труда определяют иное отношение рабочего к средствам труда и к самому труду. Мертвый труд уже не господствует над живым трудом, человек стал господином созданных им производительных сил. Рабочий здесь — не придаток машины, а сознательный творец, использующий машину. Здесь нет антагонизма между продуктом труда и его творцом. Радикально изменилось отношение между индивидом и обществом. С уничтожением классовых антагонизмов трудящийся в социалистическом обществе непосредственно заинтересован в увеличении масштаба производства, размеров продукции, в качестве производимых предметов.

Социализм создал совершенно новые стимулы к труду по сравнению с теми, которые существуют при капитализме. Общественная социалистическая собственность на средства труда в промышленности и в земледелии, прямая зависимость материального и культурного уровня трудящегося от уровня развития производства и размеров общественного богатства определяют иное отношение к труду в нашем обществе.

Отношение к труду как к общественному делу, как к делу чести и славы не сразу стало общераспространенным и общепризнанным. Коммунистические субботники были началом великого переворота в отношении людей к труду, началом создания новой дисциплины труда, что Ленин считал еще более важным и трудным делом, чем самое свержение буржуазии. Коммунистические субботники были сознательным и добровольным почином рабочих в создании нового типа общественной организации труда. Но в 1920 г. они охватили лишь передовые слои рабочего класса. Начиная с периода восстановления народного хозяйства и вплоть до 1929 г. новое отношение к труду становится достоянием все более широких масс рабочего класса. Основой этого изменения отношения к труду были успехи

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 466.

социалистической промышленности, громадная воспитательная и организационная работа партии, развитие и укрепление социалистических отношений. 1929 год стал годом великого перелома в росте производительности труда, в отношении к труду широчайших масс рабочего класса. «Перелом этот выразился в развертывании творческой инициативы и могучего трудового подъема миллионов масс рабочего класса на фронте социалистического строительства»¹.

Для того чтобы новое, социалистическое, отношение к труду стало характерным для всего рабочего класса, должны были произойти экономический переворот в земледелии, перевод крестьянских хозяйств на рельсы колхозов, ликвидация безработицы и тем самым полное осуществление права на труд. Социалистическая индустриализация дала свои первые плоды. Социалистическое соревнование, охватившее в годы первой пятилетки миллионы людей, было показателем всеобщего распространения нового отношения к труду. Стахановское движение явилось высшим этапом социалистического соревнования и в то же время зачатком того отношения к труду, которое будет характерно для высшей фазы коммунизма.

Труд в социалистическом обществе и труд при коммунизме базируются на одной и той же основе, но они имеют и ряд различий. Общие черты — отношение к труду как к великому общественному делу, заинтересованность в повышении производительности труда, отсутствие противоречий между ростом общественного богатства и интересами индивида.

Различия между трудом при коммунизме и при социализме сводятся к следующему. При коммунизме отмирает нормирование труда — он превращается в первую потребность человека; ликвидируется полностью былая противоположность между городом и деревней, между умственным и физическим трудом (которые еще не уничтожены окончательно при социализме); падают перегородки, созданные дроблением профессий и чрезмерной специализацией, — перегородки, которые еще сохраняются в обществе социалистическом. Когда речь идет о чертах, отличающих труд в социалистическом обществе от труда в обществе коммунистическом, не следует забывать, что социализм и коммунизм — одна и та же общественно-экономическая формация, что социализм перерастает в коммунизм, что черты труда, характерные для коммунистического общества, возникают и развиваются в обществе социалистическом. Так, обязанность трудиться, нормирование труда — особенность социалистического труда. В то же время добровольный характер социалистического соревнования и его высшей формы — стахановского движения — является чертой труда в социалистическом обществе, характерной и для труда в обществе коммунистическом.

Ленин следующим образом охарактеризовал труд при коммунизме: «Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне норм, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, — труд, как потребность здорового организма»².

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 265.

² Ленин, Соч., т. XXV, стр. 151.

Таковы характерные черты труда в коммунистическом обществе. Сознательное отношение к труду как к первой необходимости, привычка трудиться добровольно на общую пользу укрепляется коммунистическим воспитанием молодого поколения.

Новые формы социалистического труда, которые принес с собой последний год, демонстрируют дальнейшее развитие зачатков коммунистического труда, имеющих уже в самом социалистическом соревновании, в стахановском движении.

* * *

Остановимся прежде всего на новой форме социалистического труда, которая возникла в начале 1939 г. в сельском хозяйстве. Мы имеем в виду великий почин колхозников Средней Азии в сооружении новых каналов.

Начало этого массового движения было положено решением стахановцев 355 колхозов Ферганы, Алты-Арыка, Маргелана, Кувы и Ташлака Узбекской ССР собственными силами построить канал в пустынной Ляганской степи. 14 тысяч лучших колхозников-стахановцев построили канал в 17 дней вместо года по плану.

Вслед за Ляганским каналом силами 160 тыс. колхозников Узбекской ССР в течение полутора месяцев был прорыт Большой Ферганский канал длиной 270 км. В невиданно короткий срок построен канал, который по плану предполагалось строить 6—7 лет. Канал обеспечит водой 500 тыс. га старых и вновь вводимых в обработку земель.

Урало-Кушумский канал строили 7 500 колхозников Западного Казахстана; Бугунь-Чаяновский канал длиной 30 км 700 колхозников Западного Казахстана построили за 21 день. Он оросит 7 500 га колхозных полей.

В октябре 1939 г. свыше 1 000 колхозников Кабанского аймака, Бурят-Монгольской республики, построили дамбу на реке Селенге. В результате свыше 8 000 га сенокосных угодий, 3 500 га выгона спасено от наводнений.

Колхозники Узбекистана и Казахстана приступили к работам по орошению пустынной Голодной степи. Орошение части Голодной степи водами Аму-Дарьи даст стране сотни тысяч центнеров хлопка, тысячи тонн винограда и плодов.

25 октября 1939 г. колхозы районов Куба-Хачмасского массива, Азербайджанской ССР, приступили к постройке Самур-Дивичинского канала, длиной свыше 100 км.

Движение стало всесоюзным. К добровольному строительству каналов собственными силами с энтузиазмом приступили колхозы Орджоникидзевского края, Армении и других республик и областей страны. Всего в 1939 г. построено или начато строительство силами колхозников 70 каналов.

Строительство каналов силами колхозников дополняется строительством плотин и дорог. Ряд плотин построен колхозниками Калининской и других областей страны. На строительствах царит огромный подъем, стахановцы-колхозники дают по 3—5—8—10 норм.

В этом движении колхозников мы имеем, несомненно, новую форму социалистического труда. Прежде чем выяснить ее особенности, напомним о том, каковы формы и характер труда в колхозе. Труд в колхозе носит социалистический характер. Колхозники работают в пределах своего коллектива — в колхозах. Это — социалистическая кооперация известной группы людей, занятых в земледелии. В основе этой кооперации лежит социалистическая собственность на средства производства. Колхозник заинтересован в процветании своего кол-

хоза. Чем лучше колхозник работает, чем больше труда затрачивает, чем производительней его труд, чем выше урожайность, тем больше получает он на трудодень, тем богаче колхоз и отдельный колхозник. Эта форма социалистической кооперации непосредственно ограничена пределами колхоза.

Наряду с внутриколхозной формой кооперации мы имеем форму социалистического труда, выходящего за пределы колхоза, в масштабе МТС. Трактористы, комбайнеры, агрономы, шоферы, рабочие, управляющие всякого рода двигателями, инженеры, механики и т. д. обслуживают группу колхозов. Они трудятся при помощи средств производства, принадлежащих государству. Машинный парк МТС, все их энергетические ресурсы составили основу механизации колхозного труда, материальную базу превращения сельскохозяйственного труда в разновидность труда промышленного. Работа в МТС это — социалистическая форма труда, по самой природе своей выходящая за пределы отдельного колхоза. Труд трактористов, комбайнеров и других основан на кооперации многих однородных сложных машин (тракторов, комбайнов, молотилок и т. д.).

Социалистическая кооперация работников МТС, основанная на кооперации сложных машин, явилась формой труда, выходящей за пределы отдельного колхоза. Труд же самих колхозников, до возникновения движения по прорытию каналов, непосредственно ограничивался пределами самого колхоза.

Значение сооружения каналов силами многих колхозов и тысяч колхозников заключается в том, что здесь мы имеем социалистическую кооперацию колхозников, выходящую далеко за пределы колхоза. Это — добровольное движение самих колхозников, побуждаемых не только интересами своего колхоза, но и общественными интересами огромного масштаба. Это движение свидетельствует о громадном росте сознательности колхозников, которые самоотверженно трудятся в интересах сотен и тысяч колхозов, следовательно, в общегосударственных интересах. Движение это замечательно в том отношении, что совместный труд людей направлен на радикальное улучшение такого всеобъемлющего и всеобщего предмета труда, каким является земля. «Кооперация,— писал Маркс,—...позволяет расширять пространственную сферу труда, и потому при известных процессах труда ее требует уже самое расположение предметов труда в пространстве; так, напр., она необходима при осушительных работах, постройке плотин, работах по орошению, при проведении каналов, грунтовых, железных дорог и т. п.»¹

Такая кооперация многих колхозов и тысяч колхозников громадна по своим масштабам, изумительна по своим результатам. Она позволяет выполнять в течение недель и месяцев работы, на которые в обычных условиях и при обычных средствах требуются годы. Новая форма социалистического сотрудничества колхозников найдет широкое применение при оросительных и осушительных работах, по постройке плотин, дорог и т. д. Социалистическая кооперация десятков и сотен колхозов и тысяч колхозников, имеющая целью решение производственных задач огромных масштабов, открывает новый добавочный источник рабочих сил и позволяет в кратчайшие сроки поистине изменить лицо земли, превратить пустыни в цветущие сады.

Эта форма социалистического труда могла появиться лишь на основе расцвета колхозного строя, когда самые широкие массы колхозников поняли, что колхозный труд — единственный путь к изобилию продуктов. Прорытие каналов и постройка плотин силами самих

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 361.

колхозников — показатель того, что миллионы трудящихся в земледелии поняли, какие великие возможности открывает совместный труд людей на общее дело. Здесь труд колхозников в своем колхозе дополняется их трудом в масштабах десятков и сотен колхозов.

До сих пор строительство каналов и другие работы большого масштаба в земледелии, выходящие за пределы отдельного колхоза, выполнялись средствами государства. Теперь их начинают выполнять сами колхозники, оказывая социалистическому государству большую помощь громадными ресурсами рабочей силы. Колхозы и колхозники, таким образом, поднялись до понимания общегосударственных задач, далеко выходящих за пределы отдельного колхоза.

Это движение, возникшее по инициативе самих колхозников, направляется нашей партией, социалистическим государством. Благодаря помощи и руководству со стороны партийных организаций, благодаря огромному вниманию и поддержке, оказываемым товарищем Сталиным, движение быстро приняло громадные размеры, охватив миллионы колхозников.

При комбинированном труде, писал Маркс, «...дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила»¹. Колхозный социалистический труд создает такую новую производительную силу.

Новые формы труда дают социалистическому обществу новые источники для ускорения развития производительных сил, для повышения производительности труда. Эта форма кооперации громадных масс людей, движимых сознанием общественной пользы и необходимости совместного труда, далеко выходящего за рамки отдельного колхоза и отдельного села, будет приобретать все большее значение на нашем пути к коммунизму.

К новым явлениям в стахановском движении, которые принес 1939 год, относится и соревнование колхозников, развернувшееся в связи с Всесоюзной сельскохозяйственной выставкой. Колхозы и колхозники повели борьбу за достижение большей производительности труда, лучшей его организации, за повышение урожайности и доходности колхозов.

Возникло массовое движение колхозников за достижение в каждом колхозе показателей, которых добились стахановцы различных отраслей сельского хозяйства. Соревнование за участие в сельскохозяйственной выставке 1939 г., а затем и 1940 г. стало могучим стимулом улучшения организации сельскохозяйственного труда, нового подъема стахановского движения в колхозах. Для сотен тысяч людей, побывавших на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке — стахановцев, бригадиров и председателей колхозов, агрономов, и др., выставка стала настоящей школой. Эти люди понесли в колхозы достижения передовой сельскохозяйственной науки, чтобы сделать их достоянием десятков тысяч колхозников. Они содействуют внедрению в сельскохозяйственную практику достижений Мичурина и Черненко, Цицина и Державина, Лысенко и Вильямса.

Нет ни одной отрасли сельскохозяйственного производства, ни одной области и района, которые не испытали на себе благодетельных результатов сельскохозяйственной выставки. Движение за сто центнеров хлопка с 1 га, возглавленное Ибрагимом Рахматовым, колхозным бригадиром из Наманганского района, Узбекской ССР, движение стопудовиков в зерновом хозяйстве, движение за внедрение ефремовских методов, за рекордные удои молока, за высокие

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 358.

урожаи свеклы — все это приобретает широчайшее и всеобщее распространение в процессе соревнования за право участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Новый подъем стахановского движения, связанный с Всесоюзной сельскохозяйственной выставкой, происходит на основе установления связи между колхозниками с целью обмена опытом работы. Сознание массы колхозников поднимается до понимания необходимости тесной связи с другими колхозами для достижения лучших показателей в производительности труда, применении достижений агрономии и агротехники в сельском хозяйстве.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка — грандиозный итог успехов социалистического земледелия. Подъем стахановского движения в сельском хозяйстве в связи с выставкой — одно из величайших достижений в области социалистического труда во втором году третьей сталинской пятилетки.

* * *

В июне 1939 г. на харьковском заводе им. Молотова и Уралмашзаводе им. Сталина возникло движение многостаночников. С исключительной быстротой оно распространилось по стране. Особый размах приобрело это движение в исторические сентябрьские дни, когда в нашей стране в ответ на обращение т. Молотова в связи с выступлением Красной Армии для освобождения народов Западной Украины и Западной Белоруссии от гнета польских панов начался новый мощный трудовой подъем.

На многостаночное обслуживание перешли в сентябре сотни и тысячи рабочих. На Первом шарикоподшипниковом заводе им. Л. М. Кагановича уже к 22 сентября 600 рабочих перешли на обслуживание многих станков. По предприятиям г. Горького, не считая области, в середине ноября насчитывалось более 3 тыс. многостаночников, обслуживающих в среднем 2,7 станка каждый. На Кировском заводе в Ленинграде к началу ноября насчитывалось 476 многостаночников, обслуживающих 1 223 станкосмены. На Государственном оптико-механическом заводе (ГОМЗ) в ноябре 106 рабочих обслуживали в общей сложности 258 станков. На харьковском заводе им. Молотова уже в середине октября насчитывалось 120 многостаночников. В механических цехах этого завода работает 111 станков. При трех сменах эти станки должны были обслуживаться свыше чем 300 рабочих. Теперь их обслуживают 38 рабочих. На Харьковском тракторном заводе в середине октября 558 станков в три смены обслуживались всего 356 рабочими. Движение ширится и нарастает как снежный ком, пущенный с горы. Удивительная быстрота, с которой новые методы работы были подхвачены стахановцами по всей стране, является свидетельством величайшей жизненности этих методов. Они были подготовлены всем предыдущим развитием стахановского движения.

До возникновения массового движения многостаночников обслуживание нескольких станков практиковалось почти исключительно на автоматах и полуавтоматах. Стахановцы доказали полную возможность обслуживания одним рабочим двух-трех и более неавтоматических станков — фрезерных, строгальных, долбежных, токарных, карусельных и других. Растет количество станков, обслуживаемых одним рабочим. С каждым днем увеличивается число многостаночников, вначале обслуживавших два-три станка и теперь — пять-шесть и более. Правилom становится, при переходе стахановца на многостаночное обслуживание, перевыполнение норм выработки на

каждом станке. Примеров такой работы тысячи. Приведем лишь несколько из них.

На заводе «Красный пролетарий» (Москва) стахановка т. Каурова работает на четырех станках и выполняет норму на 660%. На Ростсельмаше строгальщик т. Ларыгин, работая на трех станках, добился выполнения нормы на 1400%. На заводе им. Дзержинского (Азнефтемаш) стахановцы-многостаночники гг. Сапунов, Артемов и Бондаренко выполняют нормы на 300—350% и т. д.

Вслед за многостаночным движением началось движение за многоагрегатное обслуживание. Так, на заводе «Республика» (Наркомхимпром) каждый обжигальщик обслуживает две ультрамариновые печи и третью — керамическую. Прокатчики рулонной алюминиевой фольги (Московский металлопрокатный завод Главцветметобработки) работают на двух агрегатах и т. д.

Одновременно с движением многостаночников началось движение по совмещению профессий. И это не случайно. Эти две формы стахановского движения необходимым образом связаны друг с другом. Самый переход на обслуживание многих неавтоматических станков был связан с обслуживанием станков разного типа. Так оно и было на харьковском заводе им. Молотова, стахановцы которого стали пионерами многостаночного обслуживания.

Различное соотношение между машинным и вспомогательным временем на станках разных типов дает возможность во время обработки одной группы деталей на одном станке в свободное время обслуживать другой.

Приведем примеры совмещения работы на разнотипных станках. На заводе «Динамо» строгальщик т. Орлов одновременно обслуживает строгальный и долбежный станки. На том же заводе стахановец цеха машин постоянного тока т. Гриневич работает на трех станках: на одном производит расточку остовов трамвайных вагонов, на втором — обдирку коробок различных моторов, на третьем — их отделку. В цехе жестяной тары завода им. Менделеева установщики штампов взяли на себя обязанности регулировщиков закаточных станков. Стахановцы совмещают обслуживание строгальных и фрезерных, расточных и револьверных, сверлильных и токарных, карусельных, башенно-карусельных и долбежных станков и т. д. Комбинации здесь самые разнообразные.

Переход на одновременное обслуживание разнотипных станков требует овладения несколькими специальностями. И тут со всей силой и ясностью обнаружилось, насколько вырос в культурно-техническом отношении рабочий класс нашей страны. Оказалось, что массы стахановцев не только проявляют желание овладеть несколькими профессиями, но и имеют полную возможность осуществить это. Появились десятки тысяч людей, которые сумели овладеть работой на разнотипных станках, перевыполняя при этом нормы на каждом из них. Это значит, что в нашей стране выросли целые слои рабочих, глубоко знающих основы производства, технику своего предприятия в целом. Это облегчает овладение несколькими специальностями. Приведем в качестве примера семью Морозовых, работающую на заводе «Динамо» им. Кирова. Отец — Василий Кириллович — фрезеровщик; он изучил строгальное дело. Его жена — Аксинья Егоровна — сверловщица; она овладевает токарным станком. Сын — Константин Васильевич — фрезеровщик, но изучил и токарное дело. Слесари по ремонту гг. Байков, Титов и Леонов научились работать на токарных, фрезерных и строгальных станках.

Движение захватило и работающих на вспомогательных опера-

циях. Эти рабочие либо совмещают вспомогательные профессии либо наряду с выполнением своих прежних обязанностей обслуживают станки.

В химической промышленности, черной металлургии, на электростанциях и в других отраслях стахановцы совмещают обязанности машинистов и слесарей текущего ремонта; подсобные группы рабочих — электриков, слесарей, шорников и др. — численно сокращаются, их обязанности по мелкому ремонту в порядке совмещения профессий выполняют работающие у аппаратов. Это ведет к резкому повышению производительности труда и уменьшению удельного веса подсобных рабочих.

Совмещение профессий и многостаночное обслуживание уже дают колоссальную экономию рабочей силы. На отдельных участках пяти предприятий Главмеди в результате совмещения профессий высвободилось 37% рабочих. В лакокрасочной промышленности многостаночное обслуживание и совмещение профессий позволили высвободить около 10% планового количества рабочих. На Красноуральском заводе Главстройстекла благодаря совмещению профессий количество рабочих уменьшилось больше чем на 10%. На Орехово-Зуевском заводе «Карболит» к середине ноября совмещали профессии 475 рабочих, командиров производства и служащих. На металлургическом заводе им. Петровского многостаночное обслуживание и совмещение профессий позволило высвободить несколько сот рабочих. 1940 год должен дать новые успехи в этом направлении.

Если движение колхозников вскрывает новые резервы, позволяющие в невиданно короткие сроки методами добровольного труда, применяемого в больших масштабах, буквально изменить лицо земли, то новый этап в стахановском движении в промышленности является дальнейшим шагом вперед в ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом.

Соединение умственного и физического труда наряду с добровольностью труда, ставшего первой потребностью человека, является характерной чертой коммунистического общества. Классовое общество разорвало естественную связь между умственной и физической работой. «Как в самой природе голова и рука принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются головной и ручной труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности»¹.

Разрыв между умственным и физическим трудом был неизбежен в классовом обществе: он был одним из условий роста производительности труда. Господствующие классы обладали монополией на образование. Капитализм усилил разрыв между умственным и физическим трудом неимоверно. Умственный труд стал привилегией богатых, труд физический — уделом бедняков. Физический труд, «олуштошенный», по выражению Маркса, и лишенный всякого творческого напряжения, радостей умственной деятельности, сводится к выполнению известного количества монотонных операций. Чрезвычайное дробление операций, громадный рост общественного разделения труда, создающий бесчисленное количество профессий и специальностей, приводит к крайней однобокости, раздробленности труда, односторонности развития, к «профессиональному идиотизму», по выражению Маркса.

Противоположность между умственным и физическим трудом — необходимый результат и выражение общественного разделения труда. Капитализм, устанавливая безраздельное господство города над

¹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 394.

деревней (а противоположность между городом и деревней также является формой общественного разделения труда), дробит до крайности отрасли производства и в промышленности и в сельском хозяйстве. Общественное разделение труда образует основу товарного хозяйства, высшей ступенью которого является капитализм. Промышленность — и добывающая и обрабатывающая — делится на мелкие виды и подвиды. В самостоятельные отрасли промышленности превращаются даже отдельные операции по производству продукта. Обмен, рынок связывает между собой эти раздробленные до крайности виды общественного производства и отрасли промышленности.

Такое общественное разделение труда приводит к созданию тысяч и десятков тысяч профессий и специальностей физического труда. Этот процесс со всей силой проявляется уже в мануфактуре, затем он развивается и обостряется в крупной промышленности. Превращая рабочего в частичного рабочего, мануфактура сводит его труд к выполнению нескольких или даже одной операции. Рабочий превращается в урода, способности которого подавлены. В нем искусственно культивируется лишь известная сноровка к выполнению данной частичной работы.

При машинном производстве духовная опустошенность физического труда доходит до пределов. Машинный труд завершает отделение ручного труда от умственной деятельности. «Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы...»¹

На капиталистической фабрике рабочий — придаток мертвого механизма. Машина лишает труд рабочего всякого содержания; его функции сводятся к выполнению операций, требуемых ходом машины. Вместе с тем общественное разделение труда создает громадное множество расщепленных профессий и в среде работников умственного труда.

Но крупная промышленность, закрепляя и доводя до предела разделение труда, созданное мануфактурой, подготавливает и предпосылки к восторонней подвижности рабочего. Крупная промышленность делает необходимым переход рабочих из одной отрасли производства в другую, обуславливая перемену труда. В то же время она воспроизводит на новой машинной основе мануфактурное разделение труда с его чрезмерной специализацией и окостенением профессий. Это противоречие между подвижностью рабочего и окостенением профессий приводит к расточению рабочих сил, лишает рабочего всякого покоя. В любой момент рабочий может оказаться лишним, выброшенным за борт промышленности, очутиться в рядах резервной армии труда.

Таковы особенности общественного разделения труда и противоположности между умственным и физическим трудом при капитализме.

Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин показали, что при коммунизме исчезает противоположность между умственным и физическим трудом, а вместе с тем и старое разделение труда, прикованность к определенной узкой профессии и специальности. Система воспитания, обеспечивающая высокий уровень культуры и технических знаний всех граждан общества, всеобщая механизация и автоматизация производства позволяют трудящемуся переходить в соответствии с требованиями общественного производства и личными склонностями от одного вида труда к другому. Короткий рабочий день дает воз-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 465.

возможность трудящемуся заниматься после основной работы интересующими его вопросами науки и искусства.

Предпосылки для всестороннего развития личности и ликвидации профессиональной ограниченности создает уже техника крупной капиталистической промышленности. Однако капитализм не реализует этих возможностей вследствие присущих ему классовых антагонизмов. Более того, капитализм в своем развитии доводит до крайности созданное мануфактурой дробление профессий и специальностей. Автоматизация при капитализме не может стать господствующей формой техники. Автоматическая система машин — техника коммунизма.

Характерной чертой труда в коммунистическом обществе является то, что прикованность человека к одной частичной общественной функции заменяется различными, сменяющимися друг друга формами жизненной деятельности. Ликвидация противоположности между умственным и физическим трудом означает, что каждый трудоспособный гражданин коммунистического общества будет совмещать одновременно и физическую и умственную работу, т. е. он не только сможет после основной работы заниматься интересующими его вопросами науки и искусства, а будет соединять умственную и физическую деятельность в непосредственном процессе материального производства. Труд становится одновременно и телесным, физическим упражнением и духовной, творческой деятельностью.

Уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом будет достигнуто не устранением одной из ее сторон, а соединением умственного труда и труда физического, разорванных эксплуататорским обществом. При коммунизме регулирование, контроль и управление автоматами, ремонт машин, работа на транспорте, в сельском хозяйстве и т. д. — все это является одновременно и физической и умственной творческой деятельностью.

Процесс уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом начался у нас уже на другой день после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Мы ликвидировали монополию буржуазии на образование, раскрыв двери школ и вузов для рабочих и крестьян — людей физического труда. Создав многочисленную интеллигенцию из рабочих и крестьян, Советская власть сблизила людей умственного и физического труда. В годы сталинских пятилеток была осуществлена культурная революция, поднявшая культурный уровень всего народа. Интеллигенция составляет ныне 13—14% населения Страны советов. Выше четверти всего населения СССР охвачено школами, курсами по повышению квалификации, вузами, техникумами и т. д.

На XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин поставил перед партией и страной задачу — «...сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными...»¹. Третья сталинская пятилетка делает громадный шаг в направлении решения этой задачи. Пятилетний план предусматривает проведение «широкого круга мероприятий для серьезного продвижения вперед в осуществлении исторической задачи — поднятия культурно-технического уровня рабочего класса СССР до уровня работников инженерно-технического труда»².

Осуществление всеобщего среднего обучения в городах, всеобщего семилетнего обучения в деревнях и национальных республиках, рас-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 609.

² Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 33.

ширение контингента учащихся вузов и втузов до 650 тыс. человек, повышение производственной и иной квалификации рабочих и колхозников — все это поможет выполнить задачу культурно-технического подъема рабочего класса до уровня людей инженерно-технического труда. Именно в этом, как показал товарищ Сталин в речи на Первом всесоюзном совещании стахановцев, заключается конкретный путь уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Теперь, через четыре года после этой речи товарища Сталина, стахановское движение приобрело не только могучий количественный размах, но и дало новые качественные сдвиги. Движение многостаночников и совмещение профессий являются дальнейшим шагом вперед в поднятии культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда.

Стахановцы выступили как новаторы производства, они сломали старые технические нормы, добились в ряде случаев производительности труда, превышающей уровень, достигнутый в передовых капиталистических странах. Только на этом пути — на пути повышения производительности труда — можно обеспечить обилие продуктов, необходимое для перехода от распределения по труду к распределению по потребностям.

Переход на многостаночное обслуживание сопровождается изменениями в технике и технологии производства, вносимыми в громадном количестве случаев самими стахановцами. Стахановцы-многостаночники производят настоящую революцию в теории резания металлов. Стахановец Московского инструментального завода т. Аристархов добился повышения скоростей нарезки газовых метчиков с 10 до 118 м в секунду, что считалось до того в науке совершенно невыполнимым. Стахановцы повысили скорости мотылей привода конвейера и т. д.

Характерными для многостаночного движения являются механизация и автоматизация рабочих операций, выполнявшихся вручную, увеличение машинного времени и уменьшение вспомогательного. Именно таким путем достигается возможность одновременной работы на нескольких неавтоматических станках.

Стахановцы добиваются автоматизации установки и снятия деталей, закрепления и открепления их, совмещения нескольких операций в одной, одновременной обработки деталей и т. д. Стахановец выступает не только как исполнитель, но и как организатор производства. Широкую известность приобрело изобретение слесаря Сталинградского тракторного завода т. Иночкина, который реконструировал многорезцовый токарный станок в автомат. Автомат принимает литье, автоматически его устанавливает, зажимает, обрабатывает, затем разжимает, снимает и передает в дальнейшую обработку. Вся операция длится 42 секунды.

Напомним еще об изобретении т. Волкова. Используя толкательную силу барабана, он соединил несколько станков «Цинцинати» обыкновенной трубкой, по которой ролики подаются без вмешательства рабочего от станка к станку. В результате рабочий получил возможность управлять агрегатом в 3—4 станка. Таких примеров творческой изобретательности стахановцев, применения накопленных ими знаний для усовершенствования производственного процесса — десятки тысяч.

Совершенствуя и рационализируя технологический процесс, внося в производство накопленные знания и опыт, овладевая культурой производства, стахановцы-многостаночники и стахановцы, совмеща-

ющие профессии, дают образцы соединения умственного и физического труда. Их труд это — «экспериментальная наука, материально-творческая и предметная наука», соединенная «с телесным упражнением», как говорил Маркс, характеризуя труд в коммунистическом обществе.

В социалистической промышленности вырос новый тип рабочего. Это — не ремесленник, а культурный рабочий, обладающий разносторонними знаниями в области производства.

Касаясь общественного разделения труда при коммунизме, Энгельс писал: «Общественное управление производством не может осуществляться людьми в роде нынешних, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, где каждый развивает только одну сторону своих способностей за счет всех других и знает только одну отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше в состоянии пользоваться такими людьми. Тем более промышленность, управляемая всем обществом планомерно и в общественном интересе, нуждается в людях со всесторонне развитыми способностями, в людях, способных ориентироваться во всей системе производства»¹.

Наше социалистическое общество дает полную возможность трудящимся всесторонне развивать свои способности и таланты. Совмещение профессий является осуществлением, реализацией в процессе производства громадных успехов страны социализма в этом отношении. Совмещение профессий является началом ликвидации общественного разделения труда, профессиональной ограниченности, ликвидации, которая будет полностью осуществлена при коммунизме.

Массовое добровольное движение колхозников, сооружающих каналы, движение многостаночников и совмещение профессий — все это многообразные формы труда в Стране советов, осуществляющей постепенный переход от социализма к коммунизму. Это формы труда, характерные для периода постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В ближайшие годы мы будем свидетелями еще более мощного развития многостаночного движения и совмещения профессий, дальнейшего вовлечения женщин в производство. Вместе с тем появятся новые формы социалистического труда, все более приближающиеся к типу коммунистического труда.

Новый этап в стахановском движении ярко подтверждает глубину и гениальность оценки его товарищем Сталиным как формы труда, характерной для перехода от социализма к коммунизму. Стахановское движение является той найденной рабочим классом на известной ступени строительства социалистического общества всеобъемлющей формой социалистического труда, на основе которой будет осуществлена ликвидация противоположности между умственным и физическим трудом, устранены профессиональная окостенелость и ограниченность — эти характерные черты труда эксплуататорского общества.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 478.

Структура промышленного производства в СССР

Переход к коммунизму требует такого развития производства, которое позволяет осуществить распределение по потребностям. Прежде всего необходимо достигнуть высокого уровня развития промышленности, так как последняя все больше определяет масштабы продукции и технический уровень всего народного хозяйства.

Увеличение объема выпускаемой продукции неразрывно связано с изменением структуры воспроизводства.

Технический прогресс и рост производительности труда требуют повышения удельного веса отраслей, производящих средства производства, что предполагает образование новых отраслей и изменение взаимосвязей между ними. С другой стороны, повышение уровня личного потребления сопровождается расширением круга отраслей, выпускающих предметы потребления. Овладение новыми природными ресурсами также вызывает к жизни новые отрасли производства, а, следовательно, влияет на структуру народного хозяйства. Наконец, существенное влияние на структуру промышленности оказывает характер ее взаимосвязей с другими отраслями народного хозяйства.

В объеме и структуре производства материальных благ находит свое выражение уровень развития производительных сил. А изменения в производительных силах определяют изменения в производственных отношениях.

В свою очередь социалистические производственные отношения и весь общественный строй воздействуют на последовательность развития отдельных отраслей, соотношение и взаимосвязи между ними, а также на степень обслуживания промышленностью нужд других отраслей народного хозяйства, в особенности сельского хозяйства.

Таким образом изменения в структуре производства самым тесным образом связаны со способом производства, степенью развития производительных сил и естественными ресурсами данной страны.

Построение социалистической экономики в нашей стране потребовало создания структуры промышленности, коренным образом отличающейся от той, которая существовала в царской России и существует в главных капиталистических странах. Решение основной экономической задачи СССР требует дальнейших серьезных изменений в структуре промышленного производства нашей страны.

I

Промышленность, которая досталась диктатуре пролетариата от царской России, была достаточной, для того чтобы приступить к делу социалистического строительства в нашей стране.

При всей слабости, отсталости и полуколониальной зависимости царская буржуазно-помещичья Россия обладала все же весьма концентрированной промышленностью, которая давала значительную часть продукции народного хозяйства. Из совокупной продукции крупной промышленности и сельского хозяйства на долю индустрии

в 1913 г. приходилось 42,1%. В ней был сосредоточен самый передовой и самый революционный в мире рабочий класс. Однако по сравнению с индустрией главных капиталистических стран промышленность капиталистической России в целом была отсталой в экономическом и техническом отношении. Это ярко проявлялось в структуре промышленного производства.

Структура промышленности царской России характеризовалась крайне недостаточным развитием отраслей, производящих средства производства и прежде всего орудия производства, отраслей, которые более всего определяют уровень развития производительных сил.

Машиностроение давало лишь 6,8% продукции всей крупной промышленности, в то время как, например, в США, при более высоком уровне развития и других отраслей тяжелой промышленности, удельный вес машиностроения составлял в 1914 г. 10,7%. Объем продукции хлопчатобумажной промышленности был в дореволюционной России почти в три раза больше продукции машиностроения.

Царская Россия была оборудована «...современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки»¹. Тем не менее тяжелая промышленность дореволюционной России не в состоянии была воспроизводить собственными силами и эту небогатую технику. Так, в 1913 г. импорт продукции машиностроения составлял 43,6% их внутреннего потребления.

В машиностроении наиболее слабо были развиты отрасли, производившие орудия производства для изготовления средств производства. В 1913 г. в России было произведено лишь 1490 металлорежущих станков; общая мощность всех изготовленных паровых турбин составляла 5,9 тыс. квт., общая поверхность нагрева выпущенных котлов — лишь 28 тыс. м² и т. д. Наибольшая доля импорта по отношению к внутреннему потреблению приходилась в дореволюционной России именно на промышленные машины (в 1912 г. — около 60%).

Сравнительно больше было развито железнодорожное машиностроение, история которого в дореволюционной России связана не только со стремлениями промышленной буржуазии захватить источники сырья и колонии, но также с экспортными операциями помещиков, с устремлениями «военно-феодалного империализма». Импорт машин для транспорта составил в 1912 г. 1/3 по отношению к внутреннему их потреблению. Весьма слабо было развито в дореволюционной России производство сельскохозяйственных машин. Импорт их составлял около 60% по отношению к внутреннему потреблению.

Металлообрабатывающая промышленность царской России, так же как и машиностроение, производила главным образом грубые изделия и в меньшей степени сложные и тонкие изделия. Так, импорт тонких металлоизделий составил в 1912 г. 215% внутреннего производства, средних — 66% и грубых 9%.

Сравнительно сильнее, чем машиностроение, были развиты отрасли, производящие вещественные элементы оборотного капитала, в особенности отрасли, обслуживавшие строительство. Однако эти последние были приспособлены к удовлетворению нужд строительства, которое велось в относительно небольших масштабах и при том примитивными методами. В стране было довольно большое число мелких кирпичных заводов, в то же время уровень производства цементной промышленности был крайне низким.

Слабо по сравнению с передовыми капиталистическими странами была развита в царской России металлургия, в особенности цветная.

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 543.

В 1913 г. в России выплавлялось чугуна в 7,5 раза меньше, чем в США, и в 2,9 раза меньше, чем в Германии. Черная металлургия как по масштабам производства, так и по сортаменту продукции, была приспособлена к обслуживанию преимущественно железнодорожного, строительного (главным образом жилищного), мелкого городского, а также сельскохозяйственного спроса, а не потребностей машиностроения. В результате машиностроение и металлообработка в значительной мере базировались на импортных материалах (в 1908 г. импорт составил около 25% всех потребленных материалов).

Весьма неустойчивой была топливно-энергетическая база царской России. В топливно-энергетическом балансе страны крупнейшее место занимали дрова. Нефтяная промышленность носила «мазутный» характер.

Электрификация страны, по существу, еще не начиналась. В промышленности преобладала паровая техника. По выработке электроэнергии царская Россия занимала 15-е место в мире.

Особенно слабо была развита химическая промышленность, которая несколько возросла лишь за годы войны. Продукция этой отрасли составила в 1913 г. всего 0,8%¹ всей продукции промышленности против 7,6% в 1914 г. в США.

Хотя в промышленности царской России преобладающее место занимало производство предметов потребления, тем не менее многие важные отрасли легкой и пищевой промышленности отсутствовали или были мало развиты. Исключительно слабо были развиты культурные отрасли — производство бумаги, полиграфическая промышленность и т. д.

Для промышленности царской России было характерно глубокое несоответствие между наличными природными ресурсами и структурой промышленного производства. В больших масштабах импортировались продукты, для производства которых внутри страны были совершенно неограниченные естественные ресурсы (угля импортировалось 20% к потреблению, суперфосфата — 63%, бумаги — 26% и т. д.).

Многие важные звенья в промышленности царской России отсутствовали или были слабо развиты. Роль промышленности в развитии всего народного хозяйства была ограниченной. На многие отрасли народного хозяйства и районы страны развитие крупной промышленности вовсе не оказывало влияния.

Могла ли такая промышленность непосредственно явиться материальной базой социализма? Нет, не могла. Во-первых, она обуславливала технико-экономическую зависимость от наиболее развитых капиталистических стран. Во-вторых, она была недостаточной для того, чтобы служить основой реконструкции на социалистических началах всего народного хозяйства. В-третьих, вследствие относительной технической отсталости были еще весьма ограничены возможности подъема производительности труда.

Для того, чтобы создать промышленность, которая могла служить материальной базой социализма, нужно было коренным образом изменить отраслевую структуру, доставшуюся нам от царской России.

Крупная промышленность, необходимая для социализма, создавалась в определенной последовательности, диктуемой как общей перспективой движения к социализму, так и совокупностью политической и хозяйственной обстановки каждого данного периода. Изменения в отраслевой структуре промышленности происходили в соответствии

¹ Основная химия.

с ее внутренними потребностями, а также с задачами реконструкции народного хозяйства в целом.

Экономическое возрождение страны начиналось на базе старого производственного аппарата промышленности. Чтобы вдохнуть жизнь в этот омертвевший производственный аппарат, нужно было дать промышленности ее хлеб — топливо, и прежде всего уголь. Поэтому в 1921/22 г. партия ставит задачу — ликвидировать топливный голод. С этой целью партия организует борьбу за подъем Донбасса, развитие местных видов топлива, торфяной промышленности, лесоразработок¹. На VIII Съезде Советов РСФСР в 1920 г. был принят ленинско-сталинский план Гоэлро, определивший создание по существу новой отрасли промышленности — электроэнергетики — и форсирование строительства электростанций. Принятие этого плана было связано с решением коренного вопроса о путях построения материально-технической базы социализма на основе электрификации.

Восстановление промышленности надо было начать с отраслей, обслуживавших крестьянский рынок и обеспечивавших укрепление торговой смычки города с деревней. Удовлетворение спроса крестьян на промышленные товары являлось важнейшим условием получения из деревни продовольствия для рабочих и сельскохозяйственного сырья для промышленности. Этим определялось особое внимание, уделявшееся в восстановительный период легкой индустрии, развитие которой выдвигалось на первый план. Однако уже и в этот период в решениях партии неоднократно подчеркивалась необходимость быстрого развития металлопромышленности.

Подъем легкой промышленности в восстановительный период позволил увеличить товарооборот между городом и деревней, что послужило серьезным источником накопления в промышленности. В невиданно короткий исторический срок производственный аппарат был восстановлен и частично реконструирован. Подъем сельского хозяйства и транспорта со своей стороны обеспечили осуществление задач восстановительного периода. После того, как был преодолен острый недостаток топлива и проведена денежная реформа, на очередь стала проблема металла. Подъем металлургии до определенного уровня был необходим, для того чтобы подготовить проведение социалистической индустриализации нашей страны.

Восстановление и почти полное использование мощности старого производственного аппарата со всей силой обнаружило исторически унаследованные диспропорции между отраслями промышленности. Осуществление индустриализации и борьба за технико-экономическую независимость нашей страны потребовали форсированного развития тяжелой промышленности в целом, и в первую очередь машиностроения.

Все возрастающие масштабы расширенного воспроизводства основных фондов диктовали необходимость создать прочную материальную базу строительства: развить производство кирпича, цемента и лесоматериалов. Вокруг производства стройматериалов, обеспечивавшего объем и темпы капитального строительства и всего расширенного воспроизводства в промышленности, разворачивается острая классовая борьба.

Развитие машиностроения и строительства предъявляло серьезные требования к металлургии. В августе 1928 г. ЦК ВКП(б) вынес известное решение о работе треста «Югосталь», определившее пути развития черной металлургии. Борьба за металл была борьбой за индустриализацию страны. Вот почему на этом фронте промышленности

¹ См. цирк. письмо ЦК РКП — «На борьбу с топливным кризисом».

пришлось также преодолеть жестокое сопротивление врагов социалистической индустриализации. Решение ЦК ВКП(б) о тресте «Югосталь» было направлено и против тех, кто пытался сорвать строительство новых металлургических заводов, и против тех, кто стремился преждевременно вывести из строя старые мощности.

Форсирование процесса индустриализации означало необходимость известного импорта промышленных машин и сырья. В связи с этим в целях получения валюты некоторые отрасли промышленности и сельского хозяйства работали не только для нужд внутреннего рынка, но и для экспорта. С другой стороны, в специальном решении (апрель 1928 г.) ЦК ВКП(б) поставил задачу — ускорить развитие золотопромышленности как базы золотого фонда страны для нужд внешней торговли.

Одновременно с развитием тяжелой промышленности продолжается расширение отраслей, производящих предметы потребления. Подъем этих отраслей был возможен только на основе роста сельского хозяйства. Ведущей же отраслью сельского хозяйства, от которой зависит подъем всех его остальных отраслей, является зерновое хозяйство. Развитие крупного мукомолья должно было стимулировать рост зернового хозяйства, создать прочную базу для овладения хлебооборотом и сосредоточения хлебных запасов в руках государства. Поэтому уже в 1926 г. из отраслей пищевой промышленности партия выдвигает на первый план крупное мукомолье¹.

Успехи в решении зерновой проблемы поставили в порядок дня проблему мяса. В декабре 1929 г., а затем в сентябре 1931 г. ЦК ВКП(б) выносит известные постановления о создании крупной мясной и консервной промышленности.

Все эти решения об отраслях промышленности, производящих предметы потребления, имели задачи, с одной стороны, ускорение развития сельского хозяйства, а с другой — создание продовольственной базы индустриализации в целях снабжения быстро растущих городов.

Социалистическая индустриализация призвана последовательно реконструировать все звенья народного хозяйства. Поэтому в период индустриализации создаются отрасли, которые должны обеспечить перевооружение сельского хозяйства и его социалистическую реконструкцию. В решениях XV съезда ВКП(б) о работе в деревне, XVI партийной конференции (апрель 1929 г.) и ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) указывалось, что создание материально-технической базы для социалистического преобразования деревни имеет первостепенное значение. В соответствии с этим и был заложен фундамент крупного сельскохозяйственного машиностроения и тракторостроения и поставлена задача химизации страны, потребовавшая в свою очередь развития химического машиностроения.

К началу первой пятилетки были заложены основы индустриализации страны. Повысился удельный вес тяжелой промышленности, в частности машиностроения и электроэнергетики. Однако тяжелая промышленность не заняла еще преобладающего места в промышленной продукции; еще отсутствовали или были слабо развиты некоторые важные звенья тяжелой промышленности, необходимые для реконструкции народного хозяйства и достижения полной технико-экономической независимости СССР.

Изменения в отраслевой структуре промышленности в первой пятилетке имели своей задачей создание такой промышленности, которая могла бы явиться основой реконструкции всего народного хо-

¹ См. решения апрельского пленума ЦК ВКП(б).

зяйства. Для этого необходимо было прежде всего создать и развить в соответственных масштабах такие отрасли тяжелой индустрии, которые служат расширенному воспроизводству в самой тяжелой индустрии (станкостроение, энергетическое машиностроение, черная и цветная металлургия, производство электроэнергии, добыча угля и др.). Дело заключалось, однако, не только в том, чтобы создать недостающие отрасли тяжелой промышленности, но и в том, чтобы поднять общий объем производства в промышленности. Товарищ Сталин на XVI съезде ВКП(б) специально подчеркнул важность решения этой задачи.

Тяжелая промышленность в первой пятилетке не ограничивалась созданием своего собственного производственного аппарата. Она одновременно служила делу реконструкции сельского хозяйства, снабжая его тракторами, современными машинами и удобрениями и подводя тем самым техническую базу под происходившую в тот период коллективизацию сельского хозяйства. В первой же пятилетке в основном силами тяжелой промышленности в СССР была построена крупная пищевая индустрия.

Во второй пятилетке тяжелая промышленность, реорганизовав в основном самое себя, стала широко осуществлять реконструкцию всего народного хозяйства. Ведущую роль здесь играло машиностроение. Особенно выросли отрасли, обслуживающие транспорт (железнодорожный и автомобильный), ряд отраслей пищевого и легкого машиностроения, а также отрасли, обеспечивающие укрепление обороноспособности страны. Крупнейшее значение имело быстрое развитие во второй пятилетке черной металлургии, создание новых отраслей цветной металлургии (никель, цинк, олово), а также подтягивание энергетики и ряда отраслей, производящих сырье.

Соотношение роста продукции важнейших отраслей за весь рассмотренный период видно из данных следующей таблицы (см. табл. 1).

II

Изменения в отраслевой структуре промышленного производства СССР потребовали изменения внутренних взаимосвязей между отраслями. При помощи этих взаимосвязей обеспечивалось возобновление и расширение основных и оборотных производственных фондов соответственных отраслей промышленности.

Межотраслевые производственные связи в промышленности в зависимости от экономического назначения производимой и потребляемой продукции служат воспроизводству либо основных, либо оборотных фондов, либо предметов потребления.

Группировка отраслей промышленности по экономическому назначению производимой продукции дана в приводимой ниже таблице (см. табл. 2).

По последним опубликованным данным, в 1934 г. производство всех средств производства составило 59% продукции промышленности СССР, в том числе производство орудий труда — 23%, элементов оборотных фондов — 36%, из них для строительства — 6%. В производстве средств производства удельный вес орудий труда составлял 39%, элементов оборотных фондов — 61%, в том числе для строительства — 11%. Таким образом, не менее половины всех выпускаемых промышленностью средств производства (39% — орудия труда + 11% материалы для строительства) служит не только текущему воспроизводству, но и создает основу для выпуска продукции на протяжении многих лет.

Таблица 1

Рост промышленного производства по важнейшим видам продукции СССР

Виды продукции	Единица измерения	Россия	СССР			1937 г. в % к 1913 г.
		1913 г.	1929 г. ¹	1932 г.	1937 г.	
1. Машиностроение и металлообработка	в млн. руб. в ценах 1926/27 г.	1 446	3 349	9 410	27 519	1 900,3
а) металлорежущие станки	тыс. шт.	1,5	3,8	15,0	36,1	2 406,6
б) товарные вагоны	двухосн. тыс. шт.	14,8	15,9	23,1	66,1	446,6
в) тракторы	физ. ед. тыс. шт.	—	3,3	50,6	115,6 ³	—
г) плуги тракторные	» »	—	1,0 ²	181,6	406,1	—
д) автомобили	» »	—	1,4	23,9	200,0	—
2. Электроэнергия	млрд. квтч.	1,9	6,2	13,5	36,4	1 915,8
3. Уголь	млн. т	29,1	40,1	64,4	128,0	439,9
4. Нефть	» »	9,2	13,8	22,3	30,5	331,5
5. Железная руда	» »	9,2	8,0	12,1	27,8	302,2
6. Чугун	» »	4,2	4,0	6,2	14,5	345,2
7. Серная кислота	тыс. т моногидрата	121,0	265,0	552,0	(1 666,0) ⁴	1 376,8
8. Кальцин. сода	тыс. т	160,0	231,4	284,9	495,7 ³	309,8
9. Суперфосфат	» »	63,0	204,0	616,0	1 435,0	2 277,8
10. Цемент	млн. т	1,5	2,2	3,5	5,5	366,7
11. Пиломатериалы	млн. м ³	11,9	16,6	24,4	33,8	284,0
12. Бумага	тыс. т	197,0	384,9	471,2	831,6	422,1
13. Хлопчато-бумажные ткани	млн. пог. м	—	3 094,0	2 694,0	3 447,7	—
14. Шерстяные ткани	» » »	—	93,2 ²	88,7	108,3	—
15. Кожаная обувь фабр. произв.	млн. пар	8,3	48,8	84,7	164,3	1 979,5
16. Сахар песок	тыс. т	1346,8	1282,6	828,2	2 421,1	179,7
17. Мыло	» »	120,0	247,8	357,2	495,2	412,6

Взаимосвязи между отраслями промышленности по линии воспроизводства основных фондов обеспечивали не только рост продукции соответственных отраслей, но и их техническое перевооружение. Все отрасли промышленности, переходя на рельсы крупной машинной индустрии, стали потребителями машин и тем самым связывались с машиностроением. По мере роста технического вооружения отраслей связи их с машиностроением становились все более тесными и глубокими. В результате увеличения объема промышленного производства и образования новых отраслей произошла дифференциация отраслей машиностроения. Каждая из них стала производить рабочие машины для одной отрасли или группы отраслей промышленности (станкостроение, горное машиностроение, производство металлургического оборудования, текстильное машиностроение и т. п.), поскольку конструкции рабочих машин определяются особенностями технологического процесса в каждой данной отрасли. Что касается силового оборудования (двигатели, моторы и т. д.)

¹ По ряду изделий 1928/29.² 1927/28 г.³ 1936 г.⁴ План.

Таблица 2

Группировка основных отраслей промышленности по экономическому назначению производимой продукции

Отрасли, производящие элементы основных фондов	Отрасли, производящие элементы оборотных фондов			Отрасли, производящие предметы потребления
	А. Для строительства	Б. Для производства		
		средств производства	предметов потребления	
Машиностроение и металлообработка (около половины продукции) Химическая промышленность (удобрения) Строительство (производственные здания и сооружения)	Цементная промышленность Кирпичная Прочие стройматериалы Черная металлургия (около 1/3 продукции) Лесозаготовка (около 1/2 деловой древесины) Лесопиление (около 2/3 продукции)	Машиностроение и металлообработка (детали машин) Все отрасли тяжелой промышленности, кроме названных в предыдущих колонках Лесозаготовка (около 1/2 деловой древесины) Лесопиление (около 1/2 продукции) Лесотехническая промышленность Фанерная промышленность (часть продукции) Бумажн. промышленность (часть продукции) Фарфоров. промышленность (часть продукции) Текноткань	Первичная переработка волокна (хлопкоочистительное производство, шерстomorphicное производство и др.) Текстильная (ткань для швейной промышленности) Ниточная Кожевенная Кожсуррогатная Дубильно-экстрактная Мукомольная Сахарная Сипртовая	Легкая промышленность (кроме названных в предыдущих колонках) Пищевая промышленность (кроме названных в предыдущих колонках) Металлич. изделия широкого потребления Производство велосипедов Производ. легковых автомобилей Электротехническая промышленность (часть продукции) Мебельная промышленность Спичечная промышленность Бумажн. промышленность (часть продукции)

и механизмов перемещения (подъемно-транспортное оборудование), то они во все большей мере применяются в самых различных отраслях. Следовательно, и с этой стороны связи между машиностроением и другими отраслями становятся все более разветвленными.

С другой стороны возросли внутренние связи между отраслями в самом машиностроении. Одной из решающих побед советского машиностроения является развитие станкостроения как самостоятельной отрасли и обеспечение им расширенного воспроизводства парка оборудования машиностроительных заводов. Уже в первой пятилетке в СССР была заново создана станкостроительная промышленность. К началу 1934 г. из всего количества станков в машиностроении 76,5% составляли станки, установленные после революции; 42,5% всех установленных станков произведено в СССР. Выпуск металлорежущих станков в 1938 г. составил 53,9 тыс. штук против 21 тыс. в 1933 г., 3,8 тыс. в 1929 г. и 1,5 тыс. в 1913 г. По выпуску металлорежущего оборудования СССР занимает второе место в мире после США.

Сравнительно отстающими участками в обеспечении расширенного воспроизводства основных фондов самого машиностроения в настоящее время являются производство кузнечно-прессового оборудования (созданное в основном лишь в годы второй пятилетки) и производство литейного оборудования.

Развитие машиностроения все в большей мере обеспечивает также расширенное воспроизводство основных фондов для отраслей промышленности, производящих оборотные фонды. За годы первой и второй пятилеток заново или почти заново создано металлургическое, горно-топливное, химическое и энергетическое машиностроение, а также машиностроение для других отраслей тяжелой промышленности (см. табл. 3).

Таблица 3

Производство машин для тяжелой промышленности

Виды продукции	1913 г.	1929 г.	1933 г.	1938 г. предв.	Во сколько раз продукция 1938 г. больше продукции	
					1913 г.	1933 г.
Прокатное оборудование (в тыс. т) ¹	—	—	6,5	17,2	—	2,6
Врубовые машины (в шт.)	—	59	372	1 110	—	3,1
Паровые котлы (в тыс. м ²)	28,0	126,4	197,3	240,4	8,6	1,2
Локомотивы (в тыс. л. с.)	—	16,8	26,9	84,3	—	3,1
Дизели (в тыс. л. с.) . . .	35,1	69,2	92,4	261,8	7,5	2,8

При общем значительном подъеме производства машин для тяжелой промышленности выпуск энергетического и электротехнического оборудования (котлов, турбин, трансформаторов и т. д.) отстает еще от потребностей народного хозяйства. Это явилось одним из факторов, задерживавших во второй пятилетке рост производства электроэнергии.

Создание в первой пятилетке современной тяжелой индустрии и социалистическая реконструкция сельского хозяйства позволили во второй пятилетке осуществить расширение и техническую реконструкцию ряда отраслей легкой и пищевой промышленности, производящих в основном предметы потребления.

Рост производства машин для отраслей легкой и пищевой промышленности за годы второй пятилетки виден из таблицы 4.

Таблица 4

Производство оборудования для легкой и пищевой промышленности

Наименование оборудования	Единица измерения	1932 г.	1937 г.
Ватеры	шт.	330 ²	671
Ткацкие станки	»	300	4 161
Кожевенно-обувное оборудование	млн. руб.	10,7	20,0 ³
Оборудование для пищевой промышленности (по главпродмашу)	»	26,6	68,2

Общий выпуск оборудования для пищевой промышленности за вторую пятилетку превысил в 3 раза выпуск его за первую пятилетку.

Если в первой пятилетке производилось преимущественно оборудование для отраслей, перерабатывающих растительное сырье, и прежде всего зерно (мельничное оборудование, элеваторное, хлебозаводское, маслобойное), то во второй пятилетке быстрыми темпами развертывалось производство оборудования для отраслей, перерабатывающих животноводческое сырье (мясное, молочное). Значительный размах получило во второй пятилетке также производство оборудования для кондитерской и консервной промышленности. Тем не менее пищевое и, в особенности, легкое машиностроение еще не может полностью удовлетворять потребности соответствующих от-

¹ В 1913 г. прокатное оборудование производилось в весьма незначительном количестве.

² 1933 г.

³ 1936 г.

раслей промышленности. Отрасли, производящие машины для промышленного производства предметов потребления, пока еще развиты недостаточно.

В третьей пятилетке необходимо преодолеть отставание энергетического машиностроения от все растущих потребностей народного хозяйства, резко усилить машиноснабжение легкой промышленности и значительно увеличить производство кузнечно-прессового, литейного и подъемно-транспортного оборудования. Вместе с тем должен быть расширен ассортимент и повышено техническое совершенство производимых машин. Таким образом, машиностроение и впредь должно играть крупнейшую роль в техническом развитии промышленности и росте промышленной продукции.

Развитие машиностроения способствовало подъему отраслей, производящих оборотные фонды (сырье, топливо, электроэнергия) и установлению межотраслевых связей внутри промышленности по линии воспроизводства оборотных фондов. Во-первых, рост горного, энергетического и других отраслей машиностроения явился основой развития энергетики и отраслей, производящих сырье. Во-вторых, чрезвычайно интенсивное развитие машиностроения и освоение новых сложных видов продукции (электротехническое оборудование, автомобили и т. д.) потребовали расширения производства и вызвали к жизни ряд новых отраслей, производящих оборотные фонды (цветные металлы для электротехники, сплавы для всех современных машин и т. д.). В-третьих, внедрение новых технологических процессов сделало возможным и необходимым применение новых видов сырья (например, химизация и применение химического сырья и химических реактивов).

Главными видами оборотных фондов, используемыми для производства основных фондов, являются металл и строительные материалы.

О масштабах роста производства металла и строительных материалов говорит таблица 5.

Таблица 5

Производство металла и строительных материалов

Виды продукции	Единица измерения	1913 г.	1927,28 г.	1932 г.	1937 г.
Прокат черных металлов	тыс. т	3 506	3 408	4 288	12 995
Цемент	»	1 520	1 850	3 481	5 459

Главная часть металла и стройматериалов потребляется внутри промышленности. Основная масса металла, потребляемого внутри промышленности, идет на производство машин и в этой форме воспроизводит основные фонды. Меньшая часть металла поступает непосредственно в «чистое» строительство.

По мере того как народное хозяйство перестраивается на началах современной крупной машинной индустрии, сфера применения металла расширяется и все отрасли народного хозяйства становятся в той или иной мере потребителями металла. Во второй пятилетке отпуск металла для машиностроения и металлообработки достиг почти половины всего его производства. При этом повысилась доля автостроения, транспортного машиностроения и сельскохозяйственного машиностроения в потреблении металла. Эти три отрасли получили в 1937 г. около половины всего металла, потребляемого в ме-

таллообработке и машиностроении. Во второй пятилетке были сделаны также шаги по пути повышения использования металла для строительства, причем не только в промышленности, но и на транспорте.

Изменение структуры металлопотребления сопровождалось расширением сортамента и повышением качества продукции. Крупнейшим завоеванием было быстрое развитие производства качественного проката и широкого ассортимента ферросплавов, что явилось одной из важнейших предпосылок перевыполнения производственной программы по машиностроению и металлообработке и заданий по укреплению обороноспособности.

Значительная часть оборотных фондов служит для воспроизводства самих же оборотных фондов, т. е. для изготовления полуфабрикатов, которые в свою очередь поступают в дальнейшую переработку. В 1934 г. по нашим подсчетам около двух третей всей продукции обрабатывающей промышленности изготовлялось именно из полуфабрикатов. Вследствие этого взаимосвязи между отраслями, поставляющими сырье для производства оборотных фондов, наиболее многочисленны и разнообразны по своим формам. Так, в лесной промышленности имеется один вид исходного сырья — лес. Поэтому все отрасли лесной промышленности связаны между собой различными ступенями переработки одного и того же сырья и его отходов. То, что является продукцией одной отрасли, служит в значительной своей части сырьем для другой отрасли той же лесной промышленности. Поэтому преодоление отставания лесозаготовок имеет крупнейшее значение для подъема всех отраслей лесной промышленности.

В тяжелой промышленности применяется огромное количество самых разнообразных видов исходного сырья. Вследствие этого здесь имеется ряд промышленных узлов: простейших, где одна отрасль служит целиком сырьевой базой для другой отрасли (например, добыча медной руды для производства меди), и более сложных, где сырьевой базой одной отрасли является целый комплекс отраслей промышленности (например, «производственный тыл» черной металлургии это — железная и марганцевая руда, кокс и известняк). В настоящее время на ряде участков тяжелой промышленности «производственный тыл» отстает (железная руда и отчасти кокс в черной металлургии, добыча и обогащение руд цветных металлов). Задача третьей пятилетки преодолеть это отставание и максимально форсировать развитие черной и цветной металлургии в целях полного удовлетворения потребностей народного хозяйства и обороны в металле.

Часть оборотных фондов в промышленности производится для изготовления предметов потребления. Значение этих оборотных фондов в первой и второй пятилетках все более возрастало. Во-первых, предметы потребления все в большей степени изготовлялись не непосредственно из сельскохозяйственного сырья, а из сельскохозяйственного сырья, прошедшего промышленную переработку (швейная промышленность, кондитерская промышленность и т. д.). Во-вторых, все большее количество предметов потребления производилось из сырья промышленного происхождения (искусственный шелк, металлические изделия ширпотреба, радиоприемники, патефоны и т. д.). Обе эти тенденции связаны с ростом благосостояния трудящихся масс и расширением круга удовлетворяемых потребностей и поэтому должны найти дальнейшее развитие в третьей пятилетке.

Таковы главные направления взаимосвязей между отраслями промышленности по линии сырья и его переработки.

Что касается энергетических отраслей промышленности, то они воспроизводят соответствующую часть оборотных фондов почти всех отраслей промышленности и народного хозяйства.

Выработка электроэнергии в СССР явилась одним из важнейших рычагов технического преобразования производственной базы народного хозяйства страны.

Внедрение электродвигателя в промышленность внесло существенные изменения в межотраслевые связи по линии воспроизводства оборотных фондов. С одной стороны, оно создало возможность широко использовать малоценные виды топлива и энергию воды. С другой стороны, внедрение электроэнергии связало все отрасли промышленности с электроэнергетикой, в то время как при господстве пара они были непосредственно связаны с топливными отраслями.

Электроэнергия широко внедрена пока лишь в промышленность и более или менее значительно — в коммунальное хозяйство (табл. 6).

Таблица 6

Структура электропотребления в СССР (в %)		
Отрасли народного хозяйства	1932 г.	1937 г.
Все народное хозяйство	100	100
Промышленность и строительство	68,7	69,0
Транспорт	1,9	3,2
В том числе электротяга	0,2	1,1
Коммунальное хозяйство	16,2	13,7
В том числе освещение	9,8	9,4
Сельское хозяйство	0,6	0,9
Прочие	2,6	2,7

Большой удельный вес промышленности в электропотреблении обусловлен прежде всего высоким коэффициентом электрификации производственных процессов. По степени электрификации промышленности СССР опередил все страны мира. По масштабам производства электроэнергии (36 млрд. квтч в 1937 г.) наша страна уступает лишь США (150 млрд. квтч) и Германии (50 млрд. квтч). Но несмотря на огромное увеличение выработки электроэнергии в СССР и высокий удельный вес промышленности в ее потреблении, электробаланс промышленности остается напряженным. В третьей пятилетке стоит задача достигнуть такого роста электростанций, который опережал бы подъем промышленности и обеспечивал создание необходимых резервов электрических мощностей.

Топливо, в отличие от электроэнергии, потреблялось не только в промышленности (промышленность в конце второй пятилетки потребляла примерно половину всего топлива) и коммунальном хозяйстве, но в значительных масштабах и на транспорте, а также в сельском хозяйстве (горючее).

Взаимосвязи между топливными и другими отраслями промышленности в первой и второй пятилетках развивались по следующим направлениям. Во-первых, топливо все в меньшей мере использовалось непосредственно для производства механической энергии в промышленности и все более поступало в промышленность в виде электроэнергии. Во-вторых, в связи с развитием черной металлургии возрастало использование топлива для технологических нужд и развитие угольной промышленности все больше определялось ростом потребности в угле для коксования. В-третьих, развивалась переработка топлива, причем оно использовалось в качестве сырья для получения либо облагороженного топлива (светлые нефте-

продукты из нефти), либо других продуктов (смазочные масла из нефти, водород из коксовых газов и т. п.).

Развитие топливных отраслей имело и имеет крупнейшее значение для роста промышленности. Производственные связи между добычей каменного угля, железной руды, выплавкой черных металлов и химической переработкой отходов лежат в основе развития современной тяжелой промышленности.

В третьей пятилетке подъем топливной базы должен обеспечить растущие нужды народного хозяйства, а также создание хозяйственных запасов и государственных резервов топлива. Надо преодолеть замедление темпов топливодобычи, которое произошло в конце второй и в начале третьей пятилетки. «Необходимо,— указывал т. Молотов на XVIII съезде ВКП(б),— чтобы развитие топливной и энергетической базы не только не отставало от подъема промышленности и народного хозяйства, а шло впереди их и создавало прочную базу для дальнейшего их развития»¹.

В зависимости от экономического назначения промышленной продукции, идущей для производства либо оборудования, либо полуфабрикатов, либо предметов потребления, складываются те или иные производственные связи между добывающей и обрабатывающей промышленностью.

Группировка отраслей промышленности по виду перерабатываемого сырья видна из данных таблицы 7.

Таблица 7

Группировка отраслей промышленности по виду перерабатываемого сырья (1934 г.)

Группы отраслей промышленности	Валовая продукция (в млн. руб.)		Мощность двигателей, обслуживающих рабочие машины	
	в ценах 1926/27 г.	в %	в млн. квт	в %
Вся промышленность	50,6	100,0	8,29	100,0
I. Добывающая промышленность, лесоразработки и лесосплав	4,29	8,5	1,53	18,5
II. Перерабатывающая промышленность	46,3	91,5	6,76	81,5
В том числе отрасли перерабатывающие				
а) Промышленное сырье	25,6	50,6	5,38	64,9
1) непосредственно продукцию добывающей промышленности	8,5	16,8	2,78	33,5
2) продукцию добывающей промышленности, подвергшуюся переработке	17,1	33,8	2,6	31,4
б) Сельскохозяйственное сырье	20,67	40,9	1,38	16,6
1) непосредственно продукцию сельского хозяйства	7,38	14,6	0,57	6,8
2) продукцию сельского хозяйства, подвергшуюся промышленной переработке	13,29	26,3	0,81	9,8

Отрасли, производящие средства производства, перерабатывают главным образом ископаемое сырье и продукты его обработки, а отрасли, производящие предметы потребления, перерабатывают прежде всего сельскохозяйственное сырье и продукты его обработки. Вследствие этого в процессе индустриализации страны возросла доля

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 24.

отраслей, использующих в качестве сырья продукцию самой промышленности, по сравнению с отраслями, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье. Вовлечение новых естественных ресурсов увеличило число добывающих и обрабатывающих отраслей промышленности и многообразие связей между ними. Выделение отдельных стадий обработки в самостоятельные отрасли перерабатывающей промышленности и применение синтетических заменителей привело к росту удельного веса оборотных фондов, производимых в самой обрабатывающей промышленности. В конечном итоге в промышленности возрос удельный вес обрабатывающей промышленности, использующей в качестве сырья продукцию промышленности.

Итак, по мере индустриального развития нашей страны и создания в СССР всех звеньев современной крупной машинной индустрии, промышленность (вместе со строительством) собственными силами воспроизводит свои основные фонды и все в большей мере воспроизводит фонды оборотные. Весьма значительная часть продукции промышленности выступает в качестве ее производственных фондов — ее машин, сырья и полуфабрикатов. Наконец, в личном потреблении рабочих и служащих повышается удельный вес предметов потребления, произведенных в промышленности. Чем больше объем производства и разнообразие отраслей промышленности, тем шире она может удовлетворять потребности других отраслей и сфер народного хозяйства в средствах производства и в предметах потребления. С другой стороны, возрастают требования, предъявляемые промышленности к другим отраслям народного хозяйства: к сельскому хозяйству, транспорту, коммунальному хозяйству и т. д. Поэтому повышение объема и удельного веса взаимосвязей внутри промышленности не уменьшает, а наоборот, увеличивает объем и многообразие взаимосвязей промышленности с другими отраслями народного хозяйства.

III

Промышленность представляет собой в настоящее время главный источник воспроизводства материальных благ во всех отраслях народного хозяйства СССР. Это главенствующее место промышленности завоевала в первой пятилетке и закрепила во второй пятилетке, к концу которой была в основном завершена техническая реконструкция всех отраслей народного хозяйства.

К началу первой пятилетки значительную роль в воспроизводстве средств производства еще играло сельское хозяйство. Оно воспроизводило подавляющую часть своих основных и оборотных фондов. Основной тяговой силой был рабочий скот, который воспроизводится в самом сельском хозяйстве. Значительная часть примитивных орудий труда, применявшихся тогда в сельском хозяйстве, изготовлялась также в самом сельском хозяйстве. Так как производство предметов потребления занимало главенствующее место в промышленности, то и большая часть оборотных фондов для промышленности поставлялась сельским хозяйством. Транспорт (на короткие расстояния) в значительной мере основывался на применении конной тяги, которая также поставлялась сельским хозяйством. Наконец, неразвитость пищевой промышленности и значительное оседание сельскохозяйственного сырья для легкой промышленности в самом сельском хозяйстве определяли высокий удельный вес сельского хозяйства в производстве предметов потребления.

За годы первой и второй пятилеток положение коренным образом изменилось. Основные фонды во всех отраслях народного хо-

зайства воспроизводятся главным образом силами промышленности. Большая часть оборотных фондов и предметов потребления для нужд всех отраслей народного хозяйства производится также в промышленности.

Во взаимодействии промышленности с другими отраслями народного хозяйства необходимо особо выделить взаимосвязи между промышленностью и сельским хозяйством¹.

Взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством теснейшим образом переплетаются с взаимоотношениями между двумя важнейшими классами советского общества — рабочим классом и крестьянством. А без союза рабочего класса с трудящимися крестьянами невозможно было построить социализм. Воздействие промышленности на развитие сельского хозяйства явилось одним из решающих факторов поворота трудящихся крестьян в сторону социализма, на путь коллективизации сельского хозяйства. С другой стороны, сельское хозяйство представляет собой сырьевую и продовольственную базу, а также крупный рынок для продуктов промышленности. Поэтому правильное сочетание промышленности и сельского хозяйства явилось важнейшей проблемой построения социализма.

В период борьбы за индустриализацию нашей страны (1926—1929 гг.) на основе достигнутого подъема социалистической промышленности и утверждения ее гегемонии во всем народном хозяйстве была установлена смычка социалистической индустрии с крестьянским хозяйством. В 1928 г. промышленность дала сельскому хозяйству около трети своей продукции. Среди всех потребляемых в сельском хозяйстве основных и оборотных фондов производства и предметов потребления промышленная продукция составляет также несколько более трети. Промышленность при этом смыкается с крестьянским хозяйством непосредственно, т. е. без посредничества частного капитала. Главной формой связи индустрии с индивидуальным мелким производителем становятся договора контрактации. Характерная черта связей между промышленностью и сельским хозяйством в эти годы состоит в том, что в качестве потребителя промышленной продукции в сельском хозяйстве все еще выступают раздробленные мелкотоварные производители. При этом промышленность удовлетворяет главным образом личные потребности крестьянина: из всей промышленной продукции, потребленной в 1928 г. сельским хозяйством, около трех четвертей составляют предметы потребления, около одной шестой — элементы основных фондов производства и материалы для строительства и остальное — элементы оборотных фондов производства; в соответствии с этим сельское хозяйство служит серьезным рынком главным образом для отраслей промышленности, производящих предметы потребления.

Товарищ Сталин указывал, что форма связей промышленности с сельским хозяйством, существовавшая в этот период, может быть названа домашней системой крупногосударственного социалистического производства в области сельского хозяйства.

В период борьбы партии за коллективизацию характер связей промышленности с сельским хозяйством принципиально изменяется.

Во-первых, промышленность удовлетворяет уже во все большей мере не только личные потребности крестьян, но и производствен-

¹ В дальнейшем изложении взаимосвязи между промышленностью и другими отраслями народного хозяйства рассматриваются только под углом зрения структуры промышленного производства, т. е. под углом зрения того, что дает промышленность другим отраслям народного хозяйства.

ные нужды сельского хозяйства. Опираясь на помощь социалистической промышленности, сельскохозяйственное производство переоборудовывается на базе новой техники и коллективного труда. Промышленная продукция заняла к концу этого периода ведущее место в расширенном воспроизводстве основных фондов для сельского хозяйства. Если в 1928 г. из всего потребления материальных элементов основных фондов и строительных материалов в сельском хозяйстве промышленная продукция составила больше одной трети, то в 1932 г. она достигла уже около трех пятых. На предшествующем этапе воспроизводство основных фондов в сельском хозяйстве обслуживалось сельскохозяйственным машиностроением и частично отраслями, производящими стройматериалы. При этом сельское хозяйство снабжалось по преимуществу примитивными орудиями труда (конный инвентарь и пр.). В период борьбы за коллективизацию начинается широкое снабжение сельского хозяйства машинами, обеспечивающими механизацию в сельскохозяйственном производстве. К числу отраслей, обслуживающих сельское хозяйство, присоединяется также химическая промышленность, дающая искусственные удобрения сельскому хозяйству. Одновременно с тем как в основных фондах сельского хозяйства повышается доля машин, существенным условием функционирования основных фондов сельского хозяйства становятся производимые промышленностью оборотные фонды производства, тогда как при преобладании в сельском хозяйстве живой тяговой силы функционирование основных фондов зависело прежде всего от оборотных фондов, производимых в самом сельском хозяйстве (корма).

На предыдущем этапе промышленность давала сельскому хозяйству материальные элементы оборотных фондов как в виде металла для ремонта инвентаря, так и в виде отходов мукомолья, сахарной и некоторых других отраслей пищевой промышленности (они использовались на корм скоту). В период борьбы за коллективизацию, когда в качестве основной тяговой силы все более становится трактор, тяжелая промышленность выступает также серьезным источником воспроизводства оборотных фондов в сельском хозяйстве (топливо для тракторов, металл для ремонта машин). В результате сельскохозяйственное производство оказалось все более связанным с производством промышленной продукции. Наконец, сельское хозяйство продолжает получать от промышленности предметы потребления. Однако главную роль играет производственное снабжение сельского хозяйства.

Во-вторых, особенность связей промышленности с сельским хозяйством в период борьбы за коллективизацию состоит в том, что в качестве потребителя в сельском хозяйстве все более выступают колхозы, социалистический сектор сельского хозяйства. Прежде всего это относится к потреблению основных фондов производства, производимых в промышленности.

Для того чтобы осуществить массовый переход к колхозам, — указывал товарищ Сталин, — надо было «...объявить, что машинами и тракторами могут пользоваться лишь объединенные в колхозы бедняки и середняки»¹. Это значит, что сельскохозяйственные машины, принадлежавшие кулакам, были на базе коллективизации экспропрированы, а новые с.-х. машины и тракторы поступали уже только в социалистическое хозяйство (главным образом в предприятия, принадлежащие советскому государству, — МТС и совхозы).

Особенности связей между промышленностью и сельским хозяй-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 411.

ством, проявившиеся в период борьбы за коллективизацию, в последующие годы получают дальнейшее развитие. Усиливаются производственные связи с сельским хозяйством, служащие основой завершения технической реконструкции сельского хозяйства. Вместе с тем в личном потреблении сельскохозяйственного населения повышается доля промышленной продукции за счет развития легкой и пищевой промышленности и уменьшения оседания переработанного сырья в сельском хозяйстве. Связи промышленности с социалистическим сельским хозяйством становятся связями внутри единого социалистического хозяйства: здесь последовательно социалистические предприятия промышленности, являющиеся всенародным достоянием, связываются не с мелким товаропроизводителем, а с совхозами, МТС и колхозами — социалистическими кооперативными объединениями крестьян.

Объем поставок промышленной продукции сельскому хозяйству возрастает быстрее, чем общий объем производства средств производства в промышленности. Повышается доля промышленной продукции, поставляемой сельскому хозяйству, в общем объеме промышленного производства.

Производственные связи промышленности с сельским хозяйством становятся все более многообразными, что находит свое выражение в изменении структуры промышленной продукции, поставляемой сельскому хозяйству.

При общем абсолютном росте всех видов продукции возрастает доля химических продуктов, нефтепродуктов, растет отпуск электроэнергии сельскому хозяйству; наряду с отходами пищевой промышленности сельское хозяйство начинает получать концентрированные корма для животноводства в виде продукции комбикормовой промышленности и т. д.

В первой пятилетке закладывались лишь основы системы машин в сельском хозяйстве. Во второй пятилетке наряду с увеличением объема поставок социалистическая индустрия развернула производство широкого ассортимента машин, обеспечивая все в большей мере механизацию всего комплекса процессов сельскохозяйственного труда, в особенности процессов уборки и производства технических культур. Важнейшими задачами сельскохозяйственного машиностроения в третьей пятилетке является завершение комбайнизации уборки зерновых, механизации технических культур и снабжение сельского хозяйства автомобилями.

Сохраняя трактор, как основную энергетическую базу сельского хозяйства, необходимо в третьей пятилетке уделить особое внимание электрификации. Крупное применение должна получить электроэнергия в животноводстве, где механизация будет проводиться в значительной мере именно на электрической основе. Сильно должен возрасти отпуск электроэнергии для бытовых нужд.

Дальнейший рост сельскохозяйственного производства в третьей пятилетке предъявляет к тяжелой промышленности новые серьезные требования. Если в первой и второй пятилетках основной упор был сделан на снабжении сельского хозяйства машинами, то в третьей пятилетке стоит задача: развивая систему машин в сельском хозяйстве, сочетать ее с всемерной химизацией земледелия, что является одним из условий создания индустриального земледелия на рациональных началах, о которых говорил в свое время Маркс.

Во второй пятилетке лесоматериалы и металл отпускались сельскому хозяйству в крайне ограниченных размерах. Рост накоплений в социалистическом сельском хозяйстве и развертывание жилищного

строительства на селе в связи с дальнейшим повышением зажиточности потребуют в третьей пятилетке значительного увеличения отпусков лесоматериалов и металла.

Дальнейшее развитие производственных связей между промышленностью и сельским хозяйством имеет крупнейшее значение для перехода к коммунизму. Переход к коммунизму означает окончательное устранение классовых различий между рабочими и крестьянами и вместе с тем полное преодоление противоположности между городом и деревней.

В коммунистическом обществе сельское хозяйство явится одной из отраслей индустрии, поэтому между промышленностью и сельским хозяйством будут существовать лишь технологические различия и различия в производимой продукции. Зависимость сельского хозяйства от других отраслей промышленности ничем не будет отличаться от зависимости, существующей между различными отраслями промышленности.

Но для этого в предстоящий период необходима широкая производственная и культурная помощь промышленности социалистическому сельскому хозяйству.

* * *

Структура промышленного производства существенно определяет задачи производственного снабжения всех видов транспорта. В свою очередь транспорт является материальной основой межотраслевого оборота промышленной продукции и уровень развития транспорта оказывает существенное влияние на скорость этого оборота.

Производственная помощь со стороны тяжелой промышленности имела огромное значение для подъема работ железнодорожного транспорта, который еще в начале второй пятилетки был одной из отстающих отраслей.

Объем снабжения железнодорожного транспорта подвижным составом и материалами для нового строительства и реконструкции путей во второй пятилетке превысил в 2,5—3,5 раза объем снабжения в первой пятилетке.

Если в 1913 г. транспортное машиностроение выпустило 418 паровозов (в переводе на условные серии «Э» и «СУ»), то в 1938 г. машиностроение СССР выпустило 1626 паровозов.

Во второй пятилетке было развернуто производство мощных паровозов тяжелого типа. В 1938 г. выпуск паровозов «ФД», «ИС» и «СО» (паровозы с тендер-конденсатором) составил 1025 штук.

Товарных вагонов в 1937 г. было выпущено 66,1 тыс. шт. в двухосном исчислении, что превышает выпуск 1913 г. более чем в 4 раза.

По товарным вагонам план производства второй пятилетки перевыполнен, и за один лишь 1937 г. было поставлено почти столько же вагонов, сколько было поставлено за всю первую пятилетку. В 1937 г. промышленность полностью перешла на выпуск большегрузных четырехосных вагонов. Резко возросло производство четырехосных платформ и специальных вагонов — изотермических, цистерн и т. п.

Поставка ж.-д. транспорту во второй пятилетке автотормозов и автосцепки позволила увеличить долю грузовых вагонов, оборудованных под автоматическое торможение, с 35,3% в 1932 г. до 100,0% в 1937 г. и автосцепкой — с 0,06% в 1932 г. до 17,2% в 1937 г.

Крупным достижением второй пятилетки является увеличение поставки рельсов и шпал ж.-д. транспорту. Во второй пятилетке металлургия перешла к выпуску в основном рельсов типа ПА весом 38,4 кг в погонном метре, что крайне важно с точки зрения использования нового мощного подвижного состава.

На основе широкого производства транспортного оборудования Советский Союз превратился в мощную железнодорожную державу. В огромной мере возрос парк паровозов и вагонов, обновленный только за годы второй пятилетки на 30—40%. В 1937 г. почти в 1½ раза по сравнению с 1913 г. увеличилась протяженность железнодорожной сети. Вместе с лучшим использованием подвижного состава это позволило повысить среднесуточную погрузку более чем в три раза по сравнению с 1913 г.

В третьей пятилетке необходимо преодолеть отставание отдельных звеньев технического перевооружения железнодорожного транспорта и увеличить его грузовую и пассажирскую работу. Это выдвигает перед тяжелой промышленностью серьезные задачи. Тяжелая промышленность должна в третьей пятилетке обратить особое внимание на поставку рельсов и шпал для нового железнодорожного строительства и реконструкции путевого хозяйства, на электрификацию транспорта, автоматизацию сцепки и торможения, а также реконструкцию парка пассажирских вагонов и паровозов. При этом необходимо обеспечить комплексность в производственном снабжении железнодорожного транспорта.

Изменения структуры промышленности во второй пятилетке характеризуются не только существенным укреплением и технической реконструкцией железнодорожного транспорта, но и поворотом промышленности к нуждам водного и автомобильного транспорта.

Судостроение и другие отрасли промышленности, обслуживающие водный транспорт, должны содействовать расширению и обновлению как морского, так и речного флотов, реконструкции портового и путевого хозяйства. Одновременно перед судостроением стоит и первоочередная задача — развивать большой военный морской флот, достойный нашей великой страны.

В годы второй пятилетки была развернута большая работа по автоматизации СССР. Если в царской России местные перевозки на короткие расстояния осуществлялись при помощи конной тяги, то в СССР в настоящее время автомобиль проникает во все отрасли, включая сельское хозяйство. Особенностью развития автомобильной промышленности в СССР является несравненно более высокий удельный вес выпуска грузовых машин, чем в капиталистических странах. В СССР в 1937 г. грузовики составили 91% всех выпущенных машин, а в США — 19%. Однако объем производства автомобилей и размеры автомобильного парка в СССР еще весьма сильно отстают от потребностей народного хозяйства.

В третьей пятилетке годовой выпуск автомобилей возрастает с 200 тыс. до 400 тыс. штук. А это означает, что к концу третьей пятилетки транспорт получит крупнейшее подкрепление в виде автомобильного парка, который будет состоять уже из 1,5 млн. машин.

Все более важное значение приобретают в нашей стране также рост производства самолетов и развитие воздушных сообщений.

IV

Изменения в структуре промышленного производства СССР неразрывно связаны с борьбой за укрепление технико-экономической независимости и обороноспособности страны.

Технико-экономическая независимость не означает устранения хозяйственных связей промышленности СССР с промышленностью капиталистического мира. Напротив, для обеспечения и укрепления этой независимости необходимо было развивать в определенных масштабах и направлениях эти внешнеторговые связи — производить часть продукции промышленности для экспорта и покрывать часть потребности народного хозяйства в продукции за счет импорта. Точно так же и при полной технико-экономической независимости такие связи могут быть политически и хозяйственно выгодны и целесообразны. Однако в расширенном воспроизводстве социалистической промышленности эти внешнеторговые связи по своему удельному весу, масштабам и направлениям играют совершенно иную роль, чем в капиталистической промышленности.

Во-первых, капиталистическая промышленность в своем стремлении расширить поле эксплуатации, реализовать сверхприбыль, преодолеть трудности реализации продукта внутри страны постоянно обращается к внешнему рынку. Кроме того, исторически промышленность главных капиталистических стран развивалась, ориентируясь не только на внутренний, но в значительной мере на внешний рынок.

Напротив, социалистическая индустрия в своем развитии опирается на внутренний рынок. «Наша индустрия,— говорит товарищ Сталин,— базируется на внутреннем рынке»¹. Она не знает трудностей реализации произведенной продукции. Внешняя торговля СССР является дополнительным источником ускорения темпов расширенного воспроизводства. Для того чтобы добиться технико-экономической независимости, нужно было создать в стране собственную мощную тяжелую индустрию. Трудность этой задачи заключалась не только в том, чтобы найти источники накопления, но и в том, чтобы в короткий срок получить огромные количества вещественных элементов накопления — оборудования, машин, металлов и т. д. Ввоз этих вещественных элементов накопления из-за границы давал возможность в более короткий срок наладить производство всех средств производства внутри страны. Таким образом, внешнеторговые связи способствовали скорейшему изменению структуры промышленности в соответствии с требованиями социалистического строительства. Огромное расширение импорта было необходимо именно на определенной стадии развития, пока в стране не была создана собственная тяжелая индустрия в соответствующих масштабах. Для того чтобы расширить импорт, надо было накопить валюту, а это требовало наряду с ростом золотопромышленности развития экспорта. «Осуществление индустриализации на данной стадии развития,— указывалось в резолюциях XV конференции ВКП(б),— упирается в необходимость максимального ввоза оборудования, возможность расширения которого зависит от развития экспорта и освобождения импорта от тех товаров, которые могут быть произведены внутри СССР»². Таким образом, достижение технико-экономической независимости СССР связано было с расширением внешнеторговых связей страны. Принципиально иное, вспомогательное значение имеют внешнеторговые связи в настоящее время, когда технико-экономическая независимость СССР прочно завоевана.

Во-вторых, внешнеторговые связи социалистической промышленности отличаются от внешнеторговых связей капиталистической

¹ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), Партиздат, 1937, т. III, стр. 63.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 40.

промышленности не только по своему назначению, но и по количественному отношению размеров внешней торговли к внутреннему производству. Сопоставление социалистической промышленности с промышленностью главных капиталистических стран в период их индустриализации, а также с современной капиталистической промышленностью показывает, что в расширенном воспроизводстве капиталистической промышленности внешнеторговые связи имеют несравненно большее значение, чем в промышленности СССР. Это объясняется тем, что в капиталистической индустриализации крупнейшую роль играют внешние источники накопления, а за движением капиталов следует движение товаров. Так например, индустриализация царской России осуществлялась на основе кабальных займов и концессий, и одни только платежи по этим займам требовали огромного развития экспорта. Англия стала мощной индустриальной страной на основе угнетения и ограбления колоний. Существенным источником индустриализации Германии в XIX в. явилась контрибуция. Именно эта контрибуция дала возможность в период индустриализации Германии форсировать импорт (в 70-х годах прошлого века в Германии импорт в 1,5 раза превышал экспорт).

Меньший удельный вес внешнеторговых связей в промышленности СССР оказывает влияние на структуру промышленности. Вместе с тем зависимость в развитии отдельных отраслей промышленности СССР является более тесной и полной, чем в капиталистических странах.

В-третьих, только на основе политической самостоятельности СССР, завоеванной в результате установления диктатуры пролетариата, только на основе планового развития народного хозяйства и монополии внешней торговли можно было достигнуть такого подчинения внешнеторговых связей, объема и структуры импорта целям индустриализации страны, обеспечения технико-экономической независимости, как это было сделано в СССР. В главных капиталистических странах, выдвинувшихся на путь самостоятельного развития, импорт машин играл серьезную роль в общем импорте в период индустриализации этих стран. Однако процесс индустриализации растягивался на длительный период. Первая мировая мастерская машин — Англия — всячески препятствовала вывозу машин, а до 1840 г. экспорт машин из Англии был даже запрещен под страхом смертной казни. Ни одна капиталистическая страна не знала такой концентрации средств на импорте машин и оборудования как СССР в первой пятилетке.

Импорт средств производства в первой пятилетке составлял 89% всего импорта. Доля импорта машин и оборудования во всем импорте при этом достигла 60% в 1932 г. (против 30% в 1927/28 г.). Из всего импорта машин и оборудования для промышленности в 1931 г. 93,5% было предназначено для отраслей промышленности группы «А». Одна треть машин, ввезенных в СССР для промышленности в первой пятилетке, была направлена в машиностроение. В результате внутреннее производство машин и других средств производства выросло еще более быстрыми темпами, чем импорт, и доля импорта во внутреннем потреблении непрерывно уменьшалась, несмотря на абсолютный рост импорта. Так, импорт машин в 1931 г. превысил уровень 1913 г. в 2,8 раза, а внутреннее производство машин — в 9,7 раза и доля чистого импорта машин во внутреннем потреблении снизилась за первую пятилетку с 30,4 до 12,7%. Если учесть к тому же, что в 1931 г. была введена в действие целая серия предприятий тяжелой промышленности, одно только, освоение кото-

рых позволяло значительно увеличить ресурсы внутреннего производства в первые же годы второй пятилетки, то можно утверждать, что в итоге первой пятилетки технико-экономическая независимость СССР было в основном завоевана.

Однако по отдельным важным видам машин и средств производства импорт еще оставался довольно значительным. К началу второй пятилетки в основном за счет импорта удовлетворялись потребности в кузнечно-прессовом, металлургическом оборудовании, в сложных металлорежущих станках и некоторых других видах оборудования. Импорт проката черных металлов по отношению к внутреннему потреблению составил 17,0%, меди 17,3, цинка 43,7, свинца 63,6, алюминия 92,0%. Форсированное развитие этих отраслей во второй пятилетке явилось серьезным фактором дальнейшего укрепления технико-экономической независимости во второй пятилетке.

В первой пятилетке была решена в основном проблема основных фондов социалистической промышленности. Но целый ряд отраслей, производящих оборотные фонды, оказались отстающими от новых требований народного хозяйства, что связано было не только с невыполнением плана по некоторым из этих отраслей, но и с необходимостью первоочередного и форсированного развития машиностроения¹. Проблема оборотных фондов приобретает особую остроту во второй пятилетке и импорт служит средством преодоления временного недостатка в некоторых оборотных фондах. В связи с этим во второй пятилетке доля импорта оборудования во всем импорте средств производства снижается с 68% в 1932 г. до 33% в 1937 г., а доля импорта элементов оборотных фондов соответственно повышается с 32 до 67%. Возрастает доля импорта сырья не только для тяжелой, но и для легкой и пищевой промышленности. В самом импорте оборудования повышается доля машин для легкой и пищевой промышленности, что способствует их ускоренному развитию во второй пятилетке.

В итоге первой и второй пятилеток Советский Союз превратился в страну, полностью независимую в технико-экономическом отношении. Величайшие природные богатства, которыми располагает СССР, не лежат теперь втуне, как в царской России. Социалистический строй поставил их на службу народному хозяйству. В СССР создана промышленность, которая способна производить своими силами все виды оборудования и сырья, необходимые народному хозяйству как в мирное время, так и для обороны в случае войны и блокады.

Промышленность СССР обеспечена важнейшими (с точки зрения обороны) видами сырья лучше, чем какая-либо из передовых капиталистических стран. Из 22 видов сырья такого рода² США обеспечены полностью только 13 видами, Англия (без колоний) — 3, Германия — 4, Япония — 8, Италия — 8 видами. Промышленность СССР полностью обеспечена 18 видами важнейшего сырья, причем по остальным производство разворачивается в таких масштабах, что в ближайшее время потребности страны будут полностью обеспечены.

* * *

По мере роста социализма в нашей стране все более ярко проявляются особенности отраслевой структуры социалистической про-

¹ См. речь т. Орджоникидзе на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г.

² Сюда отнесены: каменный уголь, железная руда, нефть, медь, свинец, цинк, никель, хромит, марганец, вольфрам, сурьма, олово, ртуть, слюда, алюминий, нитраты, сера, калий, поташ, фосфаты, хлопок и шерсть (классификация американского экономиста Б. Эмми).

мышленности, отличающие ее от структуры капиталистической промышленности.

Во-первых, капиталистическая промышленность в значительной своей части приспособлена к обслуживанию потребностей эксплуататорских классов. И чем выше уровень развития производительных сил на капиталистической основе, тем больше они расточаются для удовлетворения этих потребностей. С другой стороны, структура отраслей промышленности, производящих предметы потребления для широких масс, рассчитана на ограниченность их платежеспособного спроса и определяется не сравнительной полезностью тех или иных предметов потребления, а их дешевизной.

В СССР нет эксплуататорских классов и поэтому нет производства для нужд эксплуататорских классов. Структура производства предметов потребления в СССР определяется под углом зрения наиболее полного удовлетворения материальных и культурных потребностей народа.

Во-вторых, капиталистическая промышленность развита одностронне. Напротив, социалистическая промышленность уже к началу третьей пятилетки по отношению к достигнутому уровню развития производительных сил оказалась гораздо более приспособленной к обслуживанию нужд всех отраслей народного хозяйства, чем промышленность даже такой передовой капиталистической страны, как США. Особенно это относится к обслуживанию сельского хозяйства.

В-третьих, ввиду узости внутреннего рынка, все возрастающего перенакпления капитала и колониальной экспансии отраслевая структура промышленности крупных империалистических государств в значительной своей части приспособлена к потребностям внешней торговли (например, размеры производства машин в США, Германии и Англии, угля в Англии, нефти в США, хлопчатобумажных тканей в Англии и пр.). Напротив, отраслевая структура промышленности СССР в основном обращена к удовлетворению внутренних потребностей страны.

На отраслевой структуре промышленности СССР существенным образом сказывается наличие в стране огромных и самых разнообразных естественных ресурсов и гораздо более быстрое и эффективное их использование благодаря преимуществам социализма. В СССР созданы все сырьевые отрасли промышленности, в то время как, например, в германской и английской промышленности нет ряда добывающих отраслей цветной металлургии, редких металлов и каучука. В других капиталистических странах число сырьевых отраслей еще меньше, чем в промышленности США, Англии и Германии.

Отраслевая структура промышленности существенно зависит также от уровня техники. Развитие техники в конце XIX и в XX в. вызвало к жизни ряд новых отраслей и превратило в самостоятельные отрасли такие производства, которые раньше находились в зачаточном состоянии. К ним относятся: производство электроэнергии, электромашин и электрооборудования, подъемно-транспортного оборудования, автомобилей, радио, алюминия и других легких металлов, пластмассы и ряда других химических продуктов, фотокинопромышленность, производство искусственного волокна, искусственного каучука, искусственного моторного топлива, производство пищевых, кассовых и счетных машин, холодильная промышленность и т. д. Производство самих этих отраслей дает, например, в современной промышленности США не менее одной трети продукции. Однако влияние новых отраслей на отраслевую структуру промышленности

этим не ограничивается, так как они в свою очередь предъявляют спрос на различные виды сырья, оборудования и т. д. Достаточно сказать, что автомобильная промышленность США потребила в 1937 г. 20% всего проката, потребляемого народным хозяйством США, 16,8% меди, 12% олова, 12,5% цинка, 31,4% свинца, 12,7% алюминия, 8,5% хлопка, 67% обойной кожи, 73% зеркального стекла, 80% каучука.

В промышленности СССР создано большинство этих новых отраслей, соответствующих современному уровню техники. Но некоторые из них еще недостаточно развиты (электротехника, подъемно-транспортное машиностроение, радиопромышленность, автомобильная промышленность), другие находятся на начальной ступени развития (производство пластмасс, холодильная промышленность), третьи пока еще не созданы как отрасли промышленности (производство оборудования для кондиционирования воздуха, производство рефрижераторов и т. д.).

Однако дело не только в том, чтобы развить новые отрасли промышленности. Для решения основной экономической задачи СССР необходимы дальнейшие серьезные изменения в отраслевой структуре промышленности в целом.

Прежде всего в ближайший период надо форсировать выпуск продукции машиностроения, в первую очередь промышленного машиностроения. Размеры производственного аппарата промышленности СССР в настоящее время составляют около 30% производственного аппарата промышленности США. Между тем для того чтобы перегнать США по душевым нормам производства, нужно довести объем продукции промышленности примерно до 150% уровня США. И хотя промышленность СССР уже сейчас использует производственный аппарат лучше, чем самые передовые капиталистические страны, а в ближайшие 10—15 лет это превосходство СССР будет усилено и упрочено, тем не менее Советскому Союзу предстоит за 10—15 лет создать такой производственный аппарат, который в США создавался на протяжении десятилетий. Следовательно, производство промышленных машин в СССР должно расти абсолютно более быстро, чем в США. Оно должно расти в ближайшее время быстрее также и относительно по сравнению с другими видами продукции.

Размеры производства машин в США обеспечивают увеличение производственного аппарата промышленности крайне медленными темпами (3—4% в год), а поскольку одновременно растет и население США, душевые нормы производства промышленной продукции в целом повышаются незначительно или сохраняются на более или менее стабильном уровне. Размеры производства машин на душу населения в СССР должны, напротив, обеспечить высокие темпы роста производственного аппарата и опромное увеличение душевых норм производства всех видов продукции. СССР должен достигнуть более высоких душевых норм производства на основе быстрых темпов роста производительности труда и всемерного облегчения и улучшения условий труда. А это предполагает применение машин в более широких масштабах, чем в капиталистических странах, в целях автоматизации производства и вытеснения ручного труда. В результате опять-таки возникает необходимость более форсированного, по отношению к другим видам продукции, развития машиностроения. Вот почему, для того чтобы догнать и перегнать главные капиталистические страны по душевым нормам промышленного производства

в 10—15 лет, нужно по душевым нормам производства машин приблизиться к уровню этих стран уже в ближайшие годы.

Предпосылкой решения основной экономической задачи в осуществлении постепенного перехода к коммунизму является не только первоочередность развития машиностроения и строительной индустрии, но и форсирование производства электроэнергии, всех видов топлива и сырья, а также химической промышленности. Рост машиностроения и строительства неразрывно связан с развитием черной металлургии. Товарищ Сталин в докладе на XVIII съезде партии, характеризуя сроки решения основной экономической задачи, связал их с возможным ежегодным приростом выплавки чугуна в 2—2,5 млн. т в год, имея в виду современный уровень техники.

Форсированный подъем производства средств производства даст возможность систематически увеличивать также объем производства предметов личного и общественного потребления и достигнуть изобилия, необходимого для перехода от первой фазы коммунизма ко второй его фазе.

О темпах роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран

Одним из основных путей разрешения стоящей перед Советским Союзом задачи — догнать и перегнать в экономическом отношении передовые капиталистические страны — является подъем производительности труда во всем народном хозяйстве.

Достаточно широко известны уровень и темпы роста производительности труда в промышленности СССР по сравнению с капиталистическими странами. Совершенно не изучен этот вопрос в отношении сельского хозяйства. Сопоставление уровня и темпов роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран начнем с разбора динамики производительности труда. Это позволит оценить успехи Советского Союза и облегчит раскрытие причин отставания уровня производительности труда в сельском хозяйстве СССР от передовых капиталистических стран.

Темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР за I и II пятилетки

Общий размер сельскохозяйственной продукции, произведенной в СССР в первый год первой пятилетки, был исчислен ЦСУ в размере 16 870,7 млн. руб.¹ Совокупная продукция сельского хозяйства в конце второй пятилетки (в 1937 г.) была исчислена Госпланом в размере 20 123,0 млн. руб.² Стоимость продукции по всем годам исчислена в неизменных ценах 1926/27 г. Таким образом за две пятилетки — с 1928 по 1937 гг. — совокупная валовая продукция выросла на 25%.

Динамику численности рабочей силы за обе пятилетки можно также исчислить. По данным всесоюзной переписи населения 1926 г. в декабре этого года в сельском хозяйстве было занято мужчин 36 169 978 и женщин 35 564 910, всего 71 734 888 человек³. За 1927 и 1928 гг. количество лиц взрослого населения в рабочем возрасте, принимавших участие в сельскохозяйственном производстве, могло увеличиться самое большее на 2%, или, примерно, на 1,4—1,5 млн. человек. Таким образом количество сельскохозяйственных работников зимой 1928 г. можно принять равным 73,2 млн. человек.

Но эта величина преуменьшает действительную численность рабочей силы, участвовавшей в сельском хозяйстве. Во время переписи, в декабре, как обычно, многие взрослые крестьяне находились в городе на заработках. Помимо них отсутствовали также и постоянные городские рабочие и работницы, приезжавшие летом на сенокос и жатву, чтобы помочь своим семьям. Следовательно, число занятых в

¹ «Сельское хозяйство СССР», 1925—1929 г. Сборник статистических сведений, Стат. изд. ЦСУ СССР, М. 1929, стр. 288.

² «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», Госпланиздат, 1939, стр. 92.

³ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XXXIV, отдел II. Планхозгиз, 1930, стр. 2.

сельском хозяйстве лиц, выявленных зимней переписью 1926 г., в лучшем случае характеризует постоянный состав сельскохозяйственных работников (хотя также неполный). Для наших же целей необходимо исчислить количество всех работников, принимавших участие в производстве. В виду исключительной важности вопроса о точном исчислении количества лиц, принимавших участие в сельскохозяйственном производстве, приведем здесь расчеты.

В справочнике ЦУНХУ «20 лет Советской власти» указано, что в 1929 г. в колхозах был 1 млн. дворов, что составляло, по данным того же сборника, 3,9% к общему числу хозяйств¹. Таким образом, по исчислениям ЦУНХУ в 1929 г. было 25 млн. крестьянских хозяйств.

По данным крестьянских бюджетов 1925/26 гг., охвативших 10,7 тыс. хозяйств по СССР (без Якутской АССР и Узбекской ССР), на крестьянское хозяйство приходилось в среднем 3,35 работников (в переводе во взрослую мужскую силу)². Это дает общую цифру работников, занятых в сельском хозяйстве, — более 84 млн. человек (в переводе во взрослую мужскую рабочую силу). Цифра эта безусловно преувеличена. Это является результатом того, что преувеличены данные о числе крестьянских хозяйств в 1928 г.

Другой способ подсчета показывает иные результаты.

По данным ЦУНХУ, в 1928 г. было 111 131 тыс. человек крестьян — единоличников (без кулаков), некооперированных кустарей и ремесленников с их семьями³.

Присоединим к этой группе населения кулацкие семьи, которых насчитывалось в 1928 г., по тем же данным, 5 618 тыс. человек. Итого получим 116 749 тыс. человек.

По бюджетным данным, на крестьянскую семью в среднем по СССР приходилось по 5,76 человек. Из них работников, в переводе во взрослых, 3,35 человек. Это значит, что в крестьянской семье количество работников, в переводе во взрослую мужскую рабочую силу, составляло 58,16% к общей численности семьи. Исходя из приведенных выше цифр о численности крестьянского населения в 1928 г., получаем, что общее количество работников, в переводе во взрослую мужскую рабочую силу, составляло в 1928 г. (без сельскохозяйственного пролетариата) 67 901,2 тыс. человек. К этой величине необходимо добавить 1 676 тыс. человек наемных рабочих, занятых в 1928 г. в сельском хозяйстве⁴.

Таким образом, получается, что всего в 1928 г. в сельском хозяйстве было занято (в переводе во взрослую мужскую рабочую силу) 69 577,2 тыс. человек. Если же перевести количество работников в сельскохозяйственном производстве, учтенных декабрьской переписью 1926 г., в условный мужской труд, то получится цифра меньше этой исчисленной величины, а именно 64,6 млн. человек. Это без подростков обоего пола. Разницу в 5 млн. работников между дан-

¹ «20 лет Советской власти», Партиздат, 1938, стр. 43.

² ЦСУ — Крестьянские бюджеты 1925—26 гг. Стат. изд. 1929, стр. 50.

К сожалению, нет возможности исчислить количество работников, которые были заняты в сельском хозяйстве в 1926 г., в натуре, т. е. без перевода в условный мужской труд, поскольку ЦСУ опубликованы бюджетные данные о численности рабочей силы в крестьянском хозяйстве только в переводе в условный мужской труд. Будучи не согласен с этим статистическим приемом в отношении перевода труда женщин в условный мужской труд, я вынужден, однако, здесь, как и в дальнейшем, для исчисления динамики рабочей силы прибегать к переводу в условный мужской труд.

³ «Сельское хозяйство СССР», Сельхозгиз, 1935, стр. 189.

⁴ «Социалистическое строительство СССР», ЦУНХУ Госплана СССР, 1936, стр. 508.

ными переписи на I.XII 1926 г. и нашими исчислениями необходимо отнести за счет лиц, приходивших на летние полевые работы, а также подростков и стариков, принимавших участие в производстве.

Нас не должно смущать, что в данном случае все кустари и ремесленники, проживавшие в сельских местностях в 1928 г., включены в число сельскохозяйственных производителей. По существу так оно и было. Деревенские кустари совмещали свои промышленные занятия с сельским хозяйством. Но даже исключение их из исчисленного нами количества работников не меняет положения вещей, так как общее число самодельных мужчин и женщин, занятых в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности и проживавших в сельской местности, по данным переписи 1926 г., равнялось всего 869,7 тыс. человек, а в переводе во взрослую мужскую рабочую силу это составляет 822 тыс. человек.

Для проверки точности расчетов был произведен подсчет третьим методом. Этот расчет привел к цифре, весьма близкой к исчисленной мною вторым способом.

По данным комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза в 1926/27 г. количество сельских хозяев исчислено в 20 213 тыс. человек¹. Число сельских хозяев равносильно количеству крестьянских хозяйств. Исходя из бюджетных данных о количестве работников, приходящихся на одно крестьянское хозяйство, получаем, что общее количество крестьян-работников сельского хозяйства равно было 67 713 тыс. человек. К этой величине необходимо прибавить 1 676 тыс. сельскохозяйственных рабочих. Таким образом, общая численность рабочей силы в сельском хозяйстве составляет 69 389 тыс. человек. Следовательно, число работников, занятых в сельскохозяйственном производстве в 1928 г., можно считать равным 69,5—69,4 млн. человек.

В связи с тем, что рабочая сила, которая была занята в сельском хозяйстве СССР в 1928 г., исчислена в условных единицах, необходимо соблюсти этот же принцип и в отношении 1937 г. Из 40 208 тыс. колхозников, принимавших участие в производстве (по учтенным 98,6% колхозам), было 17 016,3 тыс. мужчин, 18 356,9 тыс. женщин и 4 834,8 тыс. подростков от 12 до 16 лет. Рабочая сила женщин и подростков, по нормативам ЦСУ², переводилась в условную мужскую рабочую силу по следующему коэффициенту: мужчина = 1, женщина = 0,8, подросток = 0,6. При исчислении по этому коэффициенту общая масса колхозников, принимавших в 1937 г. участие в производстве (в переводе во взрослых мужских работников), составляет 34 602,7 тыс. человек. Но так как сводка годовых отчетов колхозов охватывает 98,6% колхозов, то всего, следовательно, было 35 094 тыс. работников (в переводе в условных мужских работников). К этой величине надо прибавить работников МТС, получающих заработную плату (и не получающих по трудодням в колхозах, поскольку последняя категория работников уже учтена). МТС обслуживает колхозы и, конечно, персонал МТС должен быть включен в число лиц, по отношению к которым исчисляется уровень производительности труда в колхозах. Количество лиц, работавших в 1937 г. в МТС и получавших заработную плату без доплаты в колхозах, составляло, по дан-

¹ «Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.)», Госфиниздат, М. 1929, стр. 14.

² ЦСУ — Урочное положение на сельскохозяйственные работы в связи с техникой полеводства (по данным крестьянских бюджетов 1922/23, 1923/24 и 1924/25 гг.), М. 1927, стр. 20.

ным НКЗема, 477 092 человек¹. Таким образом, общее количество работников (в переводе во взрослую мужскую рабочую силу), принимавших участие в колхозном производстве в 1937 г., определяется в 35571,1 тыс. человек. Число работников совхозов, по данным ЦУНХУ, равнялось в 1938 г. 1517,7 тыс. человек².

Сравнительно нетрудно исчислить количество единоличников, исходя из данных ЦУНХУ и Госплана. В 1937 г. было вовлечено в колхозы 93% крестьянских хозяйств, следовательно, единоличных дворов было 7%. По материалам годовых отчетов на 1.I 1938 г. в колхозах было 18 499,6 тыс. дворов³. Следовательно, общее количество крестьянских хозяйств (коллективизированных и единоличных) составляло на 1.I 1938 г. 19 892,0 тыс., а число единоличных дворов — 1 392,4 тыс.

По данным специального обследования ЦУНХУ, в 1937 г. в среднем на колхозную семью приходилось два взрослых работника в возрасте от 16 до 59 лет и, кроме того, еще подросток-полуроботник. Так как молодежь не остается в единоличных хозяйствах, то можно считать, что на один единоличный двор приходится самое большее два работника. Принимая эту величину, получаем для единоличных дворов 2784,8 тыс. человек в рабочем возрасте. Соотношение между мужчинами и женщинами возьмем то же, что и в отношении колхозников: 48% мужчин и 52% женщин. Переводя рабочую силу последних по коэффициенту ЦСУ, получаем общее количество единоличников (в переводе во взрослых работников) — 2 495,2 человека. Таким образом в сельском хозяйстве СССР в 1937 г. принимали участие 39 584 тыс. человек⁴ (в переводе во взрослую мужскую рабочую силу).

Динамика производительности труда определяется отношением уровня производительности труда 1937 г. к уровню производительности в 1928 г. Уровень производительности труда определяется делением массы продукции на количество лиц, занятых в сельскохозяйственном производстве. Этот уровень (в неизменных ценах 1926/27 г.) равен: в 1928 г.—242 руб., в 1937 г.—508 руб. Производительность труда в сельском хозяйстве за две первые пятилетки выросла таким образом в 2 раза.

Повышение производительности труда за две пятилетки произошло из-за:

- 1) увеличения массы продукции на 25% и
- 2) уменьшения числа лиц, занятых в сельскохозяйственном производстве, на 40% с небольшим.

Удвоение производительности труда в сельском хозяйстве, взятом в целом в течение 10 лет,—явление, невиданное в передовых капиталистических странах за последние 60 лет, по которым имеются в нашем распоряжении данные.

Против приведенных здесь расчетов могут быть выдвинуты два возражения. Первое: в число лиц, участвовавших в колхозном производстве, вошли все, выработавшие даже самое малое количество тру-

¹ НКЗ СССР, планово-финансовый отдел. Сводный отчет машинно-тракторных станций за 1937 г. (в рукописи).

² Ввиду отсутствия данных за 1937 г., взяты данные за 1938 г. из сборника «Социалистическое строительство Союза ССР» М. 1939 г., стр. 87.

³ «Колхозы во второй сталинской пятилетке», М. 1939, стр. 2.

⁴ Труд работников МТС и совхозов не переведен в условную мужскую рабочую силу из-за отсутствия данных о половом составе. Да это и не изменило бы значительно общую цифру, определяющую численность рабочей силы.

додней. Это возражение несостоятельно, поскольку в данном конкретном случае поставлена задача добиться полной сопоставимости численности рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве в 1928 и 1937 гг. В число лиц, занятых в сельском хозяйстве в 1928 г., вошли все члены крестьянских семей, взрослые и подростки, независимо от продолжительности их работы в производстве. В 1928 г. было также немалое количество людей, принимавших ничтожное участие или совершенно не принимавших участия в производстве. Поэтому неправильно было бы в одном случае брать всех без исключения работников, а в другом только тех, кто длительно участвовал в производстве.

Второе возможное возражение — обратного порядка. В состав лиц, которые работали в сельском хозяйстве в 1928 г., включены все занимавшиеся сельским хозяйством. В состав же занятых в сельском хозяйстве в 1937 г. не вошли члены колхозов, не выработавшие ни одного трудодня. Эти лица, возможно, вели свое приусадебное хозяйство, имели продуктивный скот, в частности молочный. Продукция этих хозяйств, огородная и животноводческая, вошла в общий валовой сбор страны, а работники эти не включены в общее количество сельскохозяйственных производителей. Число взрослых членов колхозов, не выработавших ни одного трудодня в 1937 г., составляло по всем колхозам страны 4 724,5 тыс. человек, что, конечно, является крупной величиной. Против этого возражения можно сказать, что члены колхозов, не выработавшие ни одного трудодня, это — в подавляющем большинстве лица, ушедшие из деревни на работу в город, в МТС или совхозы и не оформившие своего фактического ухода из колхозов, а также домашние хозяйки, занятые только домашним трудом. Но результаты исчислений не намного изменятся, если в число лиц, занятых в сельскохозяйственном производстве, включить и эту категорию деревенского населения.

Если принять соотношение между мужчинами и женщинами по этой группе то же, что и по остальным колхозникам, то численность этой группы в переводе в мужскую рабочую силу определится в 4 233,1 тыс. человек. Общее количество работников, занятых в сельском хозяйстве, будет равно тогда 43 817,1 тыс. человек. При данной численности работников уровень производительности труда в 1937 г. определится в 459 руб., что означает повышение против уровня 1928 г. на 89%. Но и такой темп роста производительности труда за 10 лет не известен миру (за весь период, по которому имеются статистические данные).

Для контроля можно исчислить темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве за две пятилетки и другим способом: необходимо сопоставить действительный размер затрат рабочего времени в колхозах в 1937 г. с затратами, какие имели бы место, если бы эту же продукцию произвело крестьянское хозяйство (см. табл. 1).

Таким образом, затраты труда в колхозах на производство одной единицы продукции основных полевых культур в 2,3 раза меньше, чем в крестьянских хозяйствах.

Рассмотрим динамику производительности труда по животноводству тем же способом. По ряду причин оказывается возможным сопоставить затраты труда на 1 голову скота, а не на единицу продукции. Мы имеем возможность сравнить затраты труда на обслуживание одной головы скота только по коровам и свиньям. По остальным видам продуктивного скота, к сожалению, отсутствуют данные о физических затратах труда в крестьянских хозяйствах (см. табл. 2 на стр. 52).

Производительность труда по этим двум видам животноводства

Таблица 1

Культуры	Продукция 1937 г. (в тыс. ц)	В колхозах		В крестьянских хозяйствах		Во сколько раз производительность труда в колхозах выше, чем в крестьянских хозяйствах
		Затраты рабочего времени на 1 ц продукции (в днях) ¹	Общая масса затрат рабочего времени (в тыс. дней)	Затраты рабочего времени на 1 ц продукции (в днях)	Общая масса затрат рабочего времени (в тыс. дней)	
Зерновые озимые	454 517	1,07	486 333	3,4 ² ₁	1 545 357	3,2
Ранние яровые	519 022	1,19	617 636	3,13 ²	1 624 538	2,6
Просо	23 086	2,25	51 944	3,6 ³	83 110	1,6
Подсолнух	19 854	1,97	39 112	3,9 ⁴	77 433	2,0
Картофель	313 652	0,67	210 147	0,84 ⁴	263 467	1,3
Лен-долгунец и кудряш	2 397	79,16 ⁴	189 747	118,4 ⁴	283 805	1,5
Сахарная свекла	тыс. га 203 930	на га 0,73	148 869	0,95 ⁵	193 733	1,3
Итого	—	—	1 743 788	—	4 071 443	2,3

выросла в колхозах по сравнению с крестьянскими хозяйствами в 1,2 раза. Это повышение производительности труда в молочном и свиноводческом производстве отображает размер роста по всему животноводству.

Хотя в нашем распоряжении нет данных о затратах труда по всем культурам и всем видам животных, но поскольку динамика производительности труда исчислена по подавляющей массе продукции растениеводства и значительной части продуктивного скота, можно на основе приведенных выше расчетов установить средние темпы роста производительности труда по всему сельскому хозяйству. В среднем по перечисленным отраслям производительность труда в колхозах в 1937 г. была выше чем в крестьянских хозяйствах в 2,2 раза. Напомним, что исчисление производительности труда по количеству продукции, приходящейся на одного работника по всему сельскому хозяйству, дало рост в 1,8—2,0 раза. Таким образом, при совершенно разных способах подсчета получаются одни и те же резуль-

¹ «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке», Госпланиздат, 1939.

² По данным Урочного положения ЦСУ, основанным на разработке 20 000 крестьянских бюджетов. Затраты труда, опубликованные ЦСУ в условных единицах мужского труда, переведены ЦУНХУ в физические единицы и опубликованы в книге «О производительности труда в колхозах», Союзоргучет, 1935, стр. 24.

³ Затрата труда на производство проса в крестьянских хозяйствах взята среднеарифметическая на основе материалов НКЗ УССР (по Сумскому и Старобельскому уездам, Харьковской губ., Волчанскому и Коротоляскому уездам, Воронежской губ.) и бюджетных данных о крестьянских хозяйствах по Курской губ.

Источники: 1) по Харьковской и Воронежской губ. — «Сборник статистических материалов по вопросам организации крестьянских хозяйств Украины и смежных с ней губерний», изд. НКЗ УССР. Киев, 1922, стр. 18 и 48; 2) по Курской губ. — «Крестьянское и крупнозаводское хозяйство в связи с проблемой свеклосеяния», вып. 2. Крестьянские бюджеты Курской губ. М. 1927, стр. 76, 77.

⁴ По исчислениям И. Ф. Меринова — в физических рабочих единицах. В основу исчислений положены данные ЦУНХУ по БССР и Калининской обл. См. статью «Производительность труда в колхозах», «Социалистическое земледелие», № 7 за 1939 г.

⁵ По бюджетным данным крестьянских хозяйств Курской губ. «Крестьянское и крупнозаводское свеклосеяние в связи с проблемой свеклосеяния». Вып. 2. Крестьянские бюджеты Курской губ. М. 1927.

Таблица 2

Виды скота	Коллич. голов скота в 1937 г. (в тыс.)	Затраты рабочего времени на 1 голову скота в 1937 г. (в колхозах)	Общая масса затрат рабочего времени в колхозах (в тыс. дней)	Затраты рабочего времени на 1 голову в крестьянских хозяйствах	Общая масса затрат рабочего времени (в тыс. дней) в крестьянских хозяйствах	Во сколько раз выросла производительность труда в колхозах по сравнению с крестьянскими хозяйствами
Коровы	4 207	46,0	193 522	56 ¹	235 592	1,2
Свиньи (взрослые)	1 977,2	21,7	42 905	26,8 ²	52 989	1,2
Итого	—	—	236 427	—	288 581	1,2

таты. Исходя из этих данных, получаем, что среднегодовой прирост производительности труда в сельском хозяйстве СССР за обе пятилетки по меньшей мере составлял 8—10%.

Темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве до-революционной России

Подсчет валовой продукции за период с 1900 до 1913 гг. по 50 губерниям Европейской России произвел Прокопович³. Динамика продукции, выраженной в неизменных ценах 1900 г., определяется по его подсчетам следующими величинами:

1900 г.	2 985 067 тыс. руб.
1909—1913 гг.	3 995 036 тыс. руб.
	Рост на 33,8%

Средний годовой прирост валовой продукции (арифметически исчисленный) равняется 2,8%. Но таких темпов роста валовой продукции, какие исчислил Прокопович для Европейской России в XX столетии, как увидит читатель из дальнейшего, не было ни в одной стране, не исключая даже и США. Это вызывает сомнение в правильности исчислений Прокоповича.

Прокопович и его ближайшие сотрудники, производившие исчисления, при учете продукции исходили из опубликованных данных о площадях и поголовье скота, не вдумываясь в способы конструирования этих цифр. Авторы не приняли во внимание, что исчисленный ими рост продукции обязан не только действительному расширению посевных площадей и увеличению численности скота, но и в значительной мере улучшению системы учета. Это можно проиллюстриро-

¹ Высчитано по статье Е. Синицкого «Затраты труда в молочном хозяйстве», Молочное хозяйство, 1927, № 18, стр. 15.

² По местным крестьянским бюджетам затраты труда на уход за одной взрослой свиньей в год составляли в крестьянском хозяйстве в Ц Ю 27,3 человекодня, в Нижневолжской обл. — 24,7 человекодня. (См. «О производительности труда в колхозах», стр. 54). По данным крестьянских бюджетов Курской губ., на уход за 75 свиньями и 68 поросятами израсходовано за год 2 495,5 дней в переводе в мужской труд. Считая, что затраты труда на 5 поросят равны затратам на 1 взрослую свинью, получаем затраты труда на взрослую свинью в 28,3 человекодня, т. е. цифру, близкую к перечисленным выше. Средняя из этих трех цифр составляет 26,8 человекодня.

³ «Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—1913 гг.», под ред. С. Н. Прокоповича, М. 1918, стр. 44.

вать особенно ярко на примере животноводства. Численность его для 1913 г. Прокопович устанавливал на основании данных переписи 1916 г., а для 1900 г.—на основании опубликованных ранее данных Центрального статистического комитета. Эти сведения ЦСК получал от Ветеринарного управления министерства внутренних дел. Учет этот производился весьма небрежно, сведения о численности скота собирались через сельскую администрацию и полицию. Правительство совершенно не было заинтересовано в точности сведений. Учет же скота в 1916 г. проводило министерство продовольствия, которое тщательно учитывало каждую голову. Этот учет показал большее увеличение численности скота по сравнению со всеми прежними данными, несмотря на то, что значительная часть продуктивного скота была закуплена и реквизирована на нужды армии, и несмотря на большой дефицит кормов. По существу эти данные указали лишь на большое преуменьшение довоенных данных. Так, например, по Сибири, Дальнему Востоку и Степному краю численность скота в 1916 г., по данным переписи, по сравнению с 1914 г., по данным министерства внутренних дел, была больше: по лошадям — на 8%, по крупному рогатому скоту — на 23%, по овцам и козам — на 29% и свиньям — на 50. Перепись вскрыла точно также значительный недоучет скота, особенно продуктивного и по Европейской России.

Сопоставляя численность скота 1900 г. на основе данных ЦСК (стр. 8) с численностью 1916 г. на основе данных переписи 1916 г. (стр. 34), Прокопович увеличение поголовья, полученное в результате улучшения учета, относит за счет роста производительных сил. Это тем более непонятно, что руководитель переписи П. П. Румянцев в предисловии к одной из книг переписи указывал на недоучет численности скота по данным министерства внутренних дел.

Данные о поголовье 1916 г. не показывают действительного роста животноводства в дореволюционной России. Сравнение с 1900 г. неверно, поскольку сведения собирались разными методами. Единственно правильный способ выявления динамики поголовья скота в дореволюционной России это — сопоставление численности его по материалам, собранным одним и тем же методом.

Приводимая ниже таблица показывает, какие темпы роста численности скота получаются у Прокоповича в результате не критического подхода к статистическому материалу и какие темпы были в действительности (исчислено нами на основе данных, опубликованных в Ежегодниках Ветеринарного Управления МВД¹) (см. табл. 3):

Таблица 3

Виды скота	Темпы роста по Прокоповичу с 1900 по 1916 гг. (в %); см. стр. 8 и 34)		Действительный рост с 1900 по 1912 гг. (в %)	
	За весь период	Средний ежегодный (арифм.)	За весь период	Средний ежегодный (арифм.)
Лошади	25	1,7	16,6	+1,4
Крупный рогатый скот	22	1,5	3,1	+0,3
Овцы и козы	28	1,9	-10,5	-0,9
Свиньи	60	4,0	10,6	+0,9

Если внести соответственные поправки в расчеты Прокоповича, то окажется, что стоимость животноводческой продукции с 1900 по

¹ Кубанин, О динамике стада, «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936, № 8.

1913 г. в Европейской России возросла не на 221 871 тыс. руб., как считал автор, а всего лишь на 17 004 тыс. руб. и составляла в 1913 г. (в неизменных ценах) 3 790 169 тыс. руб. вместо исчисленных 3 995 036 тыс. руб. Это означает рост валовой продукции за 13 лет на 26,97%, а не на 33,8%, как получается из цифр Прокоповича.

Чтобы исчислить динамику производительности труда в сельском хозяйстве дореволюционной России, необходимо установить изменения в численности рабочей силы за тот же период, по которому имеются данные об изменении валовой продукции сельского хозяйства, и по той же территории. По исчислениям специальной правительственной комиссии, созданной в 1901 г., в сельском хозяйстве 50 губерний Европейской России в 1900 г. было занято 44 724,8 тыс. человек¹. Комиссия эта могла исчислить количество рабочей силы более или менее точно, поскольку незадолго до того (в 1897 г.) происходила перепись населения страны.

Численность рабочей силы в сельском хозяйстве Европейской России в 1913 г. можно исчислить двумя путями. Средняя численность сельского населения в 50 губерниях Европейской России составляла в среднем за 1909—1913 гг. 98 153,7 тыс. человек. По данным крестьянских бюджетов, собранных за период с 1907 до 1915 г., в среднем на одну семью приходилось 7,05 человек, а работников в переводе во взрослых — 3,58 человека², т. е. число работников по отношению к населению составляло 50,8%. Исходя из этого, получаем: общее количество работников в 1909—1913 гг. составляет 49 862 тыс. человек, т. е. на 5,1 млн. больше, чем в 1901 г.

Возможен и другой расчет численности рабочей силы, исходя из данных о количестве крестьянских хозяйств.

По статистике землевладения, в 1905 г. было 12 277 тыс. хозяйств, владевших наделной землей³. С 1905 по 1911 гг. число крестьянских хозяйств увеличивалось вследствие дробления. О темпах разделов до революции можно судить хотя бы по следующим данным. В Тульской губ. за 13 лет (с 1899 до 1911 гг.), по земским данным, разделилось 22,6% крестьянских хозяйств⁴; в Вяземском уезде, Смоленской губ., с 1883 до 1900 гг. за 18 лет разделилось 21,4% хозяйств⁵. Если вычесть хозяйства, соединившиеся, выселившиеся или ликвидировавшиеся, то получим, что в Тульской губ. за 13 лет из каждых 100 хозяйств образовалось по меньшей мере 112; в Вяземском уезде за 18 лет — 118, т. е. в Тульской губ. каждый год число хозяйств выросло в среднем на 2%, а в Смоленской губ. — на 1%. Считая в среднем 1,5%, получим, что за 7 лет, с 1905 до 1911 гг., количество хозяйств увеличилось не менее чем на 10,5%, т. е. в 1911 г. число их должно было достигать 13,5 млн. по Европейской России. Считая,

¹ «Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России», Спб., т. I, стр. 6.

² Вычислено на основе бюджетных данных по крестьянским хозяйствам Вологодской, Вятской, Новгородской, Костромской, Смоленской, Тамбовской и Пензенской губерний, приведенных в приложении к книге Н. Костров, Н. Никитин и А. Эмме «Очерки организации крестьянского хозяйства», М., изд. «Новая деревня», 1926.

Количество хозяйств по губерниям, положенное в основу взвешивания, взято из книги «Труды Центрального статистического управления», т. VII, вып. I, Статистический сборник за 1913—1917 гг., вып. I, стр. 208, 216, 224.

³ Ленин, Соч., т. XII, стр. 220.

⁴ Хрящева, «Крестьянское хозяйство по переписи 1899—1911 гг.», т. II, Тула, 1916.

⁵ Румянцев, «К вопросу об эволюции русского крестьянства», сб. «Очерки реалистического мировоззрения», изд. 2-е, Спб., 1905, стр. 534.

что на хозяйство в соответствии с бюджетными данными приходится 3,58 работников, получаем общее количество работников 48,3 млн. человек.

В эти подсчеты не вошли мелкие землевладельцы — собственники, не владевшие надельной землей (однодворцы-четвертники, хуторяне и отрубники); не вошли также и сельскохозяйственные батраки, не владевшие землей. Поэтому можно без всякой ошибки прибавить, по меньшей мере, еще один или полтора миллиона работников на эти категории, что даст общую цифру в 49,3—49,8 млн. человек, т. е. близкую к полученной при исчислении первым способом.

Таким образом можно считать совершенно бесспорным, что до революции абсолютное количество работников, занятых в сельском хозяйстве, увеличивалось. За 13 лет оно выросло на 11,4%, а продукция — на 26,97%. Это и дает рост производительности труда за 13 лет на 13,97%, или по 1,1% в год. Напомним, что после революции, с 1928 по 1932 гг., средний годовой прирост производительности труда исчислен нами в размере от 8 до 10%. Темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве в течение первой и второй пятилеток превышали, таким образом, дореволюционные темпы в 7—9 раз.

Динамика роста производительности труда в Великобритании

С 1908 по 1925 гг. продукция Великобритании (очищенная от повторного счета), по исчислениям министерства земледелия, выросла в неизменных ценах на 0,15%¹, т. е. по существу оставалась стабильной (увеличение с 257 200 тыс. до 257 570 тыс. фунтов стерлингов в ценах 1925 г.).

Количество рабочей силы сократилось за тот же период с 1 400 тыс. до 1 280 тыс. человек, включая временных и постоянных работников (по состоянию на июнь месяц каждого из сравнимых годов)². Таким образом численность рабочей силы уменьшилась за 18 лет на 8,6%, или снижалась ежегодно на 0,5%. По существу это и есть мера среднего годового роста производительности труда, поскольку продукция оставалась стабильной. Как видим, здесь не только темпы во много раз ниже, чем в СССР, но и характер динамики отличается от установленного для дореволюционной России и для СССР.

С 1925 по 1931 гг. уже не производились общие исчисления производительности труда по Великобритании в целом. Опубликованы лишь данные о динамике валовой продукции по Англии и Уэльсу, вместе взятым, и отдельно по Шотландии. Наибольший интерес представляют не суммарные данные по Великобритании в целом, а отдельно по этим двум странам в силу того, что характер динамики производительности труда у них разный.

По Англии и Уэльсу валовая продукция сельского хозяйства, очищенная от двойного счета, выросла с 1908 по 1925 гг. по исчислениям английского министерства земледелия всего на 1%. Необходимо однако внести поправку в подсчеты английского министерства земледелия. Продукция сельского хозяйства с 1908 по 1925 гг. не только не возросла на 1%, но значительно сократилась. На той странице отчета (77) Великобританского министерства земледелия, где приводятся данные о продукции в 1925 г. в сопоставлении с 1908 г. в текущих ценах, опубликован объем продукции всех отраслей за оба года. А на странице 78, где приводятся данные в неизменных ценах,

¹ «The Agricultural Output and the Food supply of Great Britain», London, 1925, p. 5

² Там же, стр. 13.

авторы отчета исключили из таблицы продукцию растениеводства. Увеличение валовой продукции на 1% показывает рост только животноводческой продукции. Если же пересчитать и продукцию растениеводства в неизменные цены, то обнаружится падение суммарной продукции.

Для наглядного представления приведем данные о текущих и неизменных ценах (без фруктов и цветов) за оба эти срока.

Великобританское министерство земледелия опубликовало индексы цен по основным отраслям сельского хозяйства за послевоенный период по отношению к средним ценам за 1911—13 гг. Так как за период с 1908 по 1911 г. произошли незначительные изменения в ценах на сельскохозяйственные товары¹, можно с полным основанием исходить из данных индексов на продукты полеводства по отношению к 1911—13 гг.

В 1925 г. индекс цен на продукты полеводства по отношению к 1911—1913 гг. был равен 144%², а по овощам и фруктам еще выше — на 92%. Внеся только поправку в 44% на изменение цен по продуктам полеводства (без овощей), получаем следующие данные о динамике валовой продукции сельскохозяйственной Англии (см. табл. 4).

Таблица 4

Исчисленная продукция сельского хозяйства Англии и Уэльса, очищенная от двойного счета
(в фунтах стерлингов)

Продукты животноводства	В текущих ценах ³		%, увеличе- ния	В неизменных ценах		
	1908 г.	1925 г.		1908 г. ³	1925 г.	%, роста или паде- ния
Животные и мясная про- дукция	50 800	78 970	+ 55	88 200	78 970	— 10
Молочная продукция . . .	25 500	57 600	+ 126	49 800	57 600	+ 16
Птица и яйца	4 350	15 080	+ 247	11 100	15 080	+ 36
Шерсть	2 100	3 000	+ 43	4 100	3 000	— 27
Все продукты животно- водства	82 750	154 650	+ 87	153 200	154 650	+ 1
Полеводство и овощи . .	40 200	54 450	+ 35	57 888	54 450	— 5,9
	122 950	209 100	+ 70	211 088	209 100	— 0,9

Из таблицы видно, что вместо роста валовой продукции сельского хозяйства на 1% валовая продукция Англии сократилась на 0,9%. Министерство земледелия исчислило рост в 1%, игнорируя в окончательном подсчете продукцию растениеводства. Этот прием не случаен для великобританского министерства земледелия. Там, где получают неприятные цифры, оно предпочитает о них умалчивать и не включать их в подсчеты.

Численность рабочей силы в сельскохозяйственной Англии и Уэльсе в 1908 г. составляла, по исчислениям Управления земледелия и ры-

¹ Board of Agriculture and Fishery Agricultural Statistics, 1911, vol. XLVI. part III, London, 1912, p. 194.

² Ministry of Agriculture and Fishery Agricultural Statistics, 1934, vol. LXIX, part II, London, 1936, p. 99.

³ Ministry of Agriculture and Fishery. The Agricultural Output of England and Wales, 1925, London, 1927, p. 78.

боловства, произведенным в 1911 г., 1 128 тыс. человек¹. Сюда входили фермеры, члены их семей, принимавшие постоянно и временно участие в производстве, и наемные рабочие (постоянные и временные). В 1925 г., по исчислениям министерства земледелия Великобритании, в Англии и Уэльсе количество работников тех же категорий на тот же июньский срок составляло 1 100 тыс. человек², т. е. сократилось на 2,5%. Таким образом, если положить в основу исчисления динамики валовой продукции сельского хозяйства расчет Великобритании министерства земледелия, то и тогда рост производительности труда в английском сельском хозяйстве с 1908 по 1925 гг. составит всего 3,7%, т. е. по существу она осталась стабильной. Если же учесть, что фактически валовая продукция сократилась, то не будет даже этого ничтожного роста: производительность труда в Великобритании с 1908 по 1925 гг. выросла всего на 1,6%.

С 1925 по 1930 гг. валовая продукция Англии и Уэльса, по подсчетам Великобританского министерства земледелия, выросла в неизменных ценах на 3,9%³. Численность рабочей силы, по сообщению Гарслау и Калпина (ссылающихся на соответственные переписи, которых нет в нашем распоряжении) сократилась на 8%⁴. Следовательно, производительность труда выросла на 13%.

Теперь покажем в наглядной форме изменения физического объема валовой продукции и численности лиц, занятых в сельском хозяйстве, и как результат этого — сдвиги в производительности труда в Англии и Уэльсе с 1908 по 1931 гг. (см. табл. 5).

Таблица 5

	Насколько изменялись в Англии и Уэльсе (в %):			
	Физический объем продукции	Числа лиц, занятых в сельском хозяйстве	Рост производительности труда за весь период	Среднегодовой прирост (исчислен арифметически)
С 1908 по 1925 гг.	-0,9	- 2,5	+ 1,6	+ 0,1
С 1925 по 1931 гг.	+ 3,9	- 8	+13,0	+ 1,8

Таким образом ежегодный прирост производительности труда в годы, предшествовавшие кризису, составлял всего 1,8%. Этот рост происходил преимущественно благодаря сокращению численности рабочей силы, а не увеличению физического объема продукции.

В Шотландии с 1908 по 1925 гг. валовая продукция в неизменных ценах выросла на 4%, а число лиц, занятых в сельском хозяйстве,

¹ Board of Agriculture and Fisheries. The agricultural Output of Great Britain, London, 1912, p. 18.

² Ministry of Agriculture and Fisheries. The agricultural Output and Food Supply of Great Britain, London, 1929, p. 13.

³ Ministry of Agriculture and Fisheries. Agricultural Output of England and Wales 1930—1931, London, 1934, p. 40.

⁴ K. M. Garslow and C. Culpin «Labor Power and equipment in Arable Farming», Journal of the Royal Agriculture Society of England», vol. 97, London, 1936.

Я взял результаты подсчетов Гарслау и Калпина об изменении численности рабочей силы, занятой в Англии, так как данные, опубликованные в Справочнике Лиги наций *Annuaire statistique de la Société des Nations 1934/35*. Geneve, 1935, pp. 46, способны только ввести в заблуждение. В данном статистическом справочнике Лиги наций указано, что численность рабочей силы в Англии и Уэльсе составила в 1931 г. 1 199,3 тыс. человек. Но это число превышает количество лиц, которые были заняты в сельском хозяйстве Англии и Уэльса в 1925 г. (по исчислениям Британского министерства земледелия на 99,3 тыс. человек). Численность рабочей силы в Англии систематически сокращается и она не могла вырасти с 1925 по 1931 г.

сократилось на 15,1%¹. т. е. снижалось значительно более сильными темпами, чем по Англии. В результате, уровень производительности труда в 1925 г. был выше чем в 1908 г. на 23,5%, чего не было в Англии в довоенный период.

С 1925 по 1931 гг. численность рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве в Шотландии, уменьшилась в таком же размере, как в Англии — на 7,9%². Валовая же продукция в 1925 и 1931 гг. сопоставляется только в текущих ценах, причем в этом исчислении объем ее сократился на 22%. Шотландский департамент земледелия ограничился туманным заявлением, что «уменьшение исчисленной стоимости (продукции.—М. К. вызвано падением цен с 1925 по 1931 гг. и в меньшей мере падением производительности». Как только было установлено сокращение физического объема сельскохозяйственной продукции Шотландии, Департамент, как и Великобританское министерство земледелия, отказался от публикации динамики продукции в неизменных ценах.

Динамика физического объема сельскохозяйственной продукции Шотландии с 1925 по 1931 гг., очищенной от двойного счета, была мною исчислена на основе индексов цен по отдельным отраслям сельского хозяйства Англии за тот же отрезок времени. Результаты подсчетов показывают, что стоимость всей сельскохозяйственной продукции Шотландии с 1925 по 1931 гг. уменьшилась в текущих ценах на 22%, а в неизменных — на 6,4%. Таким образом динамика элементов, определяющих уровень производительности труда в Шотландии с 1908 по 1931 гг., изменялась по отдельным периодам следующим образом (см. табл. 6):

Таблица 6

	Насколько изменялись в Шотландии (в, %)			
	Валовая продукция	Численность рабочей силы	Уровень производ. труда	Средне-годовой % прироста (арифм.)
С 1903 по 1925 гг.	+ 4	— 15,1	+ 23,5	+ 1,3
С 1925 по 1931 гг.	— 6,4	— 7,9	+ 1,6	+ 0,23

В Шотландии производительность труда с 1925 по 1931 гг. возросла, но только потому, что количество работников, занятых в сельском хозяйстве, сократилось относительно в больших размерах, чем масса продукции. Это тот вид роста производительности труда, от которого население терпит ущерб.

Динамика роста производительности труда США с 1900 по 1930 гг.

Индекс физического объема валовой продукции сельского хозяйства исчислен проф. О. И. Бейкером с 1900 г. Данные о численности лиц, занятых в сельском хозяйстве США на начало года, имеются по каждой из переписей (1900, 1910, 1920, 1930 и 1935 гг.).

¹ The Agricultural Output of Scotland, 1925, Edinburg.

² The Agricultural Output of Scotland, 1930, Edinburg, 1934. p. 43. Это данные об изменении наемной рабочей силы. Количество всех рабочих в 1931 г. не приведено, так как наемные работники (временные и постоянные) составляли по отношению ко всем лицам, занятым в сельском хозяйстве Шотландии в 1925 г., 68% (122 тыс. по отношению к 180 тыс. человек); для сравнения можно пользоваться динамикой наемной рабочей силы.

Изменения валовой продукции и численности рабочей силы в США с 1900 по 1930 гг. (по десятилетиям) происходили следующим образом (см. табл. 7) ¹:

Таблица 7

	Насколько изменялись (в %):			
	Валовая продукция сельского хозяйства, очищенная от повторного счета	Численность рабочей силы	Уровень производительности труда	
			В среднем за 10 лет	Среднегодовой (арифм.)
С. 1900 по 1910 гг.	+ 6,1	+ 11,9	- 5,2	- 0,5
С. 1910 по 1920 гг.	+ 19,8	- 2,3	+ 22,6	+ 2,2
С. 1920 по 1930 гг.	+ 13,3	- 6,5	+ 21,2	+ 2,1
Всего с 1900 по 1930 гг.	+ 44,2	+ 2,1	+ 41,2	+ 1,4

Если в целом за первые 30 лет XX столетия продукция сельского хозяйства США выросла на 44,2%, а численность рабочей силы — только на 2,1%, что обусловило рост производительности труда на 41,2% или в среднем ежегодно на 1,4%, то по отдельным периодам динамика производительности труда выглядит по-разному. В первом десятилетии приток рабочей силы в сельское хозяйство был сильнее, чем возрастала масса продукции. Поэтому производительность труда сократилась на 5,2%. В этот период еще продолжалась раздача свободных земель, что и привлекало в сельское хозяйство новых фермеров. Численность фермеров возрастала быстрее, чем масса производимой ими продукции, так как всякий вновь заводивший хозяйство в первые годы производил относительно меньше, чем старые фермеры. В 1919 г. по сравнению с 1910 г. численность рабочей силы сократилась, а продукция сильно выросла в силу благоприятной для США рыночной конъюнктуры, сложившейся во время войны 1914—1918 гг.

За последние 3 года этого десятилетия в сельском хозяйстве США начали впервые применяться легкие тракторы, которые затем особенно широко внедрялись в третьем десятилетии. Впервые в США численность рабочей силы сократилась во втором десятилетии XX века — на 264 тыс. человек (2,3%); в 3 десятилетия она сократилась на 727 тыс. человек (6,5%). Это сильное сокращение рабочей силы в третьем десятилетии связано с применением в сельском хозяйстве трактора и комбайна ².

¹ Исчислено на основе данных, приведенных в книге E. G. Nourse and Associates «America's capacity to produce». Washington, D. C. 1934. p.p. 496 и 547.

² Интересно отметить, что в Англии численность рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, начала уменьшаться значительно раньше. Это было отмечено переписями населения в середине XIX в. Данный процесс шел неуклонно еще в довоенное время, когда в сельском хозяйстве было очень мало механических двигателей. Численность лиц, занятых в сельском хозяйстве, изменялась в следующих размерах:

1851 г.	1 337 110 человек
1861 »	1 341 578 »
1871 »	1 305 025 »
1881 »	1 189 315 »
1891 »	1 089 809 »
1901 »	975 730 »
1911 »	971 708 »

Из приведенных выше цифр видно, что и при росте валовой продукции может быть падение производительности труда, если численность рабочей силы возрастает быстрее, чем объем продукции. Другой, еще более существенный вывод заключается в том, что в США, несмотря на уменьшение количества труда, затраченного на единицу продукции в первом десятилетии XX века, объем продукции, приходящейся на работника, сократился. Масса продукции стала возрастать лишь тогда, когда начала уменьшаться численность рабочей силы в сельском хозяйстве. Это значит, что в первом десятилетии XX века возрастало свободное рабочее время у фермеров США, которое не использовалось в сельском хозяйстве. Это значит, что, несмотря на наличие больших массивов свободных земель, в тот период возрастало аграрное перенаселение.

За годы последнего кризиса в сельском хозяйстве США возрастает количество сельскохозяйственных работников за счет возвращающихся в деревню безработных, а также за счет подрастающей молодежи, которая не находила работы в городе. Общее количество лиц, занятых в сельском хозяйстве, возросло с начала 1930 до начала 1935 г. с 10 482 тыс. до 12 407 тыс. человек¹, т. е. на 18%. Валовая же продукция, очищенная от повторного счета, сократилась в 1934 г., по исчислениям департамента земледелия, на 9% по сравнению с 1929 г.² Таким образом производительность труда с 1930 до 1935 гг. снизилась на 23%.

Динамика роста производительности труда в сельском хозяйстве Германии с 1882 по 1933 гг. {

Динамика физического объема продукции сельского хозяйства Германии (очищенной от повторного счета) за период с 1880 по 1935 гг. исчислена Конъюнктурным институтом и опубликована в виде индекса³.

Если рассматривать динамику валовой продукции по десятилетиям, обращает на себя внимание неравномерность темпов роста ее в разные периоды. На основании данных, опубликованных Конъюнктурным институтом, можно составить следующую таблицу (см. табл. 8).

Таблица 8

Динамика физического объема сельскохозяйственной продукции (в %)

Период	За весь период	Среднегодовой прирост (арифм.)
С 1880 по 1889 гг.	+ 10,9	+ 1,1
» 1890 » 1899 »	+ 22,0	+ 2,2
» 1900 » 1909 »	+ 16,7	+ 1,7
» 1910 » 1913 »	+ 3,9	+ 1,0
» 1913 » 1923 »	св. нет	св. нет
» 1924 » 1929 »	+ 23,7	+ 3,9
» 1930 » 1935 »	+ 4,7	+ 0,8

Наиболее сильно продукция сельского хозяйства возрастала в Германии в течение последнего десятилетия XIX века. Затем темпы среднегодового прироста начали уменьшаться. Война 1914—1918 гг. при-

¹ United States. Census of Agriculture 1935. Report for States with Statistics for counties and a summaries for the United states, Second Series, vol. II p. XVI.

² Agriculture statistics. 1937, p. 380.

³ Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung, 1936, Heft L, Teil A, Neue Folge, S. 159.

вела к сильному падению физического объема сельскохозяйственной продукции.

В 1924 г. объем продукции составлял по отношению к 1913 г. всего 72,4%. Германское сельское хозяйство, хотя и быстро восстанавливало свой прежний уровень продукции, однако к 1935 г. физический объем ее все еще составлял 96,4% от уровня 1913 г. С 1924 по 1929 гг. среднегодовой прирост составлял 3,9%, но это происходило еще в пределах прежнего физического объема сельскохозяйственной продукции. В следующие же годы (1930—1935), несмотря на то, что сельское хозяйство еще не восстановило своего довоенного уровня, продукция возрастала исключительно медленно — всего лишь по 0,8% в год, т. е. медленнее, чем в любой из предшествующих периодов.

Количество рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве Германии, по исчислениям Германского статистического управления, составляло в 1882 г. 11 208 517 человек и в 1895 г. — 11 623 239 человек¹. На основании этих цифр можно рассчитать среднегодовой прирост рабочей силы Германии.

В 1907 г. перепись рабочей силы, занятой в германском сельском хозяйстве, выявила наличие 15 169 549 человек², что значительно превысило все предшествующие исчисления. Нельзя сопоставлять приведенные выше данные о численности рабочей силы в 1882 и 1895 гг. с количеством рабочей силы в 1907 г., взятых из двух официальных источников, поскольку эти данные получались разными методами. Численность рабочей силы в сельском хозяйстве Германии можно сопоставлять только по 1907, 1925 и 1933 гг., поскольку в эти годы, наряду с общей переписью сельскохозяйственных предприятий, производилась специальная перепись лиц, занятых в сельском хозяйстве. В силу этих причин нами была исчислена динамика производительности труда за довоенный период по материалам 1882—1895 гг. и за послевоенный — по материалам 1925—1933 гг.

Динамика валовой продукции и рабочей силы в сельском хозяйстве Германии за довоенный и послевоенный периоды была следующей (см. табл. 9):

Таблица 9

	Насколько изменялись (в %):			
	Валовая продукция	Численность рабочей силы	Уровень производительности труда	
			За весь период	Среднегодовой прирост
С 1882 по 1895 гг.	+ 36,2	+ 3,7	+ 21,7	+ 1,5
С 1925 по 1933 гг.	+ 24,3	+ 16,7	+ 6,5	+ 0,7

Производительность труда в немецком сельском хозяйстве повышалась при одновременном росте массы продукции и численности рабочей силы. В предвоенный период численность последней возрастала относительно медленнее, чем в послевоенный. Это и было одной из основных причин более быстрого роста производительности труда в довоенный период по сравнению с послевоенным.

Вопрос о динамике рабочей силы в сельском хозяйстве Германии

¹ Statistik des deutschen Reich. Neue Folge. Bd. 112, S. 6.

² Die deutsche Landwirtschaft. Hauptergebnisse der Reichstatistik, Berlin, 1913, S. 71.

является не только чисто сельскохозяйственным, но и одним из основных во всем народном хозяйстве Германии. По данным сельскохозяйственных переписей, с 1882 по 1933 гг. в германском сельском хозяйстве непрерывно уменьшается численность сельскохозяйственного населения. Число же лиц, занятых в сельскохозяйственном производстве, неизменно возрастает, в особенности после революции 1918 г. (см. табл. 10):

Т а б л и ц а 10

Динамика численности сельскохозяйственного населения Германии по данным трех довоенных переписей¹

Г о д ы	Все население		Сельскохозяйственное население	
	абс.	в % к 1882 г.	абс.	в % ко всему населению в данном году
1882	45 222 113	100,0	18 704 038	41,4
1895	51 770 284	114,3	17 815 187	34,4
1907	61 720 529	136,5	16 920 671	27,4

С 1882 по 1907 гг. численность всего населения Германии возросла на 36,5%, а сельскохозяйственного сократилась на 9,5%. Удельный вес сельскохозяйственного населения снизился с 41,4 до 27,4%. Это — процесс, общий для всех стран. В отношении же движения рабочей силы (постоянной и сезонной), занятой в сельском хозяйстве Германии, происходит обратный процесс: численность рабочей силы возрастает. До войны это вызывалось процессом интенсификации сельского хозяйства: расширялась посевная площадь под техническими культурами, увеличивалась численность молочного скота, сильно возрастала урожайность по всем культурам и удоиность скота. Все это требовало новых и новых вложений труда, так как механизация происходила весьма медленно и преимущественно в помещичьих хозяйствах. В качестве добавочной рабочей силы все в большей мере вовлекались члены семей, не работавшие ранее в сельском хозяйстве (женщины и дети), иностранные рабочие, прибывавшие из западных губерний царской России, а также часть городских безработных.

Если не учитывать этих временных сельскохозяйственных рабочих и детский труд, нельзя понять, как могла численность рабочих в сельском хозяйстве Германии составлять в 1907 г. 15,2 млн. человек, если все сельскохозяйственное население составляло 16,9 млн. человек.

После революции сельское хозяйство Германии лишилось дешевой рабочей силы в лице польских сезонников². Бывшее польское правительство создало большие затруднения для выезда сельскохозяйственных рабочих в Германию, стремясь обеспечить дешевой рабочей силой своих собственных помещиков и буржуазию.

¹ Die Deutsche Landwirtschaft. Hauptergebnisse des Reichstatistik. Berlin, 1913, SS. 10 u. 11.

² Немецкими исследователями уже давно установлено наличие связи между посевной площадью под свеклой в Германии, требующей затраты большого труда, и числом сезонных рабочих, приезжавших из Польши. Количество этой рабочей силы увеличивалось из года в год, вплоть до войны; в соответствии с этим возрастала посевная площадь под сахарной свеклой. После революции количество этих рабочих сильно уменьшилось, что привело и к сокращению посевной площади под свеклой. При этом обеспеченность наемной рабочей силой на 1 га площади свеклы сильно уменьшилась (см. R. Wahlbruck, Ausgleich der Arbeitspitzen).

Чтобы разрешить проблему рабочей силы, необходимо было или механизировать сельскохозяйственное производство, или изыскивать новые источники рабочей силы. Механизация в сельском хозяйстве Германии не проводилась по ряду причин. Сельское хозяйство Германии шло по старому пути восстановления прежнего уровня производства сельскохозяйственной продукции путем вовлечения новых масс рабочей силы из числа членов крестьянских семей. Этот новый труд (женщин и детей) был менее производителен, чем труд квалифицированных сельскохозяйственных рабочих. Зачастую там, где раньше работал один квалифицированный батрак, приходилось ставить двух членов семьи. О том, что именно так обстояло дело, свидетельствует структура рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве Германии в 1907, 1925 и 1933 гг. (в послевоенных границах) (см. табл. 11).

Таблица 11

Динамика численности рабочей силы в сельском хозяйстве Германии (в тыс. чел.)

Категория работников	1907 г. ¹	1925 г. ¹	1933 г. ²
Руководители предприятий	2 476,3	3 578,8	3 024,6
Члены семей, участвующие в производстве	6 548,2	7 466,8	10 759,7
Наемная рабочая сила	3 868,6	3 292,9	2 893,9
Всего	12 893,1	14 338,5	16 678,2

С 1907 по 1925 гг. количество наемных работников сократилось на 600 тыс. человек, но вместо них пришло 900 тыс. членов семей, вновь вовлеченных в производство, и 1 100 тыс. новых хозяев.

Валовая продукция сельского хозяйства в 1925 г. по отношению к 1907 г. сократилась на 16,6%, а количество рабочей силы выросло на 1 445 тыс. человек, или на 11,2%. В силу этих двух причин уровень производительности труда в 1925 г. был ниже, чем в 1907 г., на 25%.

С 1925 по 1933 гг. медленное восстановление валовой продукции сельского хозяйства Германии сопровождалось еще более сильным ростом численности рабочей силы. Процесс, начавшийся до войны, после нее еще более углубился и имел еще большее значение для сельского хозяйства. Численность наемной рабочей силы сократилась за 9 лет на 1 300 тыс. человек. Если учесть, что число хозяев сократилось на полмиллиона человек, и если даже считать, что они попали в категорию членов семей, принимающих участие в производстве, то и тогда выходит, что каждого наемного работника заменило 2,3 члена семьи. Это и понятно, ибо квалифицированные силы наемных работников были заменены женщинами, подростками и детьми. В 1925 г. в производстве работало 2,7% детей в возрасте до 14 лет; в 1933 г. их насчитывалось уже около одной пятой части.

В США в тот же период также происходила сильная интенсификация сельского хозяйства при одновременном расширении посевных площадей. Численность рабочей силы, однако, уменьшилась. Сократилась наемная рабочая сила. Число женщин и детей, принимавших участие в производстве, также уменьшилось. Число женщин от 16 лет сократилось с 1920 до 1930 гг. с 939,9 тыс. до 783,5 тыс., т. е. на 17%. Количество детей, принимавших участие в сельскохозяйственном производстве США, сократилось с 676,4 тыс. до 469,5 тыс., т. е. на

¹ Statistik des Deutschen Reich, Bd. 412, II, S. 85.

² Wirtschaft und Statistik, 1934, № 119, S. 632.

31%. Даже число мужчин уменьшилось с 9,6 млн. до 9,2 млн., т. е. на 4%. Таким образом, в США, несмотря на рост валовой продукции сельского хозяйства в послевоенный период, происходило сокращение численности рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, особенно женской и детской. Это объясняется механизацией производства. В Германии же рост валовой продукции шел за счет более широкого вовлечения женского и детского труда. В этом — одно из различий между развитием сельского хозяйства Америки и Германии, между прусским и американским путями в послевоенные годы.

Динамика роста производительности труда в сельском хозяйстве Швеции

Один из шведских исследователей, Нанессон, исчислил динамику производительности труда в сельском хозяйстве Швеции за 10 лет. «С 1920 по 1930 гг., — пишет автор, — число самодельных, занятых в земледелии и животноводстве, уменьшилось на 27 000, или на 2,8%. В период между пятилетиями 1921—1925 и 1931—1935 общий сбор сельскохозяйственной продукции повысился на 1 076 млн. единиц урожайности, или почти на 14%. В описываемый период, таким образом, существенно повысился объем продукции на каждого работника»¹. Это означает рост производительности труда за 10 лет на 16%.

* * *

Анализ динамики производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран дает возможность сделать следующие основные выводы:

1. Темп роста производительности труда в СССР за две пятилетки был более высоким, чем в любой стране. Среднегодовые темпы роста производительности труда в СССР за обе пятилетки составляли 8—10%. В дореволюционной России с 1900 по 1913 гг. они равнялись 1,1% в год, в США с 1920 по 1930 гг. — по 2,1%, в Германии с 1925 по 1933 гг. — по 0,7%, в Англии с 1925 по 1931 гг. — по 1,8%, в Швеции с 1925 по 1935 гг. — по 1,6%. Таким образом, темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР по меньшей мере в 7—9 раз выше, чем в дореволюционной России, в 5 раз выше, чем в США, в 10 раз — чем в Германии, в 5 раз — чем в Англии и чем в Швеции.

2. В отношении капиталистических стран можно установить следующие 4 основных типа роста производительности труда:

Первый тип — когда растет валовая продукция и сокращается численность рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве (США, Швеция).

Второй тип — когда растет валовая продукция и численность рабочей силы, но последняя увеличивается медленнее, чем первая (Германия и дореволюционная Россия).

Третий тип — когда валовая продукция стабильна и производительность повышается только благодаря сокращению численности рабочей силы (Англия).

Четвертый тип — когда сокращается валовая продукция сельского хозяйства и численность рабочей силы. Вследствие более быстрого сокращения численности рабочей силы возрастает масса продукции на одного работника (Шотландия).

¹ «Jahrbucks Hogsscolans Annaler», 1938, vol. V. Nanesson, «Der Verbrauch von menschlichen Arbeitskraft in einigen mittelschwedischen Landwirtschaftlichen Grossbetrieben in den Jahren 1924—1935».

3. В середине XIX столетия Маркс на примере Англии установил общую закономерность: в сельском хозяйстве численность рабочей силы сокращается не только относительно, но и абсолютно. Это остается правильным и по настоящее время для стран относительно свободного развития капитализма в сельском хозяйстве (например, Англия и США). Однако закон абсолютного сокращения численности рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, вступает в силу лишь в период окончания процесса колонизации и заселения. В США вплоть до 1910 г. численность рабочей силы возрастала, как возрастает она в настоящее время в Австралии, Аргентине, Канаде.

В странах, где в сельском хозяйстве господствуют феодально-крепостнические остатки, при относительном уменьшении удельного веса численности лиц, занятых в сельском хозяйстве, по отношению ко всему населению, абсолютное количество их возрастает за счет вовлечения в сельскохозяйственное производство женщин и детей. Наглядной иллюстрацией могут служить данные об изменении численности рабочей силы в сельском хозяйстве Германии и дореволюционной России.

Несмотря на то, что за последние 10 лет производительность труда в сельском хозяйстве СССР возрастала во много раз быстрее, чем по капиталистическим странам, она еще не перекрыла нашего отставания от передовых капиталистических стран. Степень этого отставания нашего сельского хозяйства будет рассмотрена в следующей статье.

Б. БАБЫНИН

КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Трудовые ресурсы колхозов и их использование

Существенной частью общего баланса труда является баланс трудовых ресурсов колхозов. Как план рационального распределения и использования этих ресурсов баланс имеет огромное значение для укрепления и организации всего колхозного хозяйства. Чрезвычайно важную роль играет баланс и в организованном наборе рабочих в промышленность, строительство и другие отрасли.

Товарищ Сталин в своем историческом выступлении на совещании хозяйственников в 1931 г. раскрыл содержание идеи баланса труда и вместе с тем указал, что необходимо перейти от «политики» самооттока к политике организованного набора рабочих для промышленности. Однако практика организованного набора рабочих до сих пор страдает многими недостатками; с этим связано невыполнение плана по численности рабочей силы в ряде важнейших отраслей промышленности и на некоторых стройках. Баланс трудовых ресурсов колхозов, характеризуя условия использования труда в колхозах, должен помочь улучшению этой практики.

Большое значение имеет этот баланс и для планирования переселения из малоземельных районов Союза в многоземельные. Он должен помочь определить мероприятия по привлечению переселенцев на новые места жительства и обеспечению им должных жилищных и бытовых условий. Это тем более важно, что необходимость переселения диктуется задачей хозяйственного освоения ряда районов и нередко задачей укрепления обороноспособности страны. Надо вообще отметить большое значение баланса труда для укрепления обороноспособности страны как с точки зрения обеспечения соответственной рабочей силой предприятий оборонного значения, так и своевременной замены привлекаемых в армию подготовленными работниками и работницами.

* * *

В 1938 г. в колхозах было объединено 18,8 млн. 800 тыс. крестьянских хозяйств — свыше 93% всех крестьянских дворов. У единоличников осталось всего лишь 0,7% всей посевной площади зерновых. Завершена в основном реконструкция сельского хозяйства на базе передовой техники. Механизированная обработка стала в полеводстве преобладающей. «Три четверти всей пашни колхозов обрабатывается тракторами МТС. Более чем половина колхозных посевов засеивается тракторными сеялками и убирается комбайнами»¹.

В течение первой пятилетки (с 1928 по 1932 г.) посевная площадь в СССР возросла с 113 до 134 млн. га — на 19% — при увеличении удельного веса трудоемких технических культур. В 1928 г. на одного трудоспособного в крестьянских хозяйствах приходилось 1,63 га по-

¹ Андреев, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 16.

сева. В колхозных хозяйствах в 1933 г. на одного трудоспособного приходилось уже 2,22 га, т. е. на 36% больше¹.

Насколько увеличилась производительность труда в связи с «простым сложением орудий производства», можно до известной степени судить по данным о затратах труда в человеко-днях на 1 га посева² (табл. 1).

Таблица 1

В крестьянских хозяйствах (по бюджетным обследованиям 1922—1924 гг.)	В колхозах с конной тягой (по материалам обследования за 1933 г.)	В колхозах (в % к крестьянским хозяйствам)
20,3	15,7	77,3

По всем колхозам, где было проведено в 1933 г. обследование производительности труда (включая и колхозы с механической тягой), затраты труда на 1 га посева составили 12,3 человеко-дня, т. е. почти на 40% меньше, чем в крестьянских хозяйствах в 1922—1924 гг.

Рост механизации сельского хозяйства за первую пятилетку может быть проиллюстрирован следующими цифрами: в 1928 г. удельный вес механической тяговой силы в сельском хозяйстве составлял 4,0%, а в 1932 г.—22,2%³.

В связи с усиленной механизацией земледелия, возникновением и развитием стахановского движения и общим улучшением организации труда во второй пятилетке значительно возросла производительность труда. Валовая продукция сельского хозяйства увеличилась на 53,9%—с 13 071,8 млн. до 20 123,0 млн. руб. (в ценах 1926/27 г.), а валовая продукция земледелия—на 54,1%, с 9 779,2 млн. до 15 069,5 млн. руб.

Сельскохозяйственное население в возрасте 16—59 лет за вторую пятилетку несколько сократилось. Это объясняется, с одной стороны, высоким процентом рабочего возраста среди населения, перешедшего из села в город, и, с другой стороны, тем, что пополнение численности рабочего возраста 16-летней молодежью было во вторую пятилетку относительно невелико, так как период с 1917 до 1921 г. характерен низкой рождаемостью и высокой смертностью.

В связи с ростом валовой продукции и сокращением трудоспособного населения выработка в сельском хозяйстве, приходящаяся на одного трудоспособного, с 1932 до 1937 г. резко увеличилась.

Интересно сопоставить затраты труда на 1 га посева в 1933 и в 1937 гг. По данным обследований ЦУНХУ, проведенных в 1933 и 1937 гг. в ряде областей Союза, колхозники затрачивали на 1 га посева зерновых: в 1933 г.—12,30 трудодня, а в 1937 г.—10,55 трудодня. Таким образом, за эти годы затраты труда на 1 га сократились на 14,2%.

Чтобы судить о том, какую экономию труда получило колхозное хозяйство в связи с механизацией, сравним исчисленные ЦУНХУ для 1937 г. затраты труда на полеводство при конноручных и при механизированных работах. В 1937 г. общие затраты труда на механизированных работах в колхозном полеводстве составили 220,8 млн. человеко-дней. Если бы эти работы выполнялись конно-ручным способом, то понадобилось бы 1 070,6 млн. человеко-дней. Экономия труда составила, таким образом, 849,8 млн. человеко-дней, или 79,4%.

¹ «О производительности труда в колхозах», изд. ЦУНХУ Госплана СССР, 1935, стр. 8.

² Там же, стр. 10.

³ «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», Госпланздат, 1939, стр. 21.

Иначе говоря, фактически затрачено было лишь 20,6% времени, которое потребовалось бы на те же работы при конно-ручном способе. В 1937 г. на одного колхозника в рабочем возрасте, принимавшего участие в колхозных работах, приходилось 164 рабочих дня. Это значит, что при отсутствии механизации колхозам понадобилось бы лишних 5 182 тыс. колхозников.

Ярким показателем роста производительности труда колхозников является увеличение количества выработанных трудодней, приходящихся на один обработанный человеко-день. Бюджетные обследования колхозных хозяйств, проведенные ЦУНХУ Госплана СССР, показывают, что за 1933—1937 гг. по 9 областям Союза на 1 обработанный человеко-день приходилось трудодней:

1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
0,95	1,01	1,06	1,15	1,25

Таким образом, за 4 года этот показатель увеличился почти на 32%.

По данным о механизации сельского хозяйства с I/X 1928 по конец 1933 г. тракторный парк в сельском хозяйстве СССР возрос с 26,7 тыс. шт. до 210,9 тыс. шт.; мощность этого парка возросла с 278,1 тыс. л. с. до 3 209,2 тыс. л. с. Это — сила, «вдвое превышающая то количество тракторов, о котором говорил в свое время Ленин как о далекой перспективе»¹. Парк комбайнов увеличился: по МТС — с 7 шт. в 1930 г. до 10,4 тыс. шт. в 1933 г. и по совхозам с 0,04 тыс. шт. в 1929 г. до 15,0 тыс. шт. в 1933 г. Резко возросло также количество других сельскохозяйственных машин.

Что происходило за первую пятилетку с рабочей силой? К 1929 г. общее население Союза увеличилось примерно до 151 млн. против 147,0 млн. в 1926 г. (на дату переписи), городское население возросло с 26,3 млн. до 31 млн., а сельское население, составлявшее в 1926 г. 120,7 млн., несколько уменьшилось. В результате сократились трудовые ресурсы крестьянского населения. В период первой пятилетки наблюдалось дальнейшее, еще более значительное сокращение этих ресурсов. В то же время механический прирост городского населения достиг очень значительной величины.

Таким образом, в первую пятилетку при большом росте основных фондов сельского хозяйства, расширении посевных площадей и увеличении продукции происходило уменьшение занятой в земледелии рабочей силы. Посевные площади по всем культурам с 1929 до 1933 г. возросли на 9,9% — с 118,0 млн. га до 129,7 млн. га, причем особенно значителен был рост трудоемких технических культур. Валовая продукция зерновых увеличилась с 717,4 млн. ц в 1929 г. до 898,0 млн. ц в 1933 г.²

Во вторую пятилетку происходил дальнейший рост основных фондов сельского хозяйства, посевных площадей и валовой продукции зерновых культур. Тракторный парк в сельском хозяйстве СССР увеличился с 210,9 тыс. шт. в 1933 г. до 483,5 тыс. шт. в 1938 г., или на 129,3%. Мощность тракторного парка возросла с 3 209,2 тыс. л. с. до 9 256,2 тыс. л. с., или на 188,4%. Парк комбайнов возрос с 25,4 тыс. шт. в конце 1933 г. до 153,8 тыс. шт. в конце 1938 г., или на 505,5%. Посевные площади увеличились со 129,7 млн. га в 1933 г. до 135,3 млн. га в 1937 г., а валовая продукция зерновых с 898,0 млн. ц

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 451.

² Там же, стр. 446—447.

до 1 202,9 млн. ц. Численность сельского населения продолжала во вторую пятилетку сокращаться.

Пользуясь данными ЦУНХУ (по материалам обследования производительности труда в колхозах, проведенного в 1937 г.), можно определить общую экономию в затратах труда на земледелие за время с 1933 до 1938 г. По этим данным, в 1937 г. было выработано 213 млн. га мягкой пахоты, из них 139,1 млн. га приходилось на 403,1 тыс. тракторов стандартного типа, составлявших прирост тракторного парка за вторую пятилетку. Экономия затрат труда на 1 га мягкой пахоты, получаемая при замене конно-ручных работ тракторными, составляла 2,6 человеко-дня. Таким образом, 403,1 тыс. тракторов, выработавших 139,1 млн. га мягкой пахоты, дали экономию в 361,7 млн. человеко-дней, или 1 292 тыс. человеко-лет.

Число комбайнов от начала 1933 до начала 1938 г. возросло на 114,3 тыс. штук. При норме выработки на один комбайн в 300 га, на это дополнительное количество комбайнов пришлось около 34,3 млн. га. Экономия труда при комбайнизации, составляла в 1937 г. около 10 человеко-дней на 1 га. Следовательно, общая экономия затрат труда на работах, выполненных комбайнами, составила 343 млн. человеко-дней, или 1225 тыс. человеко-лет, а вместе с тракторными работами 2 517 тыс. человеко-лет. При этом расчете мы исходили из 280 дней возможной работы в году. Если же исходить из 164 дней фактической работы колхозников в 1937 г., то экономия составит 4 297 тыс. человеко-лет.

Объем работ по сельскому хозяйству увеличится за третью пятилетку примерно на 17% по сравнению с 1937 г. Вместе с дополнительными затратами труда, связанными с поднятием урожайности в 1942 г. до 8 млрд. пудов, объем работ возрастет примерно на 20%. Если же учесть экономию затрат труда, которая будет получена благодаря росту механизации, и дополнительные затраты труда на агротехнику, увеличение объема работ по всему колхозному сельскому хозяйству составит за третью пятилетку не свыше 15%.

В связи с дальнейшим улучшением организации труда, уплотнением рабочего дня, повышением квалификации работников и развитием стахановского движения в третьей пятилетке значительно возрастет производительность труда. Если количество трудодней, приходящихся на один день работы, увеличится за третью пятилетку примерно на 35%, потребность колхозов в рабочей силе сократится приблизительно на 15%. А это означает, что в третью пятилетку должна будет уменьшиться численность населения, обязательно связанного с сельским хозяйством. Однако необходимо учесть следующее. В третью пятилетку в колхозном хозяйстве должны получить значительное развитие строительство, предприятия и мастерские, культурно-бытовое обслуживание, что увеличит количество занятого сельского населения.

При социализме сокращение потребности сельского хозяйства в рабочей силе сочетается с повышением уровня жизни колхозных масс. Это нашло свое отражение в докладе товарища Сталина на XVIII съезде партии: «Теперь уже речь идет не о том, чтобы пристроить как-нибудь в промышленности и взять из милости на работу безработных и бездомных крестьян, отбившихся от деревни и живущих под страхом голода. Таких крестьян давно уже нет в нашей стране. И это, конечно, хорошо, ибо оно свидетельствует о зажиточности нашей деревни. Теперь речь может идти лишь о том, чтобы предложить колхозам уважить нашу просьбу и отпустить, нам для

растущей промышленности ежегодно хотя бы около полтора миллиона молодых колхозников»¹.

* * *

На основе данных годовых отчетов колхозов за 1935 и 1937 гг. и данных бюджетных обследований можно сделать балансовый расчет использования трудовых ресурсов колхозов за эти годы (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Годы	Численность наличного трудоспособного колхозного населения в возрасте 16—59 лет (в тыс. человек) ²	Потребность в рабочей силе для колхозного и подсобного хозяйства (в тыс. человеко-лет) ³	Неиспользованная в колхозном и подсобном хозяйстве рабочая сила (в тыс. человеко-лет)
1935 . .	36 800	27 210	9 590
1937 . .	34 700	26 677	8 023

За два года, по расчетам на одинаковый круг колхозных хозяйств, взятый на 1/1 1938 г., численность наличного трудоспособного населения сократилась. Потребность в рабочей силе для колхозного хозяйства также сократилась, но в меньшей степени. В результате уменьшился на 16,4% неиспользованный в колхозном и подсобном хозяйстве колхозников остаток рабочей силы. Это — затраты труда на учебу, обслуживание семьи, работу на соседних предприятиях и значительные резервы рабочей силы для удовлетворения потребностей народного хозяйства.

В 1937 г. из 34 700 тыс. человек колхозного трудоспособного населения в возрасте 16—59 лет мужчины составляли 15 532 тыс. (44,76%), а женщины — 19 168 тыс. (55,24%). Из отработанного в 1937 г. в колхозе времени 60,18% приходится на мужчин и 39,82% — на женщин. Исходя из этого соотношения, можно определить фактическую потребность колхозного хозяйства в 1937 г. в мужском и женском труде: мужского труда потребовалось 12 062 тыс. человеко-лет и женского — 7 981 тыс. человеко-лет. Остаток неиспользованной в колхозном хозяйстве мужской рабочей силы составляет 3 470 тыс. человеко-лет и женской — 11 187 тыс. человеко-лет. Такая большая разница между резервами мужской и женской рабочей силы объясняется тем, что женский труд в значительно большей мере применяется в личном хозяйстве колхозников. Так, по бюджетным данным, мужчины затрачивали на подсобное хозяйство в 1937 г. 9,81%, а женщины — 69,65% времени (в часах), затрачиваемого ими на колхозное хозяйство. Из общих затрат труда на подсобное хозяйство (имеются в виду все работники в возрасте от 16 до 59 лет) на долю мужчин приходилось 18,4% (1 221 тыс. человеко-лет) и на долю женщин — 81,6% (5 413 тыс. человеко-лет). Если учесть эти затраты труда на подсобное хозяйство, то получится, что остаток неиспользованной в колхозах мужской рабочей силы составляет 2 249 тыс. человеко-лет и женской — 5 774 тыс. человеко-лет.

По данным бюджета времени колхозников за январь — сентябрь 1936 г., на производственный труд (в среднем в сутки на одно обследованное лицо) мужчины затрачивали 8 час. 7 мин., а женщины — всего 5 час. 51 мин. Но если присоединить сюда еще прочие трудо-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 586.

² Данные годовых отчетов колхозов за 1937 г. о численности наличного трудоспособного колхозного населения, возможно, несколько преуменьшены.

³ Выделены по соотношению бюджетных данных затраты труда, приходящиеся только на взрослых от 16 до 59 лет. Перевод человеко-дней в человеко-годы сделан, исходя из 280 возможных дней работы в году.

вые затраты, то получится, что мужчины работали 9 час. 58 мин. в сутки, а женщины — 11 час. 34 мин. Основную часть этих «прочих трудовых затрат» составляет у женщин обслуживание семьи. Это говорит о том, что трудовой день колхозниц не вполне нормален по своей структуре. Обращает на себя внимание то, что женщины уделяли совершенно незначительное время учебе и самообразованию (мужчины затрачивали на учебу втрое больше времени). Это показывает, что необходимо повышать политический и культурный уровень колхозниц, этой, по выражению товарища Сталина, большой силы, и еще шире разворачивать социально-культурное строительство. Устройство широкой сети яслей, детских садов, площадок, организация общественного питания, общественных прачечных и пр. освобождает колхозницу от чрезмерной загрузки домашним хозяйством.

Использование труда мужчин и женщин в колхозах по отдельным периодам года наглядно характеризуется данными бюджетных обследований за 1936 г. по ряду республик, краев и областей СССР.

Прежде всего важно выяснить, какой процент наличного колхозного населения принимает участие в колхозных работах. Ответ на этот вопрос дает таблица 3.

Таблица 3

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Мужчин 16—59 л.	67,8	69,0	74,2	76,3	77,2	79,5	80,5	79,0	75,2	73,1	68,7	66,4
Женщин 16—59 л.	30,8	30,4	39,3	52,3	67,2	72,0	75,0	69,2	64,5	64,1	49,7	36,1

В этой таблице обращает на себя внимание прежде всего резкая разница между числом занятых в колхозном производстве мужчин и женщин. В некоторые месяцы процент занятых женщин примерно вдвое меньше процента мужчин, и лишь в июле разница между ними становится сравнительно небольшой (5,5%). Но и те колхозники и колхозницы, которые принимают участие в колхозных работах, заняты в среднем далеко не полный рабочий месяц; число дней работы в колхозе на одного работающего показано в таблице 4.

Таблица 4

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Мужчин 16—59 л.	20,35	19,62	21,43	21,83	24,45	23,07	25,64	24,64	23,21	22,73	20,40	21,29
Женщин 16—59 л.	12,08	11,58	12,34	11,81	16,43	18,57	21,06	18,37	16,11	15,79	12,17	13,63

Как мы видим, только в июле число рабочих дней (и то лишь у мужчин) приближается к нормальному. В остальное время года колхозный средний рабочий месяц значительно отставал от нормального рабочего месяца. Даже в наиболее напряженный месяц — июль — 8% колхозников и 17% колхозниц работали меньше 10 дней. В январе меньше 10 дней работало 27% колхозников и 60% колхозниц.

Возникает вопрос — каковы фактические резервы трудовых ресурсов в отдельные месяцы года (в физических лицах).

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим прежде всего, чем заняты были колхозники, не участвовавшие вовсе в колхозных работах. Часть из них работала в МТС и по найму. Колхозников, занятых в МТС и по найму, в 1936 г. насчитывалось 14%, колхозниц — 3,3%. Не работавших ни в колхозах ни в МТС и по найму даже в июле насчитывалось 7% мужчин и 22% женщин.

Имеется еще одна группа, это — совместители. По данным обследования в июле 1936 г. насчитывалось 6% колхозников-совместителей, а между тем колхозников, работавших в этом месяце менее 20 дней, было 20,4%, причем до 10 дней работали 8,2%. Будем считать, что совместительство имели исключительно колхозники последней группы как наименее связанные с колхозным хозяйством. Все же и тогда оставалось свыше 2% колхозников, труд которых мог быть легко компенсирован работой колхозников, занятых от 11 до 20 дней. Освобожденные таким образом 2% колхозников могли пополнить собой мобильный контингент трудовых ресурсов колхозов. Некоторый процент наличного резерва, кроме того, можно было бы выделить и из группы работавших в колхозе от 11 до 20 дней.

По нашим расчетам, запасы наличного трудоспособного мужского населения колхозов СССР в июле 1937 г. составляли около 15,5 млн. человек. Если учесть, что в июле 1936 г. 7% наличных колхозников не работали ни в колхозах, ни в МТС и по найму, то получится, что свыше 1 млн. мужчин были мобильным резервом в наиболее напряженный период сельскохозяйственных работ.

Аналогичный расчет на декабрь показывает, что в этом месяце около 4 млн. колхозников в рабочем возрасте могли бы быть использованы на работах вне колхоза.

Нами было подсчитано, что в 1942 г. объем работ по сельскому хозяйству увеличится по сравнению с 1937 г. на 17%. Общий темп роста затрат труда в трудоднях по всему колхозному хозяйству достигнет 35%. Тракторные работы МТС (без молотбы, в переводе на мягкую пахоту) обслужат в 1942 г. 330 млн. га против 203 млн. га в 1937 г., т. е. прирост составит 127 млн. га. Если исходить из того, что экономия труда на 1 га мягкой пахоты при замене конно-ручных работ тракторными составляет 2,6 человеко-дня, то получим общую экономию затрат труда за счет расширения тракторных работ в 330 млн. человеко-дней.

Число комбайнов в МТС возрастет в 1942 г. до 222 тыс. Исходя из данных 1937 г., общая экономия затрат труда по комбайнам может быть определена в 351 млн. человеко-дней. Таким образом, вся экономия затрат труда, связанная с механизацией, выразится в цифре 681 млн. человеко-дней. Эта цифра будет еще значительнее при дальнейшем улучшении использования тракторов и комбайнов в третьей пятилетке.

Экономия труда, связанная с расширением механизации, должна перекрыть дополнительные затраты труда, которые будут вызваны изменением агротехники. Поэтому в целом затраты труда в колхозном хозяйстве (в трудоднях) возрастут примерно на 30%.

В третьей пятилетке в связи с лучшей организацией труда, уплотнением рабочего дня, повышением квалификации работников и развитием стахановского движения будет иметь место значительный рост производительности труда. С 1933 по 1937 г. количество выработанных трудодней, приходящееся на один день работы, увеличилось почти на 32%, причем за последние два года рост этого показателя был значительнее, чем за первые. Допуская, что за третью пятилетку этот показатель увеличится на 35% по отношению к величине

не, достигнутой в 1937 г., можно определить потребность в рабочей силе для колхозного хозяйства на 1942 г. в человеко-днях. Общее количество трудодней должно возрасти на 30%, а расход человеко-дней должен сократиться в соответствии с изменением соотношения между трудоднем и человеко-днем. Таким образом, индекс изменения потребности в рабочей силе для колхозного хозяйства в 1942 г. по сравнению с 1937 г. будет следующим: $\frac{130}{135} = 0,963$, т. е. уменьшение затрат труда на колхозное хозяйство составит 3,7%.

На XVIII съезде партии т. Молотов с исчерпывающей ясностью указал: «Нужно ликвидировать нарушения Устава сельскохозяйственной артели, ввести в норму приусадебные земли и индивидуальный скот колхозников, поставить на первое место заботу о колхозной собственности, об укреплении колхоза. Тогда будет правильно развиваться и подсобное хозяйство колхозников. В этом путь к дальнейшему подъему сельского хозяйства, к изобилию продуктов в нашей стране, к зажиточной и культурной жизни всех колхозников»¹.

Удельный вес подсобного хозяйства колхозников составляет в настоящее время значительную величину. По статистическим данным², колхозники получают от личного хозяйства 21,5% всей валовой продукции сельского хозяйства и 34,2% валовой продукции сельского хозяйства. С точки зрения баланса труда существенно то, что затраты времени (в часах) на приусадебное хозяйство составляли у колхозников в 1937 г. около 9,8% их затрат времени на колхозное хозяйство, а у колхозниц — 69,7%, причем колхозницы затрачивали на подсобное хозяйство примерно в четыре раза больше времени, чем колхозники. Все это показывает, что при оценке мобильности резервов неиспользованной в колхозном хозяйстве рабочей силы необходимо учитывать затраты труда на личное хозяйство колхозников и что мобильность резервов женского труда значительно меньше, чем труда мужского.

В третью пятилетку дополнительная потребность в рабочих и служащих составит около 7 900 тыс. человек. Эта потребность будет покрываться за счет выпусков вузов, техникумов, ФЗУ, которые дадут 3 700 тыс. человек, за счет вовлекаемых в производство городских домашних хозяек и прочих городских источников (800 тыс. человек).

За счет села необходимо будет покрыть потребность в рабочей силе в количестве 3 400 тыс. человек. Кроме того, село должно частично пополнить состав учащихся школ системы подготовки кадров и удовлетворять потребности городов в кооперированных кустарях. Всего города должны получить из села в течение третьей пятилетки около 3 500 тыс. человек, из них около 3 200 тыс. должны дать колхозы.

Численность трудоспособного колхозного населения в возрасте 16—59 лет увеличится примерно на 1,5 млн. человек, достигнув к концу третьей пятилетки 36,2 млн. человек. Использование трудовых ресурсов в колхозах в третьей пятилетке показывает таблица 5 (стр. 74).

К концу третьей пятилетки резерв неиспользованной в колхозном хозяйстве и в подсобном хозяйстве колхозников рабочей силы должен увеличиться с 8 023 тыс. до 10 597 тыс. человеко-лет. Следует иметь в виду, что поскольку нами взято лишь наличное трудоспособ-

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 28.

² См. «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», Госпланиздат, 1939, стр. 87.

Таблица 5

Годы	Численность наличного трудоспособного населения в возрасте 16—59 лет (в тыс. человек)	Потребность в рабочей силе для колхозного хозяйства и подсобного хозяйства колхозников (в тыс. человеко-лет)	Потребность в рабочей силе для обслуживания соседних предприятий (в тыс. человеко-лет)	Занятые на учебе в VIII—X классах школ (в тыс. чел.)	Неиспользованная в колхозном хозяйстве и подсобном хозяйстве колхозников, на соседних предприятиях и на учебе наличная колхозная рабочая сила (в тыс. человеко-лет)
1937 . .	34 700	26 677	2 300	373	5 350
1942 . .	36 200	25 603	2 783	1 804	6 010
1942 в % к 1937	104,3	96,0	121,0	483,6	112,3

ное колхозное население (т. е. исключены колхозники, переселившиеся в города и временно отсутствующие на работе), здесь уже в основном учтено покрытие потребности народного хозяйства в рабочей силе за счет колхозов.

Наличие избытков рабочей силы в колхозах создает возможность, наряду с обеспечением организованного набора рабочей силы для народного хозяйства и разрешением задач переселения, активизировать трудовые ресурсы колхозов на еще большее развитие овощеводства и закладку садов, на строительство дорог, расширение кустарных промыслов, культурно-бытовое обслуживание и т. д.

При неуклонном улучшении условий труда и повышении доходности колхозного хозяйства обеспечение промышленности рабочей силой предполагает рост механизации трудоемких процессов, упорядочение организованного набора рабочей силы, улучшение культурно-бытового обслуживания рабочих, а также воспитание у них коммунистического отношения к труду.

Пути повышения доходности общественного животноводства в колхозах

На совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с руководителями партии и правительства товарищ Сталин говорил: «...продовольствие людей не ограничивается одним лишь хлебом. Им нужно еще мясо, жиры. Рост городов, рост технических культур, общий рост народонаселения, зажиточная жизнь,— все это ведет к росту потребности в мясе, в жирах. Необходимо, стало-быть, иметь хорошо поставленное животноводство с большим количеством скота, мелкого и крупного, для того, чтобы иметь возможность удовлетворить растущие потребности населения в мясных продуктах»¹. Колхозные животноводческие фермы наряду с животноводческими совхозами являются основной базой подъема животноводства СССР.

В 1930 г. по инициативе партии и правительства началась массовая организация животноводческих товарных ферм в колхозах. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. «О развертывании социалистического животноводства» было указано: «...в лице колхозных товарных ферм и инкубаторных птицеводных станций найдена форма создания обобществленного животноводства и птицеводства, наиболее соответствующая нынешней артельной стадии развития колхозного хозяйства и наряду с совхозами наиболее быстро решающая задачу создания крупного товарного животноводства»². За годы первой пятилетки в колхозах была создана большая сеть животноводческих ферм. В начале 1932 г. по СССР насчитывалось уже свыше 60 тыс. таких ферм.

Июньский пленум ЦК ВКП(б) 1934 г. поставил задачу добиться организации животноводческих ферм в каждом колхозе. После этого решения развитие ферм пошло еще более быстрыми темпами. В начале 1934 г. только 44% колхозов имели животноводческие фермы, а в начале 1939 г. их имели уже 92% всех колхозов. Общее число ферм выросло за этот период с 136,1 тыс. до 406,3 тыс.

По видам скота колхозные фермы распределяются следующим образом: молочных — 147,4 тыс., свиноводческих — 86,7 тыс., овцеводческих — 91,1 тыс., коневодческих — 31,1 тыс., смешанных — 50 тыс. поголовье крупного рогатого скота на фермах выросло с 1933 по 1938 г. на 128%, поголовье овец и коз — на 286%, свиней — на 165%. На конец 1938 г. в колхозных фермах было 12,9 млн. голов крупного рогатого скота, 6,6 млн. свиней, 27,2 млн. овец и коз. Колхозы имеют больше скота, чем такие крупнейшие капиталистические страны Западной Европы, как Франция, Италия, Великобритания. Проведена большая работа по улучшению породы обобществленного скота и повышению его продуктивности. В 1938 г. 90% коров и

¹ Совещание передовых комбайнеров и комбайнерок СССР с членами ЦК ВКП(б) и правительства, Партиздат, 1935, стр. 119.

² Важнейшие решения по сельскому хозяйству, Сельхозгиз, 1935, стр. 341.

телок, 99% свиноматок и 86% овец было покрыто племенными производителями.

В результате огромной помощи партии и правительства ликвидирована бескоровность колхозников и значительно выросло количество всех видов скота, находящегося в их личном пользовании.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 г. «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» отмечены крупные успехи колхозов в развитии общественного животноводства, но вместе с тем указано, что еще имеются огромные неиспользованные возможности в этой области. Часть колхозов совсем не имеет ферм, а многие обзавелись лишь мельчайшими фермами. В ряде районов нашли проявление частнособственнические тенденции отсталых колхозников, которые обзаводились скотом сверх норм, установленных уставом сельскохозяйственной артели. Подобного рода практика наносит ущерб развитию обобщественного животноводства колхозов, являющегося основой подъема животноводства СССР. Только крупное обобщественное животноводческое хозяйство может обеспечить высокую продуктивность скота и высокую товарность продукции путем улучшения породы, содержания скота в хороших помещениях, правильного кормления и ухода. В постановлении от 8 июля 1939 г. партия и правительство дали целостную программу дальнейшего развития и укрепления общественного животноводства в колхозах.

* * *

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов является основой дальнейшего подъема сельского хозяйства и роста зажиточности колхозников. «В колхозном строительстве задачи заключаются в дальнейшем всемерном организационно-хозяйственном укреплении сельскохозяйственной артели, в развитии и укреплении общественной собственности колхозов, в развитии колхозных животноводческих ферм, общественных построек, общественных страховых фондов и других видов колхозной собственности, что является основой дальнейшего подъема сельского хозяйства и материально-культурного уровня жизни колхозного крестьянства¹. Рост обобщественного животноводства — один из основных путей развития общественной собственности в колхозах. Увеличивается количество скота на фермах и стоимость его в связи с повышением продуктивности, расширяется строительство помещений для скота, растут фуражные фонды; колхозы обзаводятся двигателями и машинами, обслуживающими животноводство.

Развитие животноводческих ферм оказывает огромное влияние на увеличение колхозных доходов. Для иллюстрации приведем следующую таблицу (см. табл. 1, составленную по данным годовых отчетов колхозов Шадринского района, Челябинской обл., за 1938 г.).

С увеличением процента трудодней, затраченных в животноводстве, возрастает удельный вес денежного дохода от этой отрасли хозяйства. В колхозах с наиболее развитым животноводством сбор зерновых с гектара на центнер с лишним выше, чем в колхозах, где оно развито слабо. Мы видим, таким образом, что повышение урожайности зерновых тесно связано с развитием животноводства, которое позволяет вносить в почву больше естественных удобрений. Валовой доход на одного трудоспособного в пятой группе колхозов почти в два раза больше, чем в первой. Это свиде-

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 35.

Таблица 1

Группы колхозов по проценту трудоней, затраченных в животноводстве ¹	Число колхозов в группе	Процент денежного дохода от животноводства ко всему денежному доходу колхоза	Урожайность зерновых (в ц с 1 га)
1. До 10	28	15,3	10,3
2. 10,1—15	20	28,3	11,4
3. 15,1—20	28	38,4	11,7
4. 20,1—25	15	40,7	12,0
5. Свыше 25	12	66,9	12,0
В среднем	—	38,7	11,6

тельствуется об огромном влиянии обобществленного животноводства на рост производительности труда в колхозах.

Развитие животноводческих колхозных ферм позволяет наиболее полно использовать отходы полеводства (солома, мякина) и естественные кормовые угодья (пастбища и сенокосы). Перерабатывая отходы полеводства и другие корма в более ценные продукты (мясо, масло и т. д.), фермы оказывают огромное влияние на рост валовой продукции сельского хозяйства.

Общественное животноводство отличается высокой товарностью. В 1937 г. в колхозах СССР товарность составляла: по молоку — 67% валовой продукции (против 15% в 1927 г. в условиях индивидуального крестьянского хозяйства), по мясу — 80% (против 35), по шерсти — 87%. Высокая товарность развитого обобществленного животноводства — важнейший фактор роста изобилия продуктов в нашей стране и увеличения денежных доходов колхозов.

* * *

Одной из причин, которые мешают росту доходности обобществленного животноводства, является наличие большого количества мельчайших ферм. На 1 января 1939 г. из общего числа колхозов СССР 15% не имели коров, 34% имели меньше 10 коров, 29% — 10—25 коров и лишь 22% — больше 25 коров. Со свиноводческими фермами положение таково: не имели свиней на 1 января 1939 г. 44% колхозов, имели овиней без маток — 6%, насчитывали 1—4 свиноматки — 15%, 5—9 — 12%, 10—19 — 13%, 20 и более свиноматок — 10%. Наконец, по размерам поголовья овец колхозы СССР распределяются таким образом: не имеют овец 20%, имеют 1—19 овец — 33%, 20—39 овец — 12%, от 40 до 300 — 28% и свыше 300 — 8%.

Приведенные цифры показывают, что колхозы обеспечены скотом крайне неравномерно. Существующее положение приводит к тому, что большая часть колхозов, имеющих карликовые фермы, не использует полностью наличных кормовых ресурсов. Об этом говорит хотя бы следующая таблица (см. табл. 2, составленную по данным годовых отчетов колхозов Шадринского района, 1938 г.).

Молочное скотоводство в Шадринском районе — ведущая отрасль животноводства. Между тем из 93 колхозов района, в которых имеются коровы, 29, т. е. около одной трети, насчитывают на своих

¹ В процентах к общему количеству начисленных трудоней.

² Валовой доход, исчисленный в государственных заготовительных ценах.

Таблица 2

Группы колхозов по размерам МТФ	Число колхозов в группе	На 100 га земли приходится голов		
		крупного рогатого скота	свиней	овец
1. До 5 коров	29	37,9	4,2	3,5
2. 6—20 »	30	83,0	2,6	5,3
3. 21—70 »	22	112,0	4,3	4,5
4. 71 и более	12	134,7	4,3	7,4

фермах не свыше 5 коров. В этой группе колхозов на 100 га земли приходится в 3,5 раза меньше голов крупного рогатого скота, чем в группе с наибольшим поголовьем. Если же учесть, что структура земельных угодий (процент выгонов и сенокосов) и посевных площадей (процент кормовых культур) лишь незначительно отличается по различным группам колхозов, то станет ясно, что хозяйства с мельчайшими фермами далеко не полно используют свои кормовые ресурсы (пастбища, луга, отходы полеводства) и, следовательно, теряют немалые доходы.

В постановлении о мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах СНК СССР и ЦК ВКП(б) установили минимум поголовья для колхозных животноводческих ферм по районам в зависимости от размеров земельной площади. В колхозах имеются большие резервы для развития обобщественного животноводства на основе укрупнения ферм. Это видно хотя бы на примере Шадринского района (см. табл. 3, составленную по материалам годовых отчетов 103 колхозов за 1938 г.).

Таблица 3

Группы колхозов по земельной площади ¹	Установлен. миним. коров	Крупные колхозы по числу коров							Без коров	Итого колхозов
		до 10	11—20	21—40	41—60	61—80	81—100	свыше 100		
501—1 000 га	40	10	2	—	1	1	—	—	2	16
1 001—2 000 »	60	24	13	12	3	1	—	—	2	55
2 001—3 000 »	80	3	1	4	3	3	1	4	1	20
Свыше 3 000 »	100	—	—	1	4	1	1	5	—	12

Всего из 103 колхозов Шадринского района к началу 1939 г. только 13 имели молочные фермы с поголовьем коров не ниже установленного минимума.

Еще хуже положение на овцеводческих фермах. Из всех колхозов района лишь пять имеют установленный для овцеводческих ферм минимум поголовья. Это показывает, как актуальна задача ускоренного развития обобщественного животноводства на колхозных фермах.

Увеличение товарности и доходности обобщественного животноводства колхозов в огромной степени зависит от укрупнения ферм. Вот данные годовых отчетов колхозов того же Шадринского района за 1938 г., подтверждающие это положение (см. табл. 4).

С увеличением поголовья растет денежный доход, получаемый на каждый трудодень, затраченный в животноводстве, повышается до-

¹ В Шадринском районе нет колхозов с земельной площадью до 500 га.

Таблица 4

Группы колхозов по удельному весу трудодней, затраченных в животноводстве	Число колхозов в группе	На 1 колхоз приходится голов			Денежный доход от животноводства на 1 трудодень, затраченный в животноводстве (в руб.)
		коров	свиноматок	овец	
1. До 10%	28	3,6	4,1	42,1	3,06
2. 10,1—15%	20	14,1	7,5	87,8	3,48
3. 15,1—25%	43	26,8	15,0	90,7	3,60
4. Свыше 25%	12	105,1	22,5	183,4	5,02
В среднем	—	27,2	11,3	87,7	3,91

ходность обобщественного животноводства. В 4-й группе колхозов, где объединены самые крупные фермы, в среднем на один трудодень получено денежного дохода в полтора с лишним раза больше, чем в первой группе.

Низкая товарность мельчайших ферм определяется прежде всего особенностями структуры их стада. Так, по данным Наркомзема СССР за 1938 г. в колхозах, имеющих 1—4 свиноматки, удельный вес последних составлял 13,9% всего поголовья, в колхозах с 5—9 свиноматками — 16,8%, в колхозах, где насчитывается 10 и больше свиноматок, — 20,1%. Таким образом, чем крупнее свиноферма, тем выше удельный вес маточного поголовья в стаде. Аналогичное явление наблюдается и на молочно-товарных фермах:

Группы колхозов по числу коров	% коров в стаде
1—4	19,5
5—9	27,1
10—15	30,7
16—25	33,1
26—50	35,7
51 и более	39,1
В среднем	34,8

Здесь мы также видим, что с увеличением размеров молочно-товарных ферм растет и удельный вес коров в стаде.

Чем же объясняется более высокий процент маточного поголовья на крупных фермах? Дело в том, что колхозы, где фермы лишь организуются, для быстрого расширения стада приобретают молодняк и не имеют возможности выбраковывать его на мясо. Колхозы же с крупными фермами могут продавать молодняк на сторону и частично сдавать его на мясо. Разумеется, процент маточного поголовья должен возрастать в пределах, обусловленных требованиями быстрого расширения стада. При этом удельный вес маточного поголовья будет меняться в зависимости от направления животноводства: например, на фермах с мясным направлением процент молодняка в стаде должен быть выше, чем в колхозах с молочным направлением скотоводства. Однако не подлежит сомнению, что в мельчайших фермах удельный вес маточного поголовья слишком низок; укрупнение карликовых ферм создает предпосылки для изменения структуры стада.

Выход продукции вообще и товарной в частности определяется количеством маток, а, следовательно, по числу маток нужно судить о размерах ферм. Вот почему в постановлении СНК СССР и ЦК

ВКП(б) от 8 июля 1939 г. при определении минимума поголовья на фермах взято не общее, а маточное стадо.

Низкая доходность карликовых ферм объясняется не только меньшим выходом товарной продукции. Здесь сказывается также более низкая производительность труда по сравнению с крупными фермами. Работники крупных ферм кооперируются в животноводческие бригады, внутри которых проводится разделение труда. Каждый выполняет определенные функции (дойarki, скотники, телятницы и пр.). Выделяется специальный персонал для хозяйственного обслуживания и подсобных работ. Разделение труда позволяет приобретать опыт, специализироваться в уходе за скотом. Это — весьма важный фактор повышения производительности труда. Всех этих крупных преимуществ (кооперация и разделение труда) лишены карликовые фермы. Кроме того, на производительности труда этих ферм отражается неполная нагрузка работников, занятых уходом за скотом. Например, доярка, которая могла бы обслуживать 12—15 коров, ухаживает лишь за пятью.

Крупные фермы имеют ряд преимуществ и в организационно-хозяйственном отношении. Здесь можно строить типовые улучшенные скотные дворы, в то время как на карликовых скот находится в примитивных и малоприспособленных помещениях. На крупных фермах, как правило, имеется заведующий или бригадир — специальный работник с практическим опытом, нередко прошедший обучение на курсах или в школе. Это обеспечивает правильное руководство. На карликовых же фермах при небольшом поголовье нерационально иметь заведующего или бригадира. Общее наблюдение за скотом осуществляется там кем-нибудь из членов правления по совместительству.

Говоря о необходимости укрупнения мельчайших ферм, мы имеем в виду доведение их поголовья прежде всего до минимума, определенного постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б). Этот минимум, как уже указывалось выше, установлен по отдельным районам, а также внутри районов по колхозам в зависимости от размеров земельной площади. При укрупнении ферм сверх установленного минимума необходимо учитывать кормовые условия. Огульное укрупнение может привести к созданию диспропорции между поголовьем скота и кормовой базой.

Для того чтобы добиться укрупнения колхозных животноводческих ферм в кратчайшее время, необходимо максимально сократить срок создания маточного поголовья и ускорить расширенное воспроизводство стада. Колхозы, вновь организующие у себя фермы, должны покупать молодняк постарше. Самое важное для быстрого роста стада на мелких фермах это — устранение падежа молодняка и интенсивное использование маточного поголовья (ликвидация яловости, двукратные опоросы). Огромную роль в расширении поголовья и укрупнении колхозных животноводческих ферм играет также рост посевов кормовых культур.

Правительство Союза ССР провело ряд мероприятий для укрупнения колхозных ферм. Государственный план развития животноводства устанавливает определенные задания по закупке и контрактации у колхозников молодняка для организации новых ферм и укрупнения существующих мелких ферм. В государственном плане развития животноводства на 1938 г. правительство дало указание земельным органам: «при доведении плана до колхозов руководствоваться необходимостью наиболее быстрого увеличения поголовья в колхозах с мелкими товарными фермами, не допуская повторения практики прошлых лет, когда для колхозов, имевших

большое количество скота, устанавливался такой же процент прироста поголовья, как и для колхозов с незначительным количеством обобщественного скота»¹.

Неправильное планирование, установление заниженных заданий по росту поголовья для колхозов, имеющих мало скота и большие кормовые ресурсы, и повышенных заданий для колхозов, имеющих большое обобщественное стадо, было одним из методов вредительства. Чрезмерно большие задания по увеличению стада для части колхозов создавали затруднения с кормами и приводили к снижению продуктивности скота. Заниженные задания для другой части колхозов вели к неполному использованию их кормовых ресурсов, тормозили рост колхозного животноводства и укрупнение мелких ферм. Ликвидация последствий вредительства в планировании животноводства, дифференцированное планирование роста стада с учетом особенностей каждого колхоза, в частности установление более высоких темпов увеличения стада для колхозов с мелкими фермами,—важнейшее условие для развития колхозного животноводства.

* * *

Одним из основных путей повышения доходности колхозного животноводства является комбинирование различных отраслей. В постановлении от 8 июля 1939 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) указали, что желательно и целесообразно иметь в каждом колхозе 3 животноводческие фермы: одну— крупного рогатого скота, другую— овцеводческую и третью— свиноводческую. Обязательна для каждого колхоза организация не менее двух ферм: крупного рогатого скота и овцеводческой или свиноводческой.

О преимуществах комбинирования животноводческих товарных ферм в колхозах говорят следующие данные годовых отчетов колхозов Шадринского района за 1938 г. (см. табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Группы колхозов по числу ферм ²	Число колхозов	Денежный доход от животноводства на 1 трудодень, затраченный в животноводстве (в руб.)
С 1 фермой	18	3,10
С 2 фермами	32	3,40
С 3 фермами	38	4,34

В колхозах с одной фермой доход от животноводства на один трудодень наименьший, а в колхозах, имеющих три фермы,—наибольший. Это говорит о том, что сочетание различных отраслей животноводства повышает его рентабельность. Такое комбинирование позволяет лучше использовать кормовые ресурсы. Например, при наличии в колхозе одних только свиней неполностью используются луга и пастбища, а также отходы полеводства, гуменные корма (солома, мякина и т. д.). Если в колхозе есть и свиньи и крупный рогатый скот, можно полностью использовать луга, пастбища и грубые корма. Сочетание свиноводства с разведением молочного скота диктуется также необходимостью выпойки поросят

¹ «Правда» от 18 июня 1938 г.

² В группировку включены колхозы, имеющие не меньше 5 коров, 5 свиноматок, 20 овец.

молоком. Отходы от переработки молока (обрат, сыворотка) являются хорошим кормом для свиней.

Внедрение овцеводства при наличии других отраслей продуктивного животноводства тоже имеет большое значение для лучшего использования кормовых ресурсов. Овцы могут поедать часть грубых кормов, неохотно и с меньшей эффективностью поедаемых крупным рогатым скотом. Они могут пастись на пастбищах с очень низким травостоем, непригодных для пастбы молочного скота. Наконец, овцы могут находить для себя корм на тех участках, где уже прошли коровы.

Ведение правильного севооборота означает, что расширяется посев разнообразных кормовых культур — трав, силосных, корнеклубнеплодов. Наличие же одного какого-либо вида скота не позволяет достаточно рационально использовать продукцию всех кормовых культур. Для этого необходимо сочетание нескольких видов скота.

Таким образом, наличие разных земельных угодий и сочетание разнообразных полевых культур является естественной и экономической основой комбинирования отраслей животноводства в колхозах. Вопрос о количестве и видах ферм (молочная и свиноводческая, молочная и овцеводческая, молочная плюс свиноводческая плюс овцеводческая) конкретно решается для каждого колхоза в зависимости от структуры кормовых угодий и особенностей севооборота. Наиболее рациональным типом комбинирования является сочетание трех основных отраслей: молочной, свиноводческой и овцеводческой.

На третью пятилетку поставлена задача — добиться, чтобы в каждой области производились в достаточном количестве молочные и мясные продукты. Комбинирование различных отраслей животноводства в колхозах дает возможность каждой области удовлетворить свои потребности в молоке и мясе внутренними ресурсами.

Сочетание трех ферм в колхозах не только ведет к увеличению размеров товарной животноводческой продукции. Оно обеспечивает и более равномерное ее поступление в течение года, а, следовательно, и сбыт, а также более равномерное поступление денежных средств. Это, разумеется, благоприятно сказывается на финансовом состоянии колхозов.

Как в настоящее время обстоит дело с комбинированием животноводческих ферм в колхозах? Для иллюстрации приводим данные сводки годовых отчетов колхозов по СССР (по материалам Наркомзема СССР) на конец года (см. табл. 6).

Таблица 6

Г о д ы	Колхозы с фермами	С 1 фермой	С 2 фермами	С 3 и более фермами
1935	84,0	42,0	20,0	22,0
1936	87,8	41,3	20,6	25,9
1937	88,1	39,6	19,1	29,4

К концу 1938 г. 92% всех колхозов имели уже фермы. Вместе с тем за последние годы несколько сократился процент колхозов с одной фермой и заметно вырос удельный вес колхозов с тремя и больше фермами. Почти половина всех колхозов имеет по 2—3 и больше ферм, среди этих колхозов 14% насчитывают по 4 и больше ферм. В ряде областей преобладают колхозы с тремя и больше

фермами. Например, в УССР число таких колхозов составляет 56,1%, в АССР немцев Поволжья — 91,5, в Саратовской обл. — 54,9, в Свердловской — 82,1, в Сталинградской — 86,0, в Челябинской — 60,9, в Черниговской — 64,6, в Оренбургской — 52,8%.

Наиболее высокое среднее количество ферм на 1 колхоз приходится в южных, юго-восточных и восточных районах (Украина, Северный Кавказ, Поволжье, Зауралье, Сибирь), наиболее низкое — в районах нечерноземной полосы и в национальных республиках (Закавказье, Средняя Азия, Казахская ССР). Между тем сочетание различных видов животноводства возможно во всех районах страны на основе укрепления кормовой базы, расширения посева трав и корнеплодов, повышения урожайности зерновых фуражных культур.

Комбинирование животноводческих ферм в колхозах продвинулось далеко вперед. Об этом, в частности, говорит следующая таблица, составленная по данным годовых отчетов колхозов за 1938 г. (по наличию скота на 1 января 1939 г., см. табл. 7).

Таблица 7

Группы колхозов по числу ферм	Число колхозов с фермами			
	Джулинский район (Винницкая обл.)	Ямпольский район (Винницкая обл.)	Генический район (Днепропетровская обл.)	Шадринский район (Челябинская обл.)
С 1 фермой	—	5	2	10
МТФ + СТФ	3	18	15	1
МТФ + ОТФ	—	1	7	23
СТФ + ОТФ	1	—	4	8
МТФ + СТФ + ОТФ	34	20	39	60
Итого	38	44	67	102

В Джулинском районе 34 колхоза из 38 имеют 3 фермы, у 19 из этих колхозов есть кроме того по птицеферме. В Ямпольском районе только у 5 колхозов из 44 — по одной ферме, у остальных — по 2—3 и более; 26 колхозов занимаются кроме того птицеводством. В Геническом районе только 2 колхоза из 67 имеют по одной ферме; значительное же большинство — 39 колхозов — насчитывают по 3 фермы, из них 30 колхозов имеют кроме того птицу; из 26 колхозов с 2 фермами 17 занимаются и птицеводством. В Шадринском районе только 10% колхозов имеют 1 ферму; у большинства же — по три фермы, причем значительное число колхозов разводит птицу.

В Ямпольском и Геническом районах при наличии в колхозах двух ферм преобладает правильное их сочетание: молочная и свиноводческая. В Шадринском же районе имеются недостатки в комбинировании ферм. Например, 8 колхозов комбинируют свиноферму с овцеводческой фермой. Такое сочетание не обеспечивает правильного кормления поросят. В то же время много кормовых ресурсов не используется. Так, в этих 8 колхозах на 100 га выгонов и сенокосов приходится в среднем всего 5 голов молодняка крупного рогатого скота и 17 овец, тогда как в колхозах того же района, имеющих три фермы, на 100 га выгонов и сенокосов приходится 26 голов

¹ В группы колхозов с фермами включены те хозяйства, которые имеют не менее 5 коров, 5 свиноматок, 20 овец.

крупного рогатого скота (треть из них составляют коровы) и 23 овцы. Частое сочетание молочной фермы с овцеводческой в Шадринском районе приводит к неполному использованию колхозами фуражного зерна.

Характер сочетания отраслей животноводства в колхозах СССР виден из следующих цифр (см. табл. 8, составленную по данным годовых отчетов колхозов).

Таблица 8

Г о д ы	Процент колхозов, имеющих обобщественное стадо			
	крупного рогатого скота	коров	свиней	овец
1936	93,0	66,0	53,0	50,0
1937	94,3	76,3	55,1	65,5
1938	96,0	80,9	55,1	75,4
1939	96,4	84,7	56,1	80,5

Как видно из таблицы, немногие колхозы не обзавелись еще крупным рогатым скотом, но почти половина хозяйств не имеет свиней и одна пятая — овец. Отсюда следует, что задача комбинирования ферм должна разрешаться прежде всего путем развития свиноводческих и овцеводческих ферм.

В третьей пятилетке ежегодный сбор зерновых будет доведен до 8 млрд. пудов; сильно расширяются посевы трав. Этим создается прочная кормовая база для дальнейшего развития свиноводства в колхозах. поголовье свиней должно в третьей пятилетке удвоиться. Чтобы получить такой огромный прирост, необходимо, во-первых, увеличить поголовье в имеющихся свиноводческих фермах, прежде всего в мелких. Во-вторых, нужно организовать новые свиноводческие фермы. Наиболее слабо колхозное свиноводство развито в некоторых районах нечерноземной полосы и национальных республик. Так, например, в Московской обл. не имеют свиней 75% колхозов, в Смоленской — 65%, в Кировской — 69%.

Насколько велики возможности в области развития овцеводства, видно из того, что, например, в Азербайджанской ССР не имеют обобщественного стада овец 50% колхозов, в Узбекской ССР — 35%, в Полтавской области — 40%, в Одесской — 32%¹. Создание новых ферм наряду с укрупнением старых сыграет решающую роль в ликвидации отставания овцеводства.

Комбинирование ферм отнюдь не ведет к их измельчанию. Наоборот, чаще всего в колхозах, имеющих 3 фермы, средний размер последних больше, чем в колхозах с 1—2 фермами. Так, например, в Шадринском районе в колхозах с 2 фермами в среднем на одну из них приходится 21 корова, 18 свиноматок, 77 овец. В колхозах с 3 фермами на одну приходится 57 коров, 21 свиноматка и 140 овец.

Комбинирование отраслей животноводства в колхозах ничего общего не имеет с универсализмом мелкого крестьянского хозяйства. При небольших размерах последнее сочетание нескольких отраслей животноводства снижало и без того невысокую товарность сельского хозяйства. Разумеется, в мелких хозяйствах не могло быть и речи о разделении труда. Совсем другое положение в кол-

¹ См. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах», «Известия» от 9 июля 1939 г.

хозах. Здесь при сочетании нескольких ферм каждая из них достаточно велика, чтобы проводить кооперацию и разделение труда, обеспечивающие высокую товарность животноводства.

Нельзя ставить знак равенства между смешанными фермами и сочетанием отраслей животноводства в колхозах. Смешанные фермы в колхозах имеют 2—3 вида продуктивного скота, но при этом поголовье незначительное, преобладает молодняк. Товарность этих ферм очень низка. Они представляют собой начальную стадию организации обобществленного животноводства в колхозах. С увеличением поголовья вообще, и маточного стада в частности, создаются предпосылки для выделения из одной смешанной фермы двух-трех специализированных товарных ферм. Выдвигая комбинирование отраслей животноводства как один из важнейших методов повышения его доходности, мы имеем в виду сочетание ферм, уже достигших указанного в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) минимума поголовья скота.

По СССР насчитывается еще большое количество смешанных ферм. В последнее время число их уменьшается: с 1 января 1938 г. до 1 января 1939 г. оно сократилось с 65,9 тыс. до 50 тыс. Это объясняется тем, что по мере увеличения поголовья из смешанных ферм выделяются специализированные. Процесс этот необходимо ускорить. Увеличение поголовья путем приобретения молодняка со стороны, ликвидация отхода молодняка — таковы основные условия быстрого превращения смешанных ферм в специализированные.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 г. для колхозов, имеющих три фермы с установленным минимумом поголовья скота, нормы мясопоставок государству уменьшаются на 10%. Это послужит дополнительным стимулом к тому, чтобы колхозы обзаводились тремя фермами.

Наряду с сочетанием основных отраслей животноводства (крупный рогатый скот, свиньи и овцы) большое значение для увеличения доходов колхозов имеет и внедрение подсобных отраслей — птицеводства, пчеловодства, кролиководства. В настоящее время подсобные отрасли животноводства развиты слабо, что видно из следующих цифр (см. табл. 9, составленную по данным сводки годовых отчетов колхозов).

Таблица 9

Г о д ы	% колхозов, имеющих на начало года в обобществленном хозяйстве	
	птиц	пчел
1935	11,0	31,0
1936	7,4	25,3
1937	10,8	44,3

В среднем по СССР всего около 11% колхозов занимаются птицеводством, причем за последние три года этот процент не увеличился. Лишь в некоторых республиках и областях процент колхозов, имеющих птицефермы, намного выше среднего: АССР немцев Поволжья — 56,7%, Саратовская обл. — 62,4%, Сталинградская — 63,7% (по данным на начало 1937 г.). Очень мало колхозов организовали кролиководство (3% по СССР). Более или менее значительный процент колхозов, имеющих кролиководческие фермы, насчитывается только в АССР немцев Поволжья (22,1), Свердловской обл. (33,2) и в Сталинградской обл. (22,9). Пчеловодство идет впереди других под-

собных отраслей: 44,3% всех колхозов СССР имеют пчеловодческие фермы. В некоторых районах страны пчеловодство развито в большинстве колхозов: в УССР таких колхозов 77,0%, в Саратовской обл.—82,7%, в Свердловской—72,7, в Черниговской—93,5, в Татарской АССР—93,8, в Башкирской—75,5, в Краснодарском крае—56,6, в Чувашской АССР—65,2% и т. д.

Развитие подсобных отраслей животноводства, птицеводства, пчеловодства, кролиководства имеет большое значение для создания избытка продуктов в нашей стране. При правильной организации эти отрасли, отличающиеся высокой товарностью, могут служить источником значительных денежных доходов.

До последнего времени действовала система обязательных поставок мяса государству колхозами, согласно которой размеры мясopоставок исчисляются в соответствии с количеством скота на колхозных фермах. Таким образом, размеры мясopоставок каждый год увеличивались для колхозов, в которых поголовье скота на фермах росло, и уменьшались для колхозов, где поголовье сокращалось. Это ставило в невыгодное положение передовые колхозы и, наоборот, давало льготы отсталым, которые не обзаводились животноводческими фермами или не добивались прироста стада. Следовательно, существовавшая система мясopоставок сильно снижала заинтересованность колхозов в росте общественного животноводства. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 г. эта система была отменена и заменена новой, согласно которой мясopоставки исчисляются не по поголовью скота, а по размерам земельной площади колхозов.

До 1939 г. размеры мясopоставок увеличивались по мере роста поголовья скота на фермах. В Шадринском районе колхозы с наиболее крупными фермами сдавали в счет мясopоставок (в среднем на 1 колхоз) в 9 раз больше мяса, чем колхозы, не имеющие коров. 12 колхозов района, организовавшие наиболее крупные фермы, сдавали государству столько же мяса, сколько все остальные 80 колхозов района.

По новой системе мясopоставок при данном поголовье скота размеры мясopодачи по колхозам резко изменяются. Для колхозов с наибольшим поголовьем мясopоставки сильно снижаются, но они значительно вырастают для колхозов со слабо развитым животноводством.

Таким образом, новая система мясopоставок, делая более выгодным положение передовых колхозов, имеющих развитое животноводство, заставляет отсталые колхозы обзаводиться фермами и увеличивать из года в год поголовье обобщественного скота. Новая система поднимает заинтересованность колхозов в более полном использовании всех кормовых ресурсов. А насколько эти ресурсы велики, можно судить по следующим цифрам. На 100 га земли (пашня, луга и пастбища) в среднем по СССР приходится около 15 голов скота (в переводе на крупный), в колхозе же им. Ленина, Кирсановского района, Тамбовской обл.—75 голов скота (в переводе на крупный). Правильный севооборот с большим удельным весом кормовых культур, а главное, высокая урожайность этих культур позволяют колхозу им. Ленина содержать на каждом гектаре земли в пять раз больше скота, чем в среднем по Союзу. При этом продуктивность скота в колхозе им. Ленина высока—средний годовой удой на одну корову составляет около 4 тыс. литров.

Можно было бы указать на многочисленные передовые колхозы, которые путем правильной организации кормовой базы добились высокой концентрации поголовья скота на каждом гектаре земельной площади.

Новая система мясопоставок устранила препятствия к интенсивному развитию общественного животноводства в колхозах и создала все необходимые условия для решения задач, поставленных партией и правительством: организовать в каждом колхозе 2—3 фермы и укрупнить существующие мельчайшие фермы.

* * *

В решениях XVIII съезда ВКП(б) поставлена проблема механизации трудоемких процессов в животноводстве. Особенно больших затрат труда требуют водоснабжение, кормодобывание, переработка кормов. В настоящее время эти работы в подавляющем большинстве своем производятся вручную. Между тем в колхозах, особенно на крупных фермах, имеются все условия для механизации трудоемких процессов. Сокращая затраты труда, механизация способствует снижению издержек производства животноводческих продуктов и повышению доходности колхозных ферм.

По решению партии и правительства в районах с большими сенокосными массивами в составе МТС организуются машинно-сенокосные отряды. Известно, что в этих районах часть сенокосов оставалась необранной и большое количество кормов пропадало. Механизация сенокоса будет способствовать полному обеспечению грубыми и сочными кормами колхозного животноводства и повышению его продуктивности.

В СССР имеются десятки тысяч передовиков, добившихся высокой продуктивности — больших удоев, живых весов, настригов шерсти и т. д. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1939 г. продемонстрировала достижения лучших совхозов и колхозов в этой области. Передовые фермы надаивают по 4 тыс. и больше литров молока в год с каждой коровы. Многие доярки-стахановки; участницы выставки, надаивают по 5 тыс. и больше литров молока с каждой коровы. Однако на большинстве колхозных ферм продуктивность еще низка. В среднем по СССР годовой удой на одну корову в колхозных фермах составил в 1938 г. всего 1100 литров.

Повышение продуктивности скота — главнейшая задача в области животноводства в третьей пятилетке. Опыт передовиков показывает, что имеются все возможности для решения этой проблемы путем улучшения породы, укрепления кормовой базы, улучшения ухода.

Повышение выхода продукции связано с дополнительными затратами — на корма, на труд и пр. Но эти затраты не находятся в прямой пропорции с ростом продукции. Например, чтобы повысить удой коровы с 1 тыс. до 2 тыс. л, нужно увеличить расход кормов не вдвое, а только на 30%. Исследованиями установлено, что с увеличением удоя затраты труда на выдойку каждого литра молока снижаются. Следовательно, рост продуктивности скота повышает доходность животноводства.

Укрупнение ферм, сочетание разных видов скота, механизация трудоемких процессов в животноводстве и повышение продуктивности открывают огромные возможности для полного разрешения животноводческой проблемы в третьей пятилетке.

Рационализация железнодорожных перевозок в третьем пятилетии

Наша партия неуклонно проводит в жизнь ленинско-сталинские принципы размещения производительных сил страны. Это со всей полнотой отражено в исторических решениях XVIII съезда ВКП(б). Дальнейший рост и новое размещение производительных сил страны подчинены основной экономической задаче СССР: «догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки...»¹.

Основой правильного размещения производительных сил нашей страны является такое их развитие, которое обеспечивает рост и старых и новых промышленных районов при более интенсивном темпе развития промышленности в новых районах. Поэтому при абсолютном росте всех капитальных работ, а соответственно и объема промышленной и сельскохозяйственной продукции по всем районам страны, наибольшее развитие должны получить районы Востока, Казахстана, Средней Азии, Европейского Севера и Сибири. Так, при среднем по Союзу росте угледобычи в 1,9 раза за пятилетие, в Средней Азии она увеличивается в 4,4 раза, на Дальнем Востоке — в 2,7 раза, на Урале — в 3,1 и т. д. В области металлургии наибольший рост намечается на Востоке, удельный вес которого должен увеличиться с 28% в 1937 г. до 35% в 1942 г. (по выплавке чугуна). Таким же быстрым темпом будут развиваться и все остальные отрасли промышленности.

Наряду с равномерным размещением промышленности и подъемом ранее отсталых в экономическом отношении районов в третьем пятилетии необходимо обеспечить в основных экономических районах Союза комплексное развитие хозяйства. Это означает такое развитие хозяйства каждого экономического района, которое обеспечивает создание в нем собственной базы для производства основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Огромна и исключительно ответственна роль железнодорожного транспорта в выполнении этих задач нашего государства. Вместе с бурным ростом народного хозяйства СССР в третьем пятилетии увеличатся также перевозки грузов и пассажиров. Это предъявляет к транспорту чрезвычайно большие требования.

Объем работы железнодорожного и других видов транспорта, а также характер и направление перевозок грузов и пассажиров полностью определяются уровнем развития производительных сил. По решению XVIII съезда ВКП(б) в 1942 г. объем промышленной продукции должен составить 184 млрд. руб. против 95,5 млрд. руб. в 1937 г.; среднегодовой темп прироста будет равняться 14%, а по производству средств производства — 15,7%; добыча угля возрастает в 1,9 ра-

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 12.

за, добыча нефти — в 1,8 раза, торфа — в 2 раза, производство чугуна, стали и проката — более чем в 1,5 раза, заготовка леса — почти в 2 раза; потребление трудящихся увеличится в полтора раза. В полном соответствии с намечающимся ростом народного хозяйства XVIII съезд установил объем работы железнодорожного транспорта на 1942 г. в 510 млрд. т/км против 355 млрд. т/км в 1937 г. (т. е. увеличение на 44%). Один только прирост грузооборота (155 млрд. т/км) превышает грузооборот железных дорог Великобритании, Франции и Японии, вместе взятых. Такая программа работы железнодорожного транспорта в третьем пятилетии стала возможной благодаря успешному выполнению первой и второй сталинских пятилеток.

Таким образом, мы видим, что наряду с комплексным развитием всех экономических районов Союза, созданием в них собственной производственной базы усиливаются, вырастают экономические связи между районами. Таков основной закон социалистического строительства — неуклонное продвижение вперед.

Какими жалкими и ничтожными выглядят контрреволюционные «предвидения» всех оппортунистических «теоретиков» о затухании грузооборота, отмирании межрайонных связей, сокращении нового железнодорожного строительства в нашем государстве. Прикрываясь разговорами о сокращении транспортных издержек, они старались сохранить стихийно сложившееся дореволюционное размещение промышленности в стране, затормозить развитие новых промышленных центров; эти «теоретики» боролись против реконструкции транспорта.

Динамика работы железнодорожного транспорта за годы социалистического строительства (в сопоставлении с дореволюционной) характеризуется следующими данными (см. табл. 1):

Таблица 1

Г о д ы	Среднесуточная погрузка (количество вагонов)	Отправление (в млн. т)	Грузооборот (в млн. т/км)
1913	27 400	132 400	65 696
1928	32 333	156 237	93 389
1932	51 415	267 906	169 270
1933	51 224	268 075	169 485
1934	55 717	317 075	205 746
1935	63 098	388 533	258 066
1936	86 160	483 179	323 381
1937	89 833	517 349	354 839

Наиболее интенсивный рост работы железнодорожного транспорта происходил в последние годы, когда к руководству пришел ближайший соратник великого Сталина — т. Л. М. Каганович. Беспощадно борясь против контрреволюционной «теории» предела, вскрывая огромные неиспользованные ресурсы, развивая стахановско-кривоносовское движение, железнодорожники под руководством т. Л. М. Кагановича перевыполнили второй пятилетний план и получили похвальную оценку главы советского государства т. В. М. Молотова. На XVIII съезде ВКП(б) т. Молотов сказал: «Подъем народного хозяйства во многом обязан успешной работе транспорта, прежде всего железнодорожного транспорта, который выполнил и перевыполнил свою пятилетку по перевозкам за 4 года»¹.

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 9.

Наряду с огромным абсолютным увеличением размеров железнодорожных перевозок за годы второй пятилетки стала иной также структура грузооборота: увеличился удельный вес индустриально-строительных грузов, изменилось направление грузовых потоков. Больше всего возросли перевозки грузов топливной, металлургической и минерально-строительной промышленности. Достаточно указать, что из общего прироста погрузки за годы второй пятилетки в 250 млн. т на уголь, нефть, лес, металлы и минерально-строительные материалы приходится 159 млн. т, или 64%. Рост перевозок происходил преимущественно на направлениях, связывающих основные промышленные районы страны с районами Сибири, Востока, Средней Азии, Европейского Севера. Таким образом, были обеспечены транспортной связью нужды социалистического строительства национальных республик и областей нашего государства. Если с 1932 по 1937 г. работа всей железнодорожной сети выросла на 110%, то по дорогам Востока за тот же период — свыше чем на 300%, по дорогам Средней Азии — свыше чем на 130% и по дорогам Урала и Сибири — свыше чем на 200%.

Совершенно очевидно, что интенсивный рост производительных сил в перечисленных районах, усиление их экономических связей со старыми промышленными районами, сопровождавшееся увеличением дальности перевозок, требовало от железнодорожного транспорта значительного напряжения. Так, средняя грузонапряженность железных дорог в 1937 г. достигла 4,2 млн. т на километр, против 3,1 млн. т в 1935 г. и 2,2 млн. — в 1932 г. Только в стране, где народное хозяйство развивается на основе единого государственного плана, возможно такое интенсивное использование всех технических средств транспорта.

Однако в связи с неправильным размещением отдельных производств и зачастую неправильной системой распределения продукции у нас имело место большое количество нерациональных перевозок. Это приводило к дополнительной ненужной загрузке железнодорожного транспорта. XVIII съезд ВКП(б) указал: «Важнейшей задачей транспорта является упорядочение планирования грузооборота с целью всемерного сокращения дальних железнодорожных перевозок, ликвидации встречных и нерациональных перевозок и дальнейшего повышения удельного веса водного и автотранспорта в грузообороте страны»¹. Рационализация перевозок будет проводиться по следующим направлениям: 1) приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления, повсеместного использования всех видов топлива, строительства в каждом районе предприятий цементной, стекольной, пищевой, легкой и других отраслей промышленности; 2) максимального использования морского, речного, автомобильного транспорта и расширения сети нефте- и газопроводов; 3) строительства ряда новых железнодорожных линий, сокращающих пробег грузов между отдельными районами; 4) улучшения планирования сбыта продукции как на основе изменения существующей системы распределения, так и на основе тщательного изучения потребностей отдельных районов в той или иной продукции; 5) улучшения народнохозяйственного планирования с тем, чтобы составлению плана перевозок предшествовало составление планов производства и распределения; 6) разработки рациональных грузопотоков, исключающих возможность излишне-дальних и встречных перевозок; 7) составления перспективных и оперативных планов не только по объему перево-

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 22.

зок, но и по направлениям; 8) максимальной маршрутизации перевозок, использования порожних направлений, сокращения внутриузловых перевозок, ликвидации кружных перевозок и т. д. и т. п. Таким образом, имеется много путей решения важнейшей задачи, стоящей перед железнодорожным транспортом в третьем пятилетии.

* * *

Исключительно большое внимание уделил XVIII съезд ВКП(б) вопросу о размещении топливной промышленности, в частности каменноугольной. Утвержденный размер добычи в целом по Союзу и отдельно по бассейнам должен обеспечить наряду с удовлетворением потребности в топливе также и ликвидацию чрезмерно дальних перевозок. В первую очередь это относится к перевозкам угля Кузнецкого бассейна: при наличии на Урале богатейших угольных месторождений сюда ежегодно завозится по железным дорогам им. Л. М. Кагановича, Пермской и Южно-Уральской свыше 4 млн. т; около 100 тыс. т угля завозится на расстоянии свыше 3 тыс. км в районы Кировской и Горьковской областей, около 100 тыс. т на расстоянии свыше 3 500 км — в районы Ярославской и Вологодской областей. Районы Чкаловской и Куйбышевской областей завозят ежегодно около 1 млн. т кузнецкого угля. В Средней Азии кузнецкий уголь занимает до сих пор господствующее положение, в то время как местные нужды могут быть полностью обеспечены углем собственных месторождений.

Необходимо составить такой план распределения угля, при котором Кузнецкий бассейн снабжал бы главным образом районы Сибири, восточную часть Омской обл. и частично район Туркестано-Сибирской железной дороги. В соответствии с этим XVIII съезд ВКП(б) наметил более интенсивное развитие добычи угля на Урале. Это даст возможность прекратить завоз его для энергетических нужд уральской промышленности из Кузнецкого бассейна. Намечается также прекращение завоза углей Кузбасса и Караганды для районов Средней Азии и Востока, полное обеспечение районов Сибири и Дальнего Востока собственным углем. Колоссальный рост добычи углей в Подмосковном бассейне значительно снизит удельный вес донецкого топлива в потреблении районов Центра, Северо-Запада и частично Севера. Районы Поволжья переключаются в основном на снабжение донецким углем.

На рационализацию перевозок каменного угля большое влияние окажет новое размещение и строительство коксо-химических заводов. Проектируемое размещение их даст возможность сократить повторные перевозки угля до и после коксования. Значительно разгрузится железнодорожный транспорт и снизится стоимость перевозок топлива с развитием подземной газификации каменного угля и строительством газопроводов.

* * *

Большое количество нерациональных перевозок нефтегрузов объясняется главным образом неправильным планированием. Неправильное планирование создает так называемые перекрещивающиеся потоки, а отсюда — перепробег нефтегрузов (Кавказ — Урал и Восток, Поволжье — Центр и Северо-Запад), повторные перевозки и т. д.

Плохо используются естественные условия нашей страны для максимальной разгрузки железнодорожного транспорта от перевозок

нефтегрузов. До сих пор, например, нефтегрузы идут по Волге главным образом до Сталинграда и Батраков, а дальше направляются (в Горький, Москву, Ленинград и т. д.) по железным дорогам. В результате слабого использования Волжского бассейна средняя дальность нефтеперевозок сократилась за годы второй пятилетки более чем на 480 км, в то время как дальность перевозок по железным дорогам увеличилась за тот же период на 337 км. Очень слабо используются для перевозок нефтегрузов Черное и Азовское моря и Днепр. Основные перевозки совершаются главным образом до Одессы, а оттуда грузы направляются по железной дороге.

Решения XVIII съезда ВКП(б) о создании новой нефтяной базы — «Второго Баку» — и реконструкции водных путей сообщения должны в корне изменить, с одной стороны, удельные веса районов в нефтедобыче и с другой — конфигурацию нефтяных потоков. Так, удельный вес Кавказа с 90% в 1937 г. снизится до 74% в 1942 г., а доля Урала и Поволжья повысится с 3 до 14%. В соответствии с этим в третьем пятилетии необходимо предусмотреть такое размещение нефтеперегонных заводов, при котором были бы ликвидированы излишне-дальние и встречные перевозки сырой нефти и нефтепродуктов; должен увеличиться удельный вес в переработке нефти районов Урала и Заволжья.

Особое значение приобретает строительство нефтепроводов, проходившее до последнего времени крайне медленными темпами. Мощные, концентрированные потоки нефти и нефтепродуктов от промыслов к заводам и от заводов — к пунктам потребления создают исключительно благоприятные условия для интенсивного использования нефтепроводов. Помимо того что они удешевляют перевозку нефти, нефтепроводы разгружают железнодорожный транспорт и освобождают большое количество цистерн. Стоимость строительства нефтепровода в большинстве случаев должна окупиться в течение 2—3 лет.

Строительство нефтепроводов должно проходить в основном по следующим направлениям: южные районы — Центр, Поволжье — Урал и Восток. Водные пути Советского Союза дают возможность также строить нефтепроводы от основных перевалочных баз (Сталинград, Саратов, Батраки и др.) к пунктам потребления. Но для этого необходимо иметь на перевалочных базах достаточное количество складов, чтобы хранить нефть в межнавигационный период и затем транспортировать ее по нефтепроводам.

Большую роль в рационализации нефтеперевозок в третьем пятилетии будет играть правильное установление сортов выпускаемых заводами нефтепродуктов, так как это ликвидирует встречные перевозки разных сортов продукции.

Все указанные мероприятия безусловно приведут к разгрузке железнодорожного транспорта и удешевят стоимость перевозки.

* * *

Значительный рост металлопотребления в стране в третьем пятилетии предъявляет к рудно-металлургической промышленности огромные требования как в отношении объема производства, так и в отношении качества продукции. Так, выплавка чугуна возрастает в 1942 г. по сравнению с 1937 г. на 52%, выплавка стали — на 58%, производство проката — на 62%; почти вдвое должно увеличиться производство качественного проката.

Еще в 1931 г. на совещании хозяйственников товарищ Сталин говорил: «...сохраняя нынешние темпы развития и гигантские масштабы производства, мы уже не в состоянии оборачиваться на одной

лишь украинской угольно-металлургической базе. Вы знаете, что нам уже нехватает украинского угля и металла, несмотря на рост их производства. Вы знаете, что мы вынуждены, ввиду этого, создать новую угольно-металлургическую базу на Востоке — Урал-Кузбасс»¹. Бурное развитие производительных сил восточных районов за последние годы, создание новых предприятий, новое железнодорожное строительство увеличили потребности этих районов в продукции металлургической и машиностроительной отраслей промышленности, и поэтому на Дальнем Востоке создается собственная металлургическая база с полным металлургическим циклом. Удельный вес восточных районов в общей по Союзу выплавке чугуна возрастает с 28 до 35%. Наряду с ростом металлургии на Востоке, будет развиваться южная и центральная металлургия, но более низкими темпами, чем в восточных районах; удельный вес Юга и Центра в общем производстве металла будет несколько снижаться.

Выполнение директив XVIII съезда ВКП(б) о развитии металлургической промышленности обеспечит создание более рациональных связей между районами потребления металлов и районами их производства и разгрузку железнодорожного транспорта от всякого рода нерациональных перевозок. Удельный вес рудно-металлургических грузов в общем грузообороте железных дорог огромен. Достаточно указать, что ежегодно наши железные дороги перевозят свыше 25 млн. т черных металлов и около 30 млн. т руды. Среди этих перевозок имеется большое количество нерациональных, чрезмерно загружающих транспорт. Главные причины, порождающие их, следующие: 1) вредительская специализация прокатных станов (как по размерам профилей, так и по общему количеству их), создающая встречные перевозки огромной массы металла между основными металлургическими базами Союза; 2) слабое развитие местных рудных баз (Центр, Восток); 3) неправильная система планирования распределения отдельных сортов черных металлов, при которой не учитывается действительная потребность отдельных районов в том или ином профиле; 4) повторные перевозки с баз.

В третьем пятилетии перевозка черных металлов и руды абсолютно возрастает; увеличивается несколько и их удельный вес в общем грузообороте (с 10,6 в 1937 г. до 10,9% в 1940 г.), но рост перевозок этих грузов будет происходить медленнее, чем остальных грузов. Для ликвидации причин, вызывающих нерациональные перевозки черных металлов и руды, в третьем пятилетии будет изменена специализация прокатных станов с учетом потребности данного района в профилях, будет увеличено число прокатываемых профилей, что даст возможность во многих случаях сокращать расход металла на единицу продукции. Значительно увеличится добыча руды в Центре, в результате чего сократится завоз криворожской руды; более чем в 3 раза повысится добыча кузнецкой руды, которая почти вдвое сократит завоз уральской руды на Восток. Намечается также разработка прекрасных месторождений марганца на Урале и Востоке, а это даст возможность прекратить завоз южного и кавказского марганца. В центре будет расширено сталелитейное и прокатное производство и т. д.

Необходимо отметить, что все перечисленные мероприятия, направленные на ликвидацию нерациональных перевозок, могут не дать большого эффекта, если не заняться серьезно улучшением системы распределения металлов в стране. Примером неправильного планирования сбыта металлов могут служить имевшие место перевозки взаи-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 340.

мозаменяемых сортов металла. Так, передельный чугун завозился в Поволжье из Запорожской обл., а Ленинград получал передельный чугун с заводов Донбасса. Если бы Ленинград был прикреплен к Запорожской обл., а Поволжье к Донбассу, то дальность этих перевозок сократилась бы на 400—450 км.

Значительное количество нерациональных (встречных, излишне-дальних и повторных) перевозок черных металлов создается из-за неправильного размещения металлбаз. В этих условиях особо важно составить рациональную схему грузопотоков металла, в первую очередь по основным его видам. Трудность этой задачи заключается в том, что в районах потребляется большое количество сортов металла (особенно проката). Поэтому необходимо в первую очередь детально изучить металлопотребление в стране, провести стандартизацию отдельных профилей. Встречные перевозки между металлургическими заводами Юга, Урала и Востока, достигшие в настоящее время почти одного миллиона тонн, состоят в основном из изделий проката, зачастую с очень близкими профилями. Эти перевозки объясняются в значительной мере отсутствием рационального плана распределения металлов. Сбытовые организации должны строить свои планы таким образом, чтобы в третьем пятилетии разгрузить железнодорожный транспорт от нерациональных перевозок.

* * *

Программа промышленного и жилищно-культурного строительства, намеченная XVIII съездом ВКП(б) на третье пятилетие, предъявляет огромные требования к лесной промышленности, которая должна обеспечить заготовку в 1942 г. 200 млн. м³ леса против 111,3 млн. м³ в 1937 г. Наиболее высокими темпами лесозаготовки будут развиваться в северных и северо-западных районах, а также на Дальнем Востоке. Удельный вес Севера и Урала возрастет в 1942 г. до 48—50% против 29% в 1937 г. Такое размещение лесозаготовок даст возможность прекратить нерациональные перевозки сибирского леса в Европейскую часть (на расстоянии 4—5 тыс. км) и завоз леса из районов Центра и Северо-Запада в Средне-Азиатской республики.

Большое влияние на рационализацию перевозок леса должно оказать усиление мощности лесопильно-деревообрабатывающей промышленности в основных лесозаготавливающих районах как за счет строительства новых рам, так и за счет перенесения их из лесодефицитных районов. Это позволит сократить перевозку леса в необработанном виде. Экономическая эффективность этого мероприятия определяется тем, что на месте будут оставаться отходы, составляющие 25—30%, а также ликвидируются встречные перевозки сырья и полуфабрикатов.

Нерациональные перевозки леса по железным дорогам вызываются в значительной мере тем, что существует множество лесотправителей, отгружающих зачастую лес во встречных направлениях.

Наглядную картину встречных перевозок леса представляет следующая таблица междудорожной корреспонденции леса за 1938 г. (см. табл. 2).

Большую роль в рационализации перевозок леса сыграет специальное постановление правительства и приказ т. Л. М. Кагановича о ликвидации нерациональных перевозок леса.

Особое значение приобретает в третьем пятилетии водный транспорт — удельный вес его в перевозках леса должен значительно вырасти. В первую очередь необходимо максимально разгрузить

Таблица 2

	Ж. д. С.-в.-ро- Запада	Ж. д. Центра	Ж. д. Юга	Ж. д. Кавказа	Ж. д. Восточ- ной Азии	Ж. д. Урало- Сибиря	Ж. д. Востока
Ж. д. Северо-Запада	× ¹	×	×	×	×	×	—
Ж. д. Центра	×	×	×	×	×	×	—
Ж. д. Юга	×	×	×	×	×	—	—
Ж. д. Кавказа	×	×	×	×	×	—	—
Ж. д. Восточной Азии	—	×	×	×	×	—	—
Ж. д. Урало-Сибиря	×	×	×	×	×	×	—
Ж. д. Востока	—	×	×	×	×	×	×

железные Дороги от перевозок пиловочника к лесопильным заводам. Для этого имеются прекрасные естественные условия — речные пути сообщения. Надо покончить с таким положением, когда в навигационный период при наличии параллельных водных и железнодорожных путей сообщения лес перевозится по железным дорогам.

* * *

Нерациональные перевозки хлебных грузов вызываются в основном двумя факторами: 1) неправильным сочетанием работы различных видов транспорта по перевозкам хлеба; 2) недостаточным количеством элеваторов и складов и неправильным их размещением.

Размер перевозок хлеба по железным дорогам из года в год возрастает, в настоящее время он превышает уже 40 млн. т; в то же время речные перевозки хлеба продолжают оставаться неудовлетворительными. Так, к 1935 г. железнодорожные перевозки хлеба увеличились в 2½ раза по отношению к 1913 г., а речные не достигли еще дореволюционного уровня.

Аналогичное положение и с дальностью перевозок. В 1913 г. дальность перевозок по железным дорогам достигла 539 км, а в 1937 г.— 689 км, т. е. увеличилась на 150 км; по водным же путям в 1913 г. дальность перевозок составила 838 км, а в 1937 г.— 403 км, т. е. уменьшилась на 435 км. Это показывает, что водные пути сообщения обслуживают главным образом местный грузооборот, а возможность дальних дешевых перевозок хлеба не используется. В практике работы последних лет имели место случаи, когда с железнодорожных станций, расположенных у водных путей, отправлялся хлеб на другие станции, расположенные на той же водной магистрали.

Существующая в отдельных районах диспропорция между потребной и наличной емкостями для хранения хлеба является также одной из основных причин нерациональных перевозок хлебных грузов. Недостаточная емкость в одних районах и избыток ее в других заставляют планирующие органы переправлять хлеб из одних районов в другие с тем, чтобы потом ввозить его обратно. Так, Украина ввозила хлеб из Западной Сибири с тем, чтобы потом его вывозить; районы Кавказа вывозили хлеб в Поволжье, но потом ввозили его из УССР и т. д. В результате повторные перевозки хлебных грузов достигают чрезвычайно больших размеров, перегружая железнодорожные направления, ухудшая использование подвижного состава.

В рационализации хлебных перевозок в третьем пятилетии исключительно ответственна роль планирующих организаций, особенно в

¹ — производилась погрузка.

связи с ростом производства хлеба и новым элеваторно-складским и мельничным строительством. План распределения хлеба должен строиться с таким расчетом, чтобы полностью прекратились повторные перевозки хлеба и максимально использовались водные пути.

* * *

Намеченные съездом объем продукции всего народного хозяйства, новое размещение отдельных производств и новое железнодорожное строительство изменят работу отдельных железнодорожных направлений и конфигурацию грузовых потоков. Наиболее интенсивно перевозки возрастут на направлениях, связывающих Сибирь и Восток с районами Урала, Центра и Юга, на направлениях Донбасс — Центр, Донбасс — Северо-Запад, Средняя Азия — Центр и Средняя Азия — Сибирь. Рост перевозок на восточном направлении определяется в основном увеличением удельного веса восточной металлургии, развитием в этом районе большего количества предприятий легкой и пищевой промышленности. Железнодорожные связи между Уралом и Кузбассом возрастут примерно на 50—55%. Перевозки на выход из Донбасса в Центр и на Северо-Запад увеличатся в связи с ростом потребления донецкого угля, продукции южной металлургии и кавказской нефти. В направлении на Юг перевозки возрастут за счет усиления завоза леса из северных районов для нужд угольной промышленности и жилищного строительства. В среднем рост грузовых потоков на этих направлениях увеличится против 1937 г. на 40—60%.

Неуклонный подъем социалистического строительства в республиках Средней Азии потребует в третьем пятилетии усиления их экономических связей со всеми остальными районами Союза. Значительно возрастут перевозки хлопка, продуктов животноводства, фруктов. В Среднюю Азию увеличивается завоз машин, удобрений, промышленных и продовольственных товаров. Общий размер перевозок на среднеазиатских направлениях увеличится за пятилетие на 65—70%.

Помимо этих направлений интенсивный рост перевозок будет на выходах с Севера, главным образом за счет увеличения удельного веса северных районов в лесозаготовках.

Исторический XVIII съезд ВКП(б) указал, что планирование перевозок, борьба против излишне-дальних и других нерациональных перевозок — огромный внутренний резерв нашего государства. Уже сейчас в результате выполнения директив съезда, специальных постановлений правительства и приказов т. Л. М. Кагановича в значительной мере ликвидированы нерациональные перевозки. Постановление правительства о составлении плана перевозок вместо плана погрузки заставило отправителей грузов вплотную заняться вопросами транспорта, почувствовать, что они несут ответственность за рациональное использование транспортных средств. План перевозок грузов по железным дорогам дает возможность транспорту не только контролировать рациональность той или иной отправки, но и предвидеть интенсивность работы отдельных участков железных дорог.

Однако еще и сейчас имеются недостатки в планировании перевозок. Причиной их в основном является то, что не учитываются нужды потребителей в той или иной продукции. Лучшим доказательством этого может служить огромное количество просьб, поступающих в транспортные органы, об изменении планов, о переадресовке грузов и т. д. Первоочередной задачей транспортных организаций и хозяйственных предприятий является составление рациональных планов перевозок для различных периодов времени. Эти планы должны быть построены на основе баланса производства и потребления отдельных

районов. Такие планы на год по отдельным грузам, разработанные НКПС совместно с грузоотправителями, вполне себя оправдали.

Серьезное внимание должно быть уделено в ближайшее время маршрутизации перевозок и организации мелочных отправок. Большая концентрация потоков на железных дорогах Союза, главным образом основных массовых грузов, дает все возможности для максимальной маршрутизации перевозок от пунктов их производства к пунктам потребления. Маршрутизация ускоряет доставку груза за счет сокращения простоев под техническими операциями на сортировочных и участковых станциях.

Достаточно указать, что дороги, которые могли бы маршрутировать до 80—90% своей погрузки (угольные, нефтяные, лесные дороги), направляют маршрутами иногда до 50% груза и ниже. Сюда относятся в первую очередь такие важнейшие дороги, как дороги Донбасса, Томская, Горьковская, Северная, дороги Урала и Орджоникидзевская. Слабо используется маршрутизация не только отправительская, но и техническая.

Причин неудовлетворительного выполнения плана маршрутизации много. В первую очередь к ним нужно отнести отсутствие ответственности со стороны грузоотправителей за использование технических средств транспорта. Зачастую отправители предъявляют транспорту к перевозке в разных направлениях небольшие количества грузов, в то время как при организации налаженного календарного плана погрузки то же количество грузов можно было бы перевозить маршрутами. Кроме того, невыполнение плана подачи вагонов под погрузку, формирование маршрутов вагонов, направляемых не до конца следования маршрута, также отражается на выполнении плана маршрутизации. Дальнейшая концентрация потоков в третьем пятилетии приведет к значительному росту маршрутных перевозок.

Зачастую железнодорожный транспорт вынужден перевозить грузы на расстоянии 20, 10 и даже менее километров. Если борьбе с излишне-дальними перевозками уделяется много внимания, то ликвидации нерациональных короткобежных перевозок, совершаемых главным образом внутри узлов, уделяется значительно меньше внимания. Вредность короткобежных перевозок заключается в том, что, во-первых, подвижной состав, который перевозит груз на расстоянии 5—10 км, вынужден простаивать по 5—10 часов под грузовыми операциями; во-вторых, эти перевозки совершаются внутри узлов и поэтому составы проходят несколько операций по переформированию. Это, естественно, ведет к удорожанию стоимости перевозок и большим простоям подвижного состава. Большую роль в разгрузке железнодорожного транспорта от излишне-коротких перевозок сыграет автомобильный транспорт, удельный вес которого возрастает.

Для решения важнейшей задачи транспорта в третьем пятилетии необходимо создать кадры грамотных плановиков, хорошо знающих экономику промышленности, сельского хозяйства и транспорта, людей, способных решать государственные вопросы, связанные с распределением огромной массы товаров по стране. Подготовка кадров плановиков проходит еще неудовлетворительно. Особое значение имеет подготовка кадров плановиков-экономистов для железнодорожного транспорта, которые должны знать не только экономику народного хозяйства, но и технологический процесс работы железных дорог.

XVIII съезд ВКП(б) поставил перед транспортом на третье пятилетие большие задачи. Выполнение директив съезда, широкий размах стахановско-кривоносовского движения — лучшие доказательства того, что огромные ресурсы нашей экономики будут использованы для выполнения поставленных партией задач.

К характеристике современной английской буржуазной политической экономии

Все растущий разброд, кризис господствующих прежде либеральных течений, усиление наиболее реакционных течений — таковы характерные черты современного состояния буржуазной политической экономии. Все эти процессы, дающие основание утверждать о наличии кризиса в буржуазной политической экономии, особенно рельефно выступают в современной Англии в связи с специфическими особенностями развития английской экономической мысли за последние полвека.

В Англии с конца XIX в. и приблизительно до второй четверти текущего столетия в экономической литературе установилось безраздельно господство идей Альфреда Маршалла. Конечно, в высказываниях английских экономистов существовали известные оттенки, но эти различия не носили сколько-нибудь заметного характера. Во всяком случае для рассматриваемого периода нельзя установить наличие в экономической литературе Англии каких-то других школ и течений, которые противопоставляли бы себя господствовавшей кембриджской школе, возглавлявшейся Маршаллом.

Пигу, преемник Маршалла на кафедре Кембриджского университета и виднейший представитель современной буржуазной политической экономии Англии, в своем обращении к английскому экономическому обществу в конце 1938 г. дал сравнительную характеристику современного состояния экономической литературы и существовавшего 30—40 лет назад. Пигу меланхолически отметил, что теперь среди английских экономистов нет и в помине былого единства, что теперь нет такого центра, как Маршалл, что отдельные экономисты все время полезимируют между собой¹.

Попутно Пигу указывает на основную причину разброда, наблюдающегося среди современных английских экономистов. Мир, который изучали экономисты 30—40 лет назад, был в своих основных частях стабильным. «Тогда,— добавляет он,— не было катастроф. Как отличен от этого опыт современных экономистов!»². Современное состояние капитализма Пигу характеризует как катастрофическое. На всех последних работах Пигу лежит печать глубокой растерянности. В этом отношении очень показательна одна из его последних работ «Socialismus versus capitalismus». Рассмотрев доводы защитников социалистической и капиталистической хозяйственных систем, Пигу заявляет, что он считает совершенно безнадежными попытки путем экономического анализа решить вопрос — нужно ли вводить в Англии социализм или нет. Безнадежно, заявляет он, ожидать, чтобы экономические рассуждения могли дать ответ на этот вопрос³. Для решения вопроса о преимуществах того или иного хозяйственного строя, оказывается, требуется какое-то особое чутье, но Пигу

¹ A. Pigou, Presidential Address, «Economic Journal», 1939, June, p. 220.

² Там же, стр. 217.

³ A. Pigou, Socialismus versus capitalismus, 1937, p. 136.

с похвальной откровенностью заявляет, что у него это чутье отсутствует. «Настоящий автор,— пишет он,— подобно большинству академических работников не обладает этим чутьем. Но, в отличие от некоторых академических работников, он отдает себе отчет в том, что не обладает этим чутьем»¹. Нужна ли более яркая констатация банкротства современной буржуазной политической экономики? Это не случайное выступление, а конечный вывод специальной работы, посвященной сопоставлению капитализма и социализма. И вывод этот делает не рядовой экономист, а глава кембриджской школы, наследник Маршалла.

При более внимательном изучении упомянутой выше книги Пигу становится ясным, что растерянность среди виднейших современных буржуазных экономистов — результат не только потрясающих ударов современных экономических кризисов, которые по своей разрушительной силе превосходят все, что когда-либо было в истории капитализма. Наряду с фактами сильного обострения экономических противоречий в современном капиталистическом мире на буржуазную экономическую мысль известным образом влияют и громадные хозяйственные успехи СССР, доказывающие на практике превосходство социалистической системы. Пигу, рассматривая излюбленный аргумент буржуазных апологетов о том, что капитализм, мол, создаст наилучшие стимулы к повышению производительности труда, вынужден отметить исключительный размах трудового энтузиазма в СССР, успехи социалистического соревнования. Пигу подкрепляет свои рассуждения цитатой из известной книги Веббов «Soviet communism», где дается восторженное описание субботника на строительстве Харьковского тракторного завода².

Пигу в цитированном выше обращении констатирует, что экономическая «теория» (речь идет, конечно, о вульгарной политической экономике) не влияет на практику. Он иллюстрирует это на примере отказа Англии в 1931 г. от своей политики «laissez faire», проводившейся в течение почти столетия. Этот отказ, добавляет Пигу, совершенно не был связан с работами ученых экономистов, обосновавших преимущества свободной торговли. Надежда на то, что экономическая наука сможет влиять на реальный ход событий, очень слаба,— говорит Пигу. Мало вероятно, что будет рынок, добавляет он, для нашей продукции. В связи с такими пессимистическими заявлениями возникает вопрос, стоит ли работать в области экономической теории? Пигу в конце своего обращения ставит этот вопрос. Он не находит ничего лучшего, как апеллировать к абстрактному и совершенно не связанному с практикой импульсу познания. «Этот импульс познания, хотя может оказаться бесплодным, в конце концов не является неблагоприятным»³.

Такого рода пессимистические оценки, конечно, не могут вызвать особого энтузиазма и среди буржуазных экономистов и среди потребителей буржуазной экономической литературы. Жалобы на бесплодие политической экономики за последнее время все чаще и чаще встречаются в буржуазной литературе.

Генри Гигс, автор обзорной статьи об английской политической экономике в известном сборнике «Wirtschaftstheorie der Gegenwart», констатирует, что английская литература за последние десятилетия крайне бедна работами по теоретической экономике. Он иронически замечает, что те писатели, которые политическую экономию превра-

¹ A. Pigou, Socialism versus capitalism, 1937, p. 137.

² Там же, стр. 99—100.

³ A. Pigou, Presidential Address, «Economic Journal», 1939, June, p. 221.

тили в доходную статью, ограничиваются чрезмерным производством учебников, не обогащающих науку и не вносящих какого-нибудь улучшения по сравнению со старыми учебниками. На примере обсуждения проблемы прибыли Гигс иллюстрирует «большое равнодушие нашего времени к теоретическим исследованиям»¹.

В буржуазной литературе преобладают жалобы на практическое бесплодие политической экономии, на ее оторванность от жизни, на ее неспособность дать ответ на острые актуальные проблемы современности.

А. Юнг в своей вступительной лекции по политической экономии в Лондонском университете подчеркивает, что эта наука находится еще в детском состоянии. Мир, говорит он, выдвигает перед экономистами больше вопросов, чем когда бы то ни было, и ставит их все более настойчиво. На старые вопросы экономисты, по словам Юнга, могут еще с грехом пополам найти ответ. Что же касается новых вопросов, то в этой области экономист чувствует себя не на много сильнее чем не экономист².

Наиболее подробно различные жалобы на политическую экономию в буржуазной литературе систематизированы в книге Уоттон «Lament for economics», специально посвященной этому вопросу. Уоттон отмечает пять обвинений, выдвинутых в литературе против политической экономии: во-первых, она бесполезна для практиков; во-вторых, недоступна для неспециалистов; в-третьих, среди экономистов нет единодушия в решении основных вопросов; в-четвертых, экономисты игнорируют реальную действительность и анализируют гипотетические схемы; в-пятых, они занимаются апологетикой существующего строя. Уоттон, рассмотрев все эти обвинения, задает вопрос — можно ли политическую экономию рассматривать как науку, при этом она обходит молчанием наличие подлинно научной марксистско-ленинской политической экономии. Вывод, который делает Уоттон, весьма неутешителен: экономисты, которых подозревают в шарлатанстве, не имеют права претендовать на почетный титул ученых; для таких претензий требуется достаточное обоснование³. Нет нужды добавлять, что современные буржуазные экономисты меньше всего способны дать подобное обоснование.

Уоттон иронически замечает, что с точки зрения самой кембриджской школы, с точки зрения ее теории цены и рыночного равновесия труд, затраченный на разработку экономической теории, является трудом, весьма нерационально затраченным, ибо рынок крайне равнодушен к услугам профессиональных экономистов и предъявляет очень незначительный спрос на эти услуги⁴.

Книга Уоттон вызвала ряд откликов. Некоторые рецензенты высказали опасение, что подобные работы могут дискредитировать авторитет ученых экономистов среди читающей публики. В этом отношении типична рецензия Фрезера в «Economic Journal». Фрезер предлагает заключить договор между экономистами и их «критиками». Хотя текст этого договора написан в юмористических тонах, но он дает некоторое представление о настроениях, наблюдающихся среди английских буржуазных экономистов. Тайная цель договора, предлагаемого Фрезером, выражена в седьмом пункте, который гласит: «Обе стороны обязуются дискутировать таким путем, чтобы не уро-

¹ «Wirtschaftstheorie der Gegenwart», Bd. I, S. 69—70.

² «Economica», 1928, March, p. 1.

³ Wootton, Lament for economics, London, 1937, p. 111.

⁴ Там же, стр. 179.

нить положение политической экономии в глазах читающей публики»¹.

Рост недовольства современной вульгарной политической экономией со стороны буржуазной публики не случаен. Он обусловлен теми же причинами, которые породили все усиливающийся разброд и растерянность среди виднейших буржуазных экономистов Запада. Это один из признаков кризиса буржуазной политической экономии, который в свою очередь является результатом общего кризиса капитализма.

Вульгарная политическая экономия, господствовавшая в буржуазных университетах до самого недавнего времени, в частности доктрина кембриджской школы, сформировалась в эпоху капитализма свободной конкуренции. При всем разнообразии отдельных вариантов через все эти вульгарные «теории» (или во всяком случае через подавляющее большинство) красной нитью проходила одна центральная идея — о благодетельной роли стихийного механизма регулирования производства. Идея «laissez faire», провозглашенная еще Гурнэ в XVIII в., составляла краеугольный камень, основу основ всей буржуазной апологетики.

Господство кембриджской школы означало господство идей экономического либерализма. Маршалл принципиально отвергал государственное вмешательство в экономическую жизнь. В одной из своих статей он объявляет попытки государственного вмешательства в деятельность предприятий угрозой социальному прогрессу и анти-социальными действиями². Вся полемика Маршалла с социалистами, все его многочисленные выпады против социалистов опирались на апологетику системы «laissez faire, laissez passer», на восхваление якобы благодетельных результатов стихийной игры спроса и предложения.

Переход к империализму вначале еще не вызвал в Англии пересмотра методов экономической апологетики и всей структуры политической экономии. Апологеты капитализма старались также замазать новые факты господства монополий, как они прежде замазывали и продолжали замазывать наличие классовых противоречий между рабочими и капиталистами. Апологетика капитализма на его империалистической стадии строилась на основе тех же методов, как и апологетика капитализма свободной конкуренции.

Наступление общего кризиса капитализма не могло не вызвать коренных изменений в этой области. Особое влияние оказал мировой экономический кризис 1929—1933 гг., вызвавший небывалое потрясение всей хозяйственной жизни капиталистического мира. Временная стабилизация капитализма кончилась. Потрясение стало катастрофическим. Этот факт вынуждены были признать многочисленные буржуазные общественные деятели — политики и экономисты.

На новом этапе центральная задача, стоящая перед вульгарными экономистами, состоит уже не в том, чтобы оправдать капитализм, а в том, чтобы спасти его от гибели. Восхваление чисто автоматического действия рыночных законов не может уже удовлетворить теперь буржуазию. Она требует сейчас от своих ученых лакеев уже не пассивного любования игрой спроса и предложения на рынке; она требует «планов», проектов активного вмешательства в хозяйственную жизнь для того, чтобы ослабить кризисы. Буржуазия понимает также, что старые методы обмана масс путем замалчивания, замазывания капиталистических противоречий потеряли теперь свою

¹ L. T. Gasier, *Economists and their critics*, «Economic Journal», 1938, p. 209.

² «Memorials of Alfred Marschall», p. 338—339.

эффективность. Нельзя внушать массам, что кризис — случайный перебой в капиталистическом механизме; нельзя игнорировать громадную безработицу, приобретшую застойный характер; нельзя объявлять массам, что капиталистическое «сегодня» прекрасно и не оставляет желать лучшего. Сейчас основная задача апологетики капитализма состоит в том, чтобы заставить массы поверить в возможность выхода из капиталистического ада при помощи капиталистических методов, чтобы создать иллюзию надежды на то, что хотя капиталистическое «сегодня» и тяжело, но оно не безнадежно. Таковы новые задачи апологетики капитализма, которые неизбежно вырастают из катастрофического состояния самого капитализма. Старый аппарат вульгарной экономии оказывается неспособным решить эти новые задачи. Отсюда — учащающиеся жалобы на бесплодие политической экономии, на ее оторванность от действительности. Отсюда — растерянность и разброд среди буржуазных экономистов.

Новые задачи апологетики капитализма требуют пересмотра структуры буржуазной политической экономии. Старая вульгарная политическая экономия уделяла основное внимание рассмотрению стихийной игры спроса и предложения, она стремилась втиснуть все экономические процессы в сферу обращения, она выдвигала во главу угла идею рыночного равновесия. Менгер, Бем-Баверк, Вальрас, Маршалл, Кларк и другие «властители дум» вульгарной экономии всячески старались вытравить из нее понятия классов и классовой борьбы. Отношения между классами подменялись отношениями между изолированными участниками обмена. Вместо рабочих, капиталистов, землевладельцев в идиллической картине, нарисованной Маршаллом и родственными ему экономистами, выступали просто «хозяйствующие субъекты», продающие свои услуги и стоящие очень далеко от какой бы то ни было социально-политической борьбы.

Вся эта апологетика капитализма была пронизана индивидуалистической, субъективистической методологией. Последняя была подчинена одной центральной задаче апологетики — отвлечь внимание масс от социальных противоречий. В связи с этим вульгарная экономия рядилась в тогу аполитичности, беспартийности, нейтральности, хотя фактически она выполняла определенный классовый заказ буржуазии и, конечно, не могла стоять в стороне от политической борьбы.

В обстановке общего кризиса капитализма вопросы кризисов, безработицы, расстройства денежного обращения приобрели такую остроту, что их нельзя не только замалчивать, но и отодвигать на задний план. Поэтому современная вульгарная экономия должна отказаться от прежней тактики замалчивания социальных противоречий. Она должна заняться изготовлением каких-то новых социальных рецептов и проектов, которые можно было бы противопоставить коммунистической пропаганде. Сейчас буржуазии нужны экономические работы, которые сочетали бы апологетику капитализма с большой дозой социальной демагогии. Последняя в частности выражается в показной критике экономистов, занимающихся апологетикой, в чисто словесной критике капитализма, в подчеркивании своей преданности интересам трудящихся. Сейчас не в моде также рядиться в тогу аполитичности и нейтральности. Буржуазия требует от экономических работ, чтобы они были боевыми, непосредственно направленными против коммунистической пропаганды, чтобы они коммунистическим предложениям противопоставляли свои предложения по актуальным вопросам современности.

В этой связи представляет интерес полемика вокруг книги проф. Роббинса «An essay on the nature and significance of economic

science». Роббинс является сторонником идей австрийской школы. Основным критерием экономической деятельности он считает редкость благ и выбор наиболее эффективного использования данного запаса благ. Поэтому он считает, что политическая экономия должна уделять главное внимание вопросам субъективных оценок и ценообразования. Роббинс — сторонник максимального ограничения государственного вмешательства в экономическую жизнь. Это один из представителей вульгарной политической экономии старого типа. Его формулировки весьма заострены. Так, он прямо формулирует вывод о нейтральности политической экономии; последняя, говорит он, не диктует никаких норм, которые были бы обязательны для политика: она, мол, неспособна решить вопрос о желательности различных хозяйственных целей¹.

Заявление Роббинса о нейтральности политической экономии, конечно, фальшиво. Сам автор этой «теории» стремится использовать политическую экономию для критики планового хозяйства. Он стремится «обосновать» положение, что плановое хозяйство всегда является менее эффективным, нежели стихийное хозяйство². Но нас в данном случае интересует не эта сторона вопроса. Интересно, какие отклики встретила работа Роббинса среди буржуазных экономистов. На Роббинса после выхода его книги посыпались обвинения, что он оставляет вне компетенции политической экономии самые жгучие проблемы современности. Автор рецензии на эту книгу в американском журнале, Соутер, прямо обвиняет Роббинса в «научной беспартийности»³. Он указывает, что теперь нельзя бороться с марксизмом при помощи детских игрушек австрийской школы. Соутер объявляет старую доктрину «интеллектуальным банкротом». Она не может стать «оплотом, способным противостоять медленному и всепожирающему наступлению растущей коммунистической и коллективистической теории»⁴. Соутер призывает к созданию особой «нормативной экономии», которая диктовала бы правила поведения общества и намечала практические решения злободневных социально-экономических вопросов, очевидно в духе наиболее реакционных и империалистических кругов буржуазии.

Буржуазная политическая экономия пока находится в полосе искажения новых «теорий», которые могли бы отвечать всем новым задачам апологетики капитализма. Наиболее крупной попыткой такого рода является книга известного английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса «The General theory of employment, interest and money», вышедшая в 1936 г. Кейнс — один из самых крупных буржуазных экономистов современности, автор известных трудов о Версальском мире. Ленин говорил:

«Никто не описал так хорошо Версальского договора, как это сделал в своей книжке Кейнс...»⁵. В своем докладе на II конгрессе Коминтерна Ленин подчеркнул поучительность выводов Кейнса, поскольку их «...делает заведомый буржуа, беспощадный противник большевизма, который он себе рисует, как английский мещанин, в уродливом, свирепом, зверском виде»⁶.

Характеристика, данная Лениным, блестяще подтвердилась последующими писаниями Кейнса. В статье «A Short view of Russia»,

¹ Lionel Robbins, An essay on the nature and significance of economic Science. Second edition, 1935, p. 152.

² Lionel Robbins, Economic Planning and international order, 1937, p. 59.

³ «Quarterly Journal of economics», 1933, May, p. 409.

⁴ Там же, стр. 413.

⁵ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 506.

⁶ Там же, стр. 334.

излагающей впечатления Кейнса от пребывания в СССР в 1925 г., очень ярко сказалось это его мещанство. Он не заметил гигантских новых процессов, происходящих в СССР. И единственное «оригинальное» открытие, которое он сделал, заключается в том, что ленинизм представляет собой... новую религию¹. Это «открытие» дает представление о степени понимания Кейнсом проблем социалистического строительства в СССР.

Ни одна книга буржуазного экономиста за последние десятилетия не получила столько откликов и не вызвала такой оживленной полемики, как эта книга Кейнса. Не только в Англии, но и в Германии, США, Франции и других странах об этой работе возникла большая литература. Наряду с резкой критикой книга Кейнса вызвала восторженные отзывы. Образовалась даже школа его последователей — Joan Robinson, Harrod, Mead, Knight и другие. Альфред Аммон в своей статье, посвященной работе Кейнса, расценивает ее как новый этап в политической экономии и ставит ее в один ряд с «Экономической таблицей» Кенэ и «Богатством народов» Смита². Известный лейбористский теоретик Коля писал в «New-Statesman» (от 15 февраля 1936 г.), что «эта новая книга есть наиболее важное экономическое произведение после «Капитала» или, если сравнивать только классиков, после «Начал» Рикардо». Конечно, все эти восторженные оценки не имеют под собой никакой почвы. Буржуазная политическая экономия давным-давно, еще с 30-х годов прошлого столетия, перестала быть научной и превратилась в лженауку. Интерес книги Кейнса заключается в том, что автор пытается перестроить вульгарную политическую экономию под углом зрения новых задач, стоящих перед буржуазной апологетикой. В этом отношении книга Кейнса больше, чем какая-нибудь другая современная экономическая работа, способна дать представление о новых тенденциях в буржуазной политической экономии, о кризисе, переживаемом последней.

Центральная задача, которую поставил перед собой Кейнс в своей работе, состоит в том, чтобы внушить массам веру в возможность выхода из современного капиталистического ада при сохранении основ капиталистического строя. Кейнс выдвигает свой «план» устранения безработицы и установления, по его терминологии, «полной занятости». Он видит коренной недостаток старой доктрины, т. е. кембриджской школы, в том, что последняя надеялась на автоматическое установление «полной занятости» в силу стихийной игры спроса-предложения на рынке труда. Кейнс полагает, что эта задача не может быть разрешена без активного вмешательства государства.

Интерес, который вызвала к себе книга Кейнса, объясняется не тем, что он выдвинул новый проект спасения капитализма и ликвидации безработицы. Подобных никчемных проектов за последние годы было выдвинуто очень много. Своеобразие Кейнса состоит в том, что он попытался подвести какую-то теоретическую базу под эти проекты, что он под этим углом зрения попытался пересмотреть важнейшие положения старой вульгарной политической экономии.

Кейнсова общая теория занятости, как он ее называет, ставит своей задачей выяснить условия, определяющие размеры занятости рабочих. Перед кембриджской школой не стояла такая проблема. Маршалл и его ученики исходили из того, что вся рабочая сила (или, по их терминологии, весь труд) занята в процессе производ-

¹ John Maynard Keynes, *Essays in persuasion*, 1931, p. 297.

² «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», Bd. 147, H. 1, 1938, Januar, S. 4—5.

ства, что она является редким благом, имеющимся в недостаточном количестве, что в этой редкости рабочей силы следует искать основной источник ее стоимости. С этой точки зрения безработица представляет собой совершенно случайное явление, обусловленное временными причинами, недостаточной подвижностью рабочих или нежеланием их работать. Самая безработица при такой трактовке выступает как добровольный акт.

Суть «открытия», сделанного Кейнсом, заключается в том, что существует также недобровольная безработица, когда рабочие не работают не потому, что не хотят работать, а потому, что нет работы. Из учения Кейнса вытекает вывод, что политическая экономия не имеет права абстрагироваться от такого неприятного факта как безработица, что последняя не является каким-то случайным фактом, что необходимо отвергнуть предпосылку кембриджской школы о «редкости труда», о недостаточности трудовых ресурсов по сравнению с потребностями капиталистического общества. Понадобился мировой экономический кризис 1929—1933 гг. для того, чтобы современная буржуазная политическая экономия в лице Кейнса признала существование неслучайного явления в условиях капитализма — безработицы.

Перед лицом небывалого по своей силе экономического кризиса буржуазные экономисты вынуждены признавать некоторые неприятные истины. Так, например, ближайшая последовательница Кейнса, Робинсон, вынуждена признать, что капитализму невыгодно полное уничтожение безработицы¹. Она с гордостью заявляет о своем открытии нового вида безработицы «disguised unemployment»², который в действительности давно был открыт Марксом и назван им «скрытым перенаселением».

Основное возражение Кейнса против кембриджской школы состоит в том, что все ее важнейшие выводы применимы только к частному случаю, когда существует «полная занятость», т. е. когда нет безработицы. Кейнс на всем протяжении своей книги стремится показать, как отдельные положения кембриджской школы, правильные, по его мнению, для случая «полной занятости», модифицируются при переходе к случаям «неполной занятости». В качестве иллюстрации подхода Кейнса приведем его трактовку количественной теории денег. Он полагает, что при наличии безработицы занятость растет в той же степени, в какой растет количество денег. В случае же «полной занятости» изменение количества денег, по Кейнсу, влияет непосредственно на общий уровень цен в духе количественной теории денег. Кейнс пытается пересмотреть под углом зрения своего учения о занятости и самое понятие инфляции. Он вводит особое понятие «истинной инфляции». Последняя имеет место лишь в том случае, когда вся рабочая сила оказывается вовлеченной в производство, когда осуществляется «полная занятость».

Таким образом, проблему безработицы и методов борьбы с ней Кейнс считает центральной проблемой политической экономии. Его теория занятости ставит своей целью объяснить причины существования «недобровольной безработицы». Чтобы вскрыть эти причины, Кейнс стремится выяснить условия, определяющие общий размер общественного производства. Он пытается как-то пробиться к теории воспроизводства общественного капитала, хотя у него отсутствует понятие воспроизводства. Его «теория занятости» есть по существу попытка показать взаимную связь общественного производства, на-

¹ Joan Robinson, *Essays in the theory of employment*, 1937, p. 30, ff.

² Там же, p. 84 ff.

копления капитала и потребления. Он всюду подчеркивает, что необходимо рассматривать не индивидуальные спрос и предложение, а движение спроса и предложения всего общества в целом. В этом он видит одно из основных отличий своего учения от традиционного учения кембриджской школы¹. Но все попытки Кейнса остаются безуспешными. Над ним, как над чистокровным буржуазным экономистом, продолжает довлеть груз всего «наследства» вульгарной политической экономии. Кейнс целиком принимает вульгарную и апологетическую теорию производительности в отношении заработной платы. Прибыль он рассматривает как продукт производительности капитала, т. е. он продолжает оставаться на позициях патриарха вульгарной политической экономии, Ж.-Б. Сэя. В его работах нигде нет высказываний по вопросам теории стоимости. Очевидно он не считает нужным вносить что-либо новое, целиком солидаризируясь в этой области со своим учителем Маршаллом. Отвергая теорию прибавочной стоимости, учение о постоянном и переменном капитале, о влиянии роста органического строения капитала на положение рабочего класса, Кейнс с самого начала лишает себя возможности объяснить подлинные причины безработицы. То объяснение, которое он все же дает, вращается в кругу вульгарных представлений субъективной школы. Общие размеры занятости, как и вся экономическая жизнь, по мнению Кейнса, определяются тремя факторами, причем все они обусловлены индивидуальными мотивами, склонностями, потребностями и могут быть объяснены лишь на основе анализа индивидуальной психологии. К этим психологическим факторам Кейнс относит, во-первых, стремление к потреблению; во-вторых, ожидание доходов от капитала, определяющее в его трактовке производительность капитала; в-третьих, стремление держать капиталы в ликвидной форме (в форме наличных денег), определяющее, по его мнению, уровень процента. Решающее значение Кейнс приписывает первому фактору. Он формулирует найденный им «закон», который якобы имеет фундаментальное значение для объяснения кризисов. Сущность этого закона заключается в том, что потребитель, по мере увеличения своего дохода, хотя и увеличивает свои затраты на текущее потребление, но увеличивает их не в той мере, в какой растет его доход.

В буржуазной литературе была дана весьма детальная критика нового «закона», открытого Кейнсом² (кстати сказать, он не дает никакого обоснования своего «закона»). Это положение Кейнс первоначально выводит в отношении отдельного хозяйствующего субъекта, а затем распространяет на все общество. Но нужно отметить, что закон Кейнса неприменим к основной массе населения — к рабочим, крестьянам, ремесленникам, мелким торговцам и т. п., доход которых с трудом покрывает основные жизненные потребности. Рост дохода для этих категорий населения вызывает соответственный рост потребления. По этой же причине «закон» Кейнса неприменим к движению общественного дохода и потребления в целом.

При более внимательном рассмотрении «закон» Кейнса оказывается реставрацией весьма старой вульгарной теории Мальтуса о необходимости форсирования непроизводительного потребления.

¹ J. M. Keynes, The general theory of employment, «Quarterly Journal of economics», 1937, p. 218.

² Например, в статье Аммона о книге Кейнса («Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», Bd. 147, H. 2, S. 154—155), в статье Elizabeth W. Gilloy, The propensity consume («Quarterly Journal of Economics», 1938, November) приводится большой материал из американских монографических исследований по вопросам потребления. Из этого материала видно, что установленная Кейнсом закономерность имеет место лишь в очень ограниченном числе случаев.

Кейнс счел своим долгом поднять на щит эту давным-давно дискредитированную теорию, с которой Мальтус выступил в защиту аристократических паразитов и прожигателей жизни. Кейнс всячески стремится показать огромный народнохозяйственный вред, являющийся следствием тенденции к чрезмерному сбережению. Подобно Мальтусу, Кейнс рассматривает рост расточительного потребления как одно из наиболее эффективных средств в борьбе с кризисом и безработицей.

Всячески пропагандируя народнохозяйственное значение непроизводительного потребления с точки зрения увеличения занятости рабочей силы, Кейнс не боится вносить весьма парадоксальные предложения. Так, в качестве чрезвычайно полезной с народнохозяйственной точки зрения операции он рекомендует эмиссионному банку наполнить бутылки банкнотами, зарыть их глубоко в заброшенных угольных шахтах и затем организовать крупные промышленные работы по раскопке этих бутылок и «добыче» банкнот¹. Предложение Кейнса режет наш слух, но для капиталистического мира оно не является столь экстравагантным. В капиталистических странах выдвигалось немало подобных предложений, направленных к разрушению существующих производительных сил, к выполнению совершенно бесцельных работ и т. п. Приведенное выше предложение Кейнса нельзя рассматривать просто как прием буржуазного экономиста, решившего обратить на себя внимание сногшибательными парадоксами; оно преследует и совершенно определенные политические цели. Несколькими строками выше Кейнс отмечает, что строительство пирамид, землетрясения, даже войны могли бы служить источником обогащения, если бы экономическое образование буржуазных государственных деятелей было лучше поставлено. В этой тираде заслуживают особого внимания знаменательные слова Кейнса о войне как источнике роста народного богатства. Кейнс и в этом вопросе не проявил большой оригинальности. Еще Мальтус старался представить войны как благодетельное средство борьбы с перенаселением. Кейнс далек от грубой откровенности Мальтуса. Но вся его апологетика непроизводительного потребления непосредственно подводит к восхвалению благотворного значения войны для борьбы с кризисами и безработицей. Империалистические устремления английского капитала, таким образом, отчетливо проглядывают в идеологии Кейнса.

В своем «объяснении» безработицы Кейнс наряду с недопотреблением господствующих классов весьма видное место уделяет высокой норме процента. Он рассматривает уровень процента как один из важнейших факторов, определяющих размеры инвестиций и общие масштабы общественного производства. В своем «обосновании» этого положения Кейнс целиком опирается на вульгарную теорию предельной производительности капитала, принятую кембриджской школой. Истоки этой теории в триединой формуле Сэя. Капиталистический предприниматель, по мнению Кейнса, расширяет производство до тех пор, пока предельная производительность капитала становится равной проценту. Чем ниже процент, тем большие возможности имеются для расширения производства. Кейнс особо подчеркивает то обстоятельство, что в XIX в. предельная производительность капитала была выше, чем в настоящее время. Это объясняется с его точки зрения более быстрым ростом населения, развитием техники благодаря ряду открытий, интенсивным расширением рынка на основе вовлечения новых стран, лучшим состоянием кредита, учащением войн (последний аргумент противоречит историческим фактам, но он

¹ J. M. Keynes, The general theory of employment, p. 129.

весьма характерен для Кейнса). Тогда, утверждает Кейнс, удовлетворительный уровень занятости рабочей силы мог быть достигнут при наличии сравнительно высокого процента, поскольку производительность капитала была высокой. В настоящее время вопрос об уровне процента является неизмеримо более острым.

Проблема изыскания методов снижения процента, по мнению Кейнса, является одной из центральных, если не решающей проблемой экономической политики современных буржуазных государств. Кейнс особенно подчеркивает в противовес господствующей доктрине кембриджской школы, что размеры занятости и уровень процентной ставки не могут регулироваться автоматически на основе стихийной игры спроса-предложения. «Полная занятость» и процентная ставка, обеспечивающая соответственный размер общественного производства, должны регулироваться государством путем широкого вмешательства последнего в хозяйственную жизнь. В этом пункте проходит основной водораздел между теорией Кейнса и кембриджской школой. Кейнс отбрасывает политику «laissez faire, laissez passer» как политику, неспособную обеспечить состояние «полной занятости». В противовес политике невмешательства государства в хозяйственную жизнь Кейнс выдвигает политику широкого внедрения государственного капитализма.

«План» практических мероприятий набросан Кейнсом в самых общих чертах. Кейнс выдвигает два основных мероприятия для предупреждения кризисов и осуществления «полной занятости» — форсирование личного потребления и усиление инвестиций путем всякого рода общественных работ, а также при помощи государственного регулирования процентной ставки. Особое значение он приписывает второму средству. По существу Кейнс становится на позиции государственного регулирования инвестиций. «Я думаю,— пишет он,— что всеохватывающее огосударствление инвестиций является единственным средством для достижения приближения к полной занятости»¹. Чтобы облегчить инвестицию капиталов, необходимо снизить процентную ставку. Для Кейнса идеальное состояние наступает тогда, когда процентная ставка будет равна нулю. В связи с этим он ставит вопрос о медленном отмирании капиталистов-рантье. «Я рассматриваю,— пишет он,— рантьерскую фазу капитализма как переходящую фазу, которая должна исчезнуть, когда ее назначение будет целиком выполнено»². Кейнс предусмотрительно говорит об «эвтаназии рантье», о медленном отмирании этой группы капиталистического класса. Он всячески предупреждает читателя от вывода об экспроприации революционным путем капиталов, принадлежащих рантье. Для эвтаназии рантье, подчеркивает он, не требуется никакой революции³.

«План» мероприятий, предлагаемый Кейнсом, преследует цель, с одной стороны, создать видимость, будто автор выступает против капитала, а с другой — отвлечь внимание рабочих от подлинной серьезной борьбы с капиталом. Кейнс является сторонником отмирания только процента. Прибыль, по его мнению, должна сохраниться и после отмирания процента в виде оплаты капиталиста за его якобы высококвалифицированные услуги⁴.

В действительности процент представляет лишь часть средней прибыли. Источник ссудного процента и предпринимательского дохода

¹ J. M. Keynes, The general theory of employment, p. 378.

² Там же, стр. 376.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 220—221.

один и тот же: он коренится в эксплуатации рабочих, в присвоении их прибавочного труда. Распадение средней прибыли на ссудный процент и предпринимательский доход определяется соотношением спроса и предложения на ссудный капитал. Здесь нет какой-то внутренней нормы, как показал Маркс. Кейнс в данном случае повторяет избитый прием буржуазных апологетов, которые всячески стараются затушевать единство составных частей прибыли, которые стремятся представить предпринимательский доход как заработную плату капиталиста за его «работу», а процент — как результат производительности капитала.

«План» Кейнса направлен, конечно, не против банковского капитала, который в эпоху империализма срачивается с промышленным и выступает в качестве органической части финансового капитала. Финансовые магнаты большей частью заинтересованы в существовании низкой процентной ставки, обеспечивающей им дешевый кредит и более выгодное использование средств государства и населения. Предложения Кейнса направлены преимущественно против мелкой и средней буржуазии. За счет последней он ищет средств к укреплению капиталистического строя. «Эвтаназия рантье» на языке Кейнса означает замаскированное и подслащенное требование медленного ограбления мелких вкладчиков, мелких и средних рантье в интересах финансового капитала.

Кейнс выдвигает также в качестве средства борьбы с безработицей требование форсирования потребления. В этой части он весьма искусно применяет социальную демагогию, выступая с показной критикой капитализма. Он считает крупнейшим дефектом современного капитализма недостаточный рост потребления; чтобы создать видимость, будто он стоит на стороне трудящихся масс. Кейнс выдвигает положение, что некоторое смягчение имущественного неравенства при помощи различных мероприятий экономической политики могло бы стимулировать рост потребления. Вся эта критика Кейнса и его предложения не носят, конечно, серьезного характера. Кейнс меньше всего заботится о том, чтобы добиться известного перераспределения средств в пользу рабочих и перенесения некоторых тягот на капиталистов. Он прежде всего считает нужным подчеркнуть, что «значительное неравенство в распределении доходов и богатства является оправданным социально и психологически»¹. Он выступает не вообще против неравенства и даже не против значительного неравенства, а только против очень значительного неравенства, а так как грани между значительным и очень значительным неравенством крайне трудно установить, то вся постановка Кейнса является чисто софистической и оставляет широкую лазейку для звучащих весьма громко, но вместе с тем бессодержательно, обещаний.

Существо предложения Кейнса о необходимости расширения потребления заключается в том, чтобы максимально форсировать непроизводительное потребление, т. е. потребление господствующих классов и в первую очередь военное потребление.

В весьма замаскированной форме Кейнс старается «теоретически» оправдать политику так называемого национального правительства, начавшего с момента своей организации в 1931 г. интенсивнейшую подготовку войны. Военные расходы, составлявшие в 1932—1933 гг. 12,9% общего бюджета, достигли в 1937/38 г. 32,3%. Военный бюджет на 1939/40 г. был утвержден в общей сумме в 756 млн. ф. ст., превысив почти в три раза бюджет 1937 г., в 7 раз бюджет 1932 г., в 12 раз бюджет 1929/30 г.

¹ J. M. Keynes, The general theory of employment, p. 374.

Подлинный смысл предложения Кейнса о необходимости форсирования потребления особенно ясно выступает в свете второй империалистической войны. В ноябре 1939 г. Кейнс выступил в «Times» с проектом финансирования в Англии войны. Кейнс предложил правительству делать в течение войны систематические вычеты из доходов всех граждан Англии (этот же проект он изложил в декабрьской книжке «Economist Journal» за 1939 г.). Из сумм, полученных таким путем, должны быть уплачены прямые налоги по существующей шкале, а остаток должен быть закредитован на текущем счете получателя доходов в банке. До окончания войны получатель доходов не может распоряжаться этими суммами. Предложение Кейнса, обрекающее население Англии на принудительное сбережение в интересах финансирования войны, неизбежно должно привести к резкому снижению жизненного уровня рабочих. «Economist», сочувственно излагая предложение Кейнса, меланхолично заявляет, что это предложение неизбежно натолкнется на сильное сопротивление профсоюзов. «Пока ничто не указывает на то, — пишет «Economist», — что они (т. е. профсоюзы. — И. Б.) отклонились от позиции, при которой что бы ни случилось с кем-либо другим, жизненный уровень их членов должен остаться неприкосновенным»¹.

Последнее предложение Кейнса лишней раз показывает, что его больше всего интересует, конечно, не рост личного потребления масс, а возможность прямого воздействия государства на личное потребление в интересах форсирования военного, т. е. непроизводительного, потребления.

«План» спасения капитализма, предлагаемый Кейнсом, как и все многочисленные планы подобного рода, является утопией. «Полная занятость», о которой говорит Кейнс, означает ликвидацию безработицы. Но ликвидация безработицы немыслима в капиталистическом обществе. Резервная армия безработных, как показал Маркс, — необходимое условие капиталистического расширенного воспроизводства. Товарищ Сталин говорит: «...ни один капиталист никогда и ни за что не согласится на полную ликвидацию безработицы, на уничтожение резервной армии безработных, назначение которой — давить на рынок труда, обеспечивать дешевле оплачиваемые рабочие руки»². В условиях общего кризиса капитализма безработица возрастает в огромных размерах. Резервная армия безработных превращается в постоянную. Полная ликвидация безработицы возможна только в социалистическом обществе. И Кейнс своим учением о «полной занятости» стремится отвлечь внимание рабочих от революционных задач, создать у них иллюзию возможности устранения безработицы в капиталистическом обществе.

В действительности программа мероприятий, предлагаемых Кейнсом, направлена своим острием против рабочего класса. На это обстоятельство совершенно правильно обратил внимание Кучинский в своей работе о новых теориях заработной платы³. Глава, посвященная Кейнсу, носит весьма характерный заголовок — «абсолютно новая теория, в совершенстве приспособленная для антирабочего диктатора: мистер Кейнс и мистрис Робинсон». Для понимания подлинных намерений Кейнса весьма существенное значение имеет его положение о том, что номинальная и реальная заработные платы движутся в противоположном направлении: рост номинальной заработной платы обычно сопровождается снижением реальной заработной платы.

¹ «The economist», 18 November, 1939, p. 246.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 600.

³ Jurgen Kuczynski, New fashions in wage theory, p. 36—37.

Борьба рабочих, по мнению Кейнса, в основном концентрируется вокруг вопроса о номинальной заработной плате. Состояние «полной занятости», хотя и предполагает, по идее Кейнса, стабильную номинальную заработную плату, в то же время влечет за собой снижение реальной заработной платы. Программа Кейнса связана с развитием инфляционного хозяйства, что неизбежно должно привести к снижению реальной заработной платы. Таким образом, программа Кейнса означает попытку укрепления диктатуры финансового капитала за счет рабочего класса, за счет мелкой и средней буржуазии.

При рассмотрении учения Кейнса необходимо отметить еще один весьма существенный момент. Кейнс является сторонником значительного развертывания государственного капитализма. Его учение является попыткой обосновать необходимость и целесообразность государственного регулирования инвестиций. Нужно отметить, что последнее десятилетие характеризуется для Англии все усиливающимся вмешательством государства в хозяйственную жизнь в интересах укрепления монополий. Особенно ярко это вмешательство государства проявилось в угольной промышленности, где в 1930 г. было проведено принудительное картелирование. В книге американского профессора Arthur Lucas «Industrial reconstruction and the control of competition» даны многочисленные иллюстрации попыток английского правительства за последние годы прийти на помощь монополиям в их борьбе с аутсайдерами и иностранной конкуренцией. За последние годы в Англии неоднократно выдвигались проекты усиления государственного контроля над промышленностью в целях ослабления конкуренции.

Все подобного рода предложения имеют своей целью прежде всего усиленное финансирование монополистического капитала за счет государственных средств, т. е. за счет средств, полученных от народных масс. Не случайно за последние годы субсидии крупным капиталистам заняли такое видное место в английском бюджете. Аппетит приходит во время еды. Требования субсидий для монополистического капитала все время увеличиваются.

Предложения об усилении государственного контроля над промышленностью преследуют еще одну цель, которая выступает особенно явно в свете начавшейся европейской войны. Усиление государственного вмешательства и контроля рассматривается также как необходимое средство для усиления военной мощи Англии, как средство сделать народное хозяйство более пригодным для осуществления империалистических замыслов английской буржуазии. Это обстоятельство проливает новый свет на учение Кейнса. Последний всячески избегает вопросов об империализме и военных конфликтах. В заключительной части своей книги Кейнс старается представить дело так, будто его практические предложения должны предотвратить опасность империалистических войн, поскольку последние вызваны якобы стремлением расширить территорию с тем, чтобы дать приложение избыточной рабочей силе. Кейнс предлагает осуществить «полную занятость», чтобы не было поводов вести империалистические войны. Подобного рода аргументация рассчитана на то, чтобы скрыть подлинные империалистические цели английской буржуазии.

В заключительной главе своей книги Кейнс очень сочувственно отзывается о некоем Гезелли, выдвинувшем свой проект спасения капитализма. Основную цель книги Гезелли Кейнс усматривает в создании антимакистского социализма¹, причем он считает эту задачу

¹ J. M. Keynes, The general theory of employment, interest and money, p. 317—318.

очень важной и вполне правильной. Его собственная книга преследует аналогичную цель — создать барьер, отгораживающий массы от марксизма, отвлечь их внимание от подлинных виновников бедственного положения трудящихся.

Теория Кейнса по своему существу является апологетической. Но Кейнс стремится замаскировать эту свою сущность, выступая с критикой апологетики кембриджской школы. В одном месте своей книги он сравнивает представителей последней с Кандидом, утверждавшим, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров¹. Это своеобразный маневр, рассчитанный на то, чтобы обмануть читателя. Особенно искусно применяет этот маневр последовательница Кейнса — Робинсон. Она написала весьма красноречивую статью, в которой доказывает, что главной темой Маршалла является оправдание существующего строя².

Этот маневр обманул некоторых, в виде исключения добросовестных, буржуазных экономистов, которые попытались даже установить точки соприкосновения между Марксом и Кейнсом³. Кейнс и его последователи в действительности являются апологетами капитализма. Их критика буржуазных экономистов типа Маршалла есть критика старых форм апологетики, оказавшихся непригодными в обстановке общего кризиса капитализма. В отличие от значительного числа буржуазных экономистов Кейнс не игнорирует безработицы, а подчеркивает ее огромное значение, превращает ее в центральную проблему политической экономии. Нужно, однако, отметить, что это вынужденное признание обанкротившегося класса, чувствующего, как почва уходит из-под его ног. Сколько-нибудь серьезный буржуазный экономист не может теперь заниматься восхвалением капитализма с самоуверенным видом, свойственным апологетам в XIX столетии, когда капитализм уверенно шел в гору. Сейчас в высказываниях буржуазных экономистов очень часто чувствуется растерянность, большая тревога за ближайшее будущее своего класса, неуверенность в завтрашнем дне, стремление предупредить надвигающуюся катастрофу. Горькие истины капиталистической действительности, которые вынужден изрекать Кейнс, являются не результатом научной добросовестности Кейнса, а отражением катастрофического положения капитализма. Кейнс и его последователи — идеологи буржуазии, находящейся на грани банкротства. Они выступают в обстановке, когда классовые противоречия достигают наибольшего обострения.

Учение Кейнса, отражающее новые формы идеологического обмана масс, соответствующие эпохе общего кризиса капитализма, встретило весьма радужный прием у лейбористов. Со стороны последних были даже сделаны попытки истолковать учение Кейнса как новую теоретическую базу лейбористского движения. Этому посвящена специальная работа A. Z. Rowse, «Mr. Keynes and the Labour movement». Автор этой работы задает вопрос: «Что отделяет Кейнса от современного рабочего движения?», на который тут же категорически отвечает: «Ничего, насколько я могу видеть»⁴.

Подобная постановка вопроса лишний раз иллюстрирует тот давно известный факт, что социал-демократические лидеры вообще и идеологи лейбористов в особенности очень падки на всякие бур-

¹ J. M. Keynes, *The general theory of employment, interest and money*, p. 33.

² Joan Robinson, *Essays in the theory of employment*, p. 237—238.

³ В этом отношении представляет интерес дискуссия, происходившая в Мельбурнском университете (в Австралии) на тему «Маркс и общая теория Кейнса». Отчет об этой дискуссии напечатан в журнале «The economic record», *The Journal of the economic society of Australia and New Zealand*, 1939, April, vol. XV, supplement.

⁴ A. L. Rowse, *Mr. Keynes and the Labour movement*, p. 45.

жуазные теории, которые, с одной стороны, ставят своей прямой целью укрепление капитализма, а с другой — внешне выступают под флагом критики капитализма. Та положительная оценка, которую Кейнс встретил в лейбористских кругах, ничего не говорит в пользу учения Кейнса и только лишний раз демонстрирует предательство идеологов лейборизма.

Кризис старой вульгарной политической экономии находит свое выражение не только в разложении либерализма, в появлении и росте наиболее реакционных тенденций, но и в радикализации части интеллигенции. Подавляющее большинство буржуазных экономистов считало борьбу с Марксом делом своей жизни. Но существуют и другие веяния. Английский коммунист Стречи указывает, что за последние годы среди английских студентов возник глубокий интерес к марксизму. Они пытаются получить разъяснения по вопросам марксизма от своих преподавателей, но последние большей частью не способны удовлетворить научные запросы молодежи. Студенты, добавляет Стречи, находят собственные пути для ознакомления с марксизмом¹.

В качестве примера экономиста, вышедшего из кембриджской школы и пытавшегося (хотя не совсем последовательно) перейти на позиции марксизма, можно указать на Мориса Добба. Особый интерес в этом отношении представляет его книга «The political economy and capitalism» (1937 г.), в которой он детально обосновывает преимущество экономического учения Маркса над учением буржуазной политической экономии. Добб, в частности, подробно и весьма сочувственно излагает теорию империализма Ленина, его учение о законе неравномерного развития капитализма и о возможности победы социализма в одной стране. К числу работ подобного типа следует отнести и книгу Э. Ролла «A history of economic thought», весьма сочувственно излагающую учение Маркса и подчеркивающую, что подлинным наследником английской классической школы является Маркс².

Мы не будем заниматься рассмотрением этих работ. Дело не только в том, что число этих авторов очень незначительно (мы можем ограничиться лишь ссылкой на единичные случаи) и что их влияние пока еще очень слабо. Дело также в том, что работы такого типа по существу уже выходят за рамки буржуазной политической экономии.

Таким образом, кризис буржуазной политической экономии охватил и Англию, родину и цитадель идей фритредерства, где два-три десятилетия назад экономическая литература почти не знала сколько-нибудь серьезных выступлений против политики «laissez faire». Это лишний раз иллюстрирует всю глубину экономического и политического потрясения капитализма, которое не может не найти отражения в буржуазной идеологии.

¹ John Strachey, The Theory and Practice of Socialism, 1936, p. 485—486.

² См. нашу рецензию на книгу Ролла в журн. «Проблемы экономики» за 1939 г., № 5.

Промышленные кризисы в России

(1873—1907 гг.)¹

С начала 70-х годов цикличность в развитии русской промышленности приобретает особую отчетливость и яркость. Юный капитализм после реформы 1861 г. развивается несравненно быстрее. Натываясь на ограниченность внутреннего рынка, промышленный рост России попрежнему прерывается периодическими кризисами производства. Но и кризисы становятся иными. Их уже не приходится трактовать как простое отражение мировых кризисов, они возникают здесь нередко даже раньше, чем на Западе, становятся гораздо более глубокими и затяжными. Страна вступает в новую полосу своего развития.

Кризис 1873 г. Мировой кризис 70-х годов в большинстве стран начался уже в 1873 г. Ему предшествовала во всей Западной Европе эпоха необыкновенного оживления. На фондовый рынок Германии в связи с миллиардами контрибуции, текущими из побежденной Франции, были внезапно выброшены огромные капиталы. Началась учредительская горячка. Особенно сильный ажиотаж и спекуляция наблюдались в Германии и Австрии, в частности в Вене, где прежде всего и разразился кризис. Сигналом к нему послужила биржевая паника на венской фондовой бирже 8 мая 1873 г. Вскоре затем последовал биржевой кризис и в Германии. В США вслед за небывалой железнодорожной спекуляцией разразился соответствующий крах лишь 18 сентября 1873 г. Это был один из самых тяжелых и затяжных мировых кризисов. Если его начало относится к 1873 г., а разгар к 1874 г., то в целом ряде отраслей низшая его точка наблюдалась и значительно позже, вплоть до 1879 г. Что же касается Англии, то хотя в 1873—1874 гг. и она испытала легкое снижение продукции некоторых отраслей, но настоящий кризис разразился в этой стране только в 1878—1879 гг.

В России указанный кризис начался, повидимому, несколько раньше, чем на Западе. В России тоже наблюдалось с конца 60-х годов до 1873 г. большое оживление и подъем в промышленности и торговле. В огромной степени расширилось и железнодорожное строительство. Но начало кризиса и банкротств относится еще к концу 1872 г., а снижение цен и продукции в некоторых производствах началось еще раньше.

В области цен первые признаки снижения рыночной конъюнктуры намечаются уже в 1870—1871 гг. Но гораздо более решительное снижение цен после некоторого оживления в 1872 г. начинается с 1873 г. К действию кризиса здесь присоединилось, быть может, и влияние русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Во всяком случае, послекризис-

¹ Настоящая статья является продолжением работы акад. С. Струмилина, опубликованной в журнале «Проблемы экономики» № 5 за 1939 г. Статья содержит ряд спорных положений и печатается, как и предыдущая, в порядке обсуждения.— Редакция.

ное падение цен затянулось до 1877—1878 гг. Это особенно ясно видно, если устранить резкие колебания курса кредитного рубля, выражая цены в золотом исчислении. Приведем ряд конкретных цен за 1872—1878 гг. в рублях и копейках золотом¹:

Таблица 1

Г о д ы	Миткаль средний, Москва (за аршин)	Пряжа уток № 20, Москва (за пуд)	Сахар- песок, Москва (за пуд)	Каменный уголь, Рыга (за пуд)	Железо полосовое, СПБ (за пуд)
1872	8,3 к.	14 р. 61 к.	5 р. 44 к.	7,3 к.	1 р. 32 к.
1873	7,2 к.	11 р. 61 к.	4 р. 81 к.	8,1 к.	1 р. 29 к.
1874	6,7 к.	10 р. 57 к.	5 р. 58 к.	7,9 к.	1 р. 49 к.
1875	—	10 р. 37 к.	5 р. 33 к.	7,8 к.	1 р. 46 к.
1876	5,7 к.	8 р. 66 к.	3 р. 99 к.	7,3 к.	1 р. 38 к.
1877	4,7 к.	8 р. 62 к.	3 р. 34 к.	6,1 к.	1 р. 33 к.
1878	5,5 к.	11 р. 54 к.	3 р. 26 к.	5,9 к.	1 р. 23 к.

В некоторых отраслях в 1874 г. намечается улучшение, но затем цены снова идут вниз. В общем же цены на железо упали с 1874 г. на 17,5%, на каменный уголь с 1873 г.—на 27,2, на сахар за 4 года—на 41,7, на миткаль за 1873—1877 гг.—на 43,4 и на пряжу за те же 5 лет—на 41%. С 1878 г. дела с хлопком уже заметно улучшаются. Наступает перелом конъюнктуры.

Денежные затруднения, а вместе с тем и учетная ставка Государственного банка стали заметно повышаться уже с осени 1872 г. 1 сентября 1872 г. учетная ставка была поднята с 6 до 6½%, 9 сентября—до 7, 3 октября—до 8% и на этом уровне оставалась до 12 января 1873 г., а затем медленно поползла вниз, достигнув вновь 6% только 20 апреля 1874 г.

Во внешней торговле значительное сокращение вывоза из России имело место уже в 1872 г.—на 42 млн. руб. и в 1875 г.—на 50 млн. Во внутренней торговле прямое падение привозов на Нижегородскую ярмарку на 11,2% отмечается только в 1873 г. с некоторым повышением в 1874 г. и новым неуклонным падением вплоть до 1878 г.—за 4 года на 21%. Но производство пряжи и тканей из хлопка пошло на снижение уже в 1871—1872 гг. Спрос на них все падал и, по свидетельству Я. Гарелина, уже «конец 1872 и начало 1873 годов были ознаменованы банкротствами». «Такой ход торговли,—поясняет Гарелин,—объясняется не конкуренцией с иностранными фабрикантами. Главная причина плохой торговли заключалась в том, что ситцев было наработано громадное количество и их нужно было сбыть во что бы то ни стало»².

Такие объяснения не вскрывают, конечно, «главнейших причин» кризисов, но они фиксируют весьма важные для нас факты. Не менее интересны для нас указания, показывающие связь кризиса тех лет с железнодорожной строительной горячкой, предшествовавшей ему в России. В год кризиса—1867—в России открыто было всего

¹ Соболев, Таможенная политика России во второй половине XIX века, Томск, 1911, табл. в приложениях.

² Гарелин, Город Иваново-Вознесенск, 1885, II, 59—60.

465 км новых железнодорожных линий, а затем следует такая динамика этого показателя¹:

1868 г.	1748 км
1869 г.	1380 »
1870 г.	2565 »
1871 г.	2910 »
1872 г.	719 »

После громадного подъема строительства в течение четырех лет в 1872 г., т. е. еще до взрыва мирового кризиса на Западе, мы видим катастрофическое падение этого строительства в России — сразу в четыре раза. «Громадный оборот железнодорожного строительства, — замечает по этому поводу современник, — везде вызывал кризисы, независимо даже от политических обстоятельств... У нас же, в стране крайне медленного экономического развития, он представлял нечто вроде того «золотого дождя», какой явился в Германии пятью миллиардами франков французской контрибуции. Ведь основной капитал наших железных дорог — 1544 млн. кредитн. руб. — также недалек до пяти миллиардов франков. И... сокращение строительства повлияло и у нас на возникновение чего-то (?) вроде краха»². Конечно, и это объяснение кризиса 70-х годов, к которому, кстати сказать, в свое время присоединился и Туган-Барановский, не вскрывает подлинных причин кризиса. Сокращение железнодорожного строительской анархии производства, было только началом этого краха уже потому, что оно само, являясь следствием капиталистической анархии производства, было только началом этого краха, именуемого на языке политической экономии промышленным кризисом. Железнодорожные спекуляции действительно являлись преддверием кризиса не только в России, но, как известно, далеко не все, что предшествует тому или иному событию, можно рассматривать как его причину.

Как же протекал этот крах в России? «Прежде всего, — как описывает его Макс Вирт, — банкротства разразились в метрополии русской торговли — в Нижнем Новгороде. Уже в конце августа сделалось известным, что трое купцов оказываются несостоятельными на сумму в 1170000 рублей... Торговцев, оказавшихся несостоятельными на более мелкие суммы, было очень много. ...Из Одессы извещали о многих крупных и мелких банкротствах, вызвавших среди тамошних коммерсантов настоящую панику, так что деньги совсем исчезли из обращения... Перепуганные кредитные банки, которые перед этим щедро расточали направо и налево свой кредит, стали усиленно стягивать обратно выданные ими ссуды и этим только усилили общее смятение»³. Острая паника, конечно, скоро прошла. Но кризис и в России оказался очень затяжным и тяжелым. В области производства он затянулся вплоть до 1877 г. с двумя весьма резко выраженным минимумами продукции в 1873 и 1876 гг. Не лучше обстояло дело и в области торговли. В одном лишь районе Московского коммерческого суда за 1874—1876 гг. учтено было:

в 1874 г.	68 банкротств на 5313 тыс. руб.
» 1875 г.	56 » » 10900 » »
» 1876 г.	113 » » 31495 » »

¹ «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», Соцэкгиз, М. 1937, т. I, стр. 517.

² «Вестник Европы», 1877, XII, стр. 802. Ср. Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем. Соцэкгиз, 1938, стр. 265.

³ Вирт, История торговых кризисов в Европе и Америке, СПб. 1877, стр. 475.

В отчете московского отделения Совета торговли и мануфактур за 1876 г. значилось: «В настоящее время можно сказать без преувеличения, что нет ни одной фирмы в Москве, которая не понесла бы более или менее значительных убытков и не была бы вынуждена к более или менее значительному сокращению своих оборотов»¹.

Лучше всего, однако, течение кризиса в масштабе всей страны рисуется динамикой продукции важнейших производств в России (см. табл. 2 на стр. 118).

Обращаясь к общим итогам таблицы, мы можем сразу отметить два минимума производства — в 1873 и 1876 гг. Снижение в каждом из них невелико, всего 2—3%. Но в общем сумма продукции важнейших отраслей в 1876 г. едва превышала итог, достигнутый в этой области уже в 1872 г. Эта задержка в росте почти на целых 4 года при среднегодовом приросте за десятилетие в 5—6% означает общую потерю в темпах роста за время кризиса не менее чем на 20%. В отдельных производствах первое падение продукции имело место еще в 1871—1872 гг.; но в 1873 г. оно охватывает уже сразу почти все производства. Затем наступает длительный застой, а в ряде отраслей и дальнейшее падение. В 1873 г. по нашей таблице можно отметить остановку в росте и прямой упадок продукции в десяти отраслях, в 1874 г. — в пяти, в 1875 г. — в четырех, в 1876 г. — в шести, в 1877 г. — в шести, в 1878 г. — в одной. Некоторые же производства, например шелковое и химическое, в течение всего десятилетия пребывали в состоянии глубокого застоя. По ряду производств глубина падения продукции от максимума к минимуму достигала: по кожевенному делу — 12%, по стеклофарфоровой промышленности — 14, по писчебумажной — 14,5, по свеклосахарной — 18, по ситцевой — 20,8 и по химической (в 1877 г.) — 21%². Однако по всей промышленности в целом, начиная с 1877 г., несомненно наблюдался новый подъем с приростом продукции за четыре года до 45%. Таким образом, русско-турецкая война 1877—1878 гг.³, повидимому, не оказала существенного влияния на течение кризиса 70-х годов в России.

Кризис 1882/83 г. После затяжной депрессии 70-х годов на Западе, начиная с 1879 г. наступило кратковременное оживление, прерванное в 1882 г. новым мировым кризисом с не менее затяжной депрессией. Сигналом к этому кризису послужил крах в результате биржевых спекуляций французского банка Юнион-Женераль в январе 1882 г. Но заметное снижение промышленной продукции во Франции и безработица начались лишь с 1883 г. с минимумом продукции в 1884—1886 гг. В 1883 г. кризис перекинулся в Германию, США и другие страны. В США, где падение цен началось еще с сентября 1882 г., достигнув минимального уровня лишь в 1886 г., кризис достиг своего апогея после паники и краха на нью-йоркской бирже 10 мая 1884 г. Однако снижение производства здесь, как и в других странах Запады, приходится в разных отраслях на период с 1883 до 1886 г., а в Англии растягивается даже до 1887 г.

В России кризис 80-х годов, как и предшествующее ему оживление (тоже весьма кратковременное), несомненно начался несколько раньше, чем на Западе. Течение событий после кризиса 70-х годов Безобразов характеризует следующим образом: «Затишье и почти

¹ «Вестник Европы», 1877, XII, Внутреннее обозрение, стр. 795.

² На Западе соответствующие показатели за те же годы не превышали: в Англии — 9,3%, в Германии — 17,6, в США — 27 и во Франции — 44%.

³ С 12/IV 1877 г. по 19/II 1878 г.

Таблица 2

Производство важнейших отраслей за 1870—1880 гг. в 50 губ. Европейской России

Годы	В м и л л и о н а х р у б л е й										В м и л л и о н а х п у д о в			
	Бумагопрядильное и ткацкое	Ситцевое, красильное и шелочное	Суконное и камвольное	Льняное и хлопчатобумажное	Обработка кожи	Стекло-фарфор	Химическое и красочное	Шелковое и льняное	Машиностроительное и текстильное	Бумага и бумажные изделия	Итого	Чугун	Каменный уголь (донский)	Сахар-песок
1870 . .	96,5	40,1	54,3	11,0	25,0	6,8	6,1	7,4	28,5	8,0	283,7	18,4	15,6	6,3
1871 . .	93,2	48,2	56,0	11,9	27,5	7,4	6,0	7,8	27,8	7,6	293,4	18,6	20,5	4,8
1872 . .	102,9	45,6	57,4	13,1	30,2	8,2	6,2	8,5	32,9	8,2	313,2	21,3	36,3	6,3
1873 . .	99,4	45,3	55,7	12,6	29,3	8,1	6,0	7,8	31,8	9,7	306,7	19,8	37,6	6,9
1874 . .	102,2	38,2	54,6	13,6	29,2	8,6	6,2	7,6	41,2	12,4	313,8	19,6	35,0	7,0
1875 . .	105,4	40,1	58,7	13,9	28,6	8,3	5,2	8,2	43,4	10,6	322,4	22,4	51,4	8,1
1876 . .	102,7	37,7	55,2	16,1	26,6	7,4	5,5	8,2	45,2	12,0	316,6	23,3	58,5	11,2
1877 . .	104,2	39,6	57,9	18,3	29,3	8,4	4,9	8,1	48,0	11,4	330,1	20,7	43,9	9,2
1878 . .	131,8	49,2	71,3	20,9	36,1	8,7	5,8	7,5	60,7	12,1	404,1	22,2	69,1	9,9
1879 . .	151,5	60,9	86,4	21,6	45,5	9,6	6,0	8,7	54,0	13,2	457,4	23,4	76,5	11,0
1880 . .	154,4	60,9	84,2	20,7	45,5	10,3	7,5	8,4	55,1	14,0	461,0	23,1	86,4	10,9

застой в промышленных предприятиях до войны; чрезвычайное промышленное возбуждение, начинающееся с конца войны в 1877 г. и достигающее своего апогея в конце 1879 г.; реакция против этого возбуждения, возникающая в начале 1880 г. и продолжающаяся приблизительно до второй половины 1881 г.; оживление дел с середины 1881 г.». А затем, как известно, после ярмарки 1882 г.—новые «неудачи» и тяжелый промышленный застой, затянувшийся вплоть до 1887 г.¹

В области внешней торговли первое снижение вывоза из России — на очень крупную величину в 129 млн. руб.—произошло еще в 1880 г., второе — в 1884 г., после чего сумма вывоза в течение 4 лет, вплоть до 1887 г., не поднималась даже до уровня 1879 г.; ввоз в Россию начал непрерывно падать с 1882 г., достигнув минимума лишь в 1888 г. с понижением против 1882 г. на 180 млн. руб., или на 31,90%. В области внутренней торговли начало падения привозов на Нижегородскую ярмарку относится к 1882 и 1883 гг., а в 1885 и 1886 гг. последовало дальнейшее падение — в общем с 1881 по 1886 г. на 62 млн. руб., или на 25%.

Что касается цен, то за эти годы наблюдались такие колебания (в золотом исчислении)²:

Таблица 3

Годы	Пряжа уток, Москва (за пуд)		Миткаль средний (за аршин) Москва	Сахар- песок (за пуд) Москва	Железо полосовое (СПБ)	Каменный уголь (Рига)
	№ 20	№ 38/40				
1878 . .	11 р. 54 к.	12 р. 41 к.	5,5 к.	3 р. 26 к.	1 р. 23 к.	5,9 к.
1879 . .	11 р. 12 к.	13 р. 38 к.	6,7 к.	3 р. 26 к.	1 р. 29 к.	—
1880 . .	10 р. 71 к.	12 р. 80 к.	5,2 к.	3 р. 54 к.	1 р. 38 к.	5,8 к.
1881 . .	11 р. 17 к.	12 р. 42 к.	5,6 к.	4 р. 04 к.	—	—
1882 . .	9 р. 62 к.	11 р. 88 к.	5,2 к.	4 р. 58 к.	1 р. 53 к.	4,5 к.
1883 . .	8 р. 87 к.	9 р. 99 к.	4,2 к.	4 р. 35 к.	1 р. 53 к.	—
1884 . .	8 р. 96 к.	10 р. 11 к.	4,2 к.	3 р. 46 к.	1 р. 46 к.	4,6 к.
1885 . .	—	10 р. 38 к.	4,4 к.	3 р. 06 к.	1 р. 53 к.	4,6 к.
1886 . .	—	10 р. 12 к.	4,1 к.	2 р. 37 к.	1 р. 24 к.	4,2 к.
1887 . .	9 р. 33 к.	10 р. 70 к.	4,6 к.	2 р. 36 к.	1 р. 14 к.	4,4 к.
1888 . .	11 р. 45 к.	12 р. 49 к.	5,3 к.	2 р. 79 к.	1 р. 22 к.	5,2 к.

Первое снижение цен на пряжу и ткани из хлопка отмечается еще в 1879—1880 гг., в 1881 г. мы видим некоторое повышение, а затем следует новое длительное падение цен: по пряже к 1883 г. на 15—20%, по миткалю к 1884 г.—на 25%. Менее значительно снижение цен с 1884 г. на железо и уголь, но зато цены на сахар с 1883 по 1887 г. падают за 4 года на 46%.

Особенно ярко сказалось предкризисное оживление с окончанием Русско-турецкой войны, в феврале 1878 г. «Нижегородская ярмарка 1878 г.;—повествует об этом Безобразов,—разыгралась необыкновенно блистательно во всех отношениях. Подобной ярмарки не запомнили в летописях Макария. Сбыт всех товаров был необыкновенно бойкий, почти по всем отраслям спрос превышал предложение. В особенности были хороши расчеты; все продажи делались за наличные, все уплаты по прежним обязательствам производились с величайшей исправностью. В наличных деньгах было неслыханное

¹ Безобразов, Народное хозяйство России, I, стр. 287; ср. Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, стр. 267.

² Соболев, Таможенная политика России во второй половине XIX века, табл. 3 приложениях.

изобилие». Такое состояние рынка «усилило до-нельзя возбуждение в нашем промышленном мире». «Это возбуждение, какого давно не запомнят в нашей промышленности, необыкновенное усиление производства на всех прежних фабриках и заводах и расширение новых достигли своего апогея в середине 1879 г. и он (апогей) продолжался до 1880 г.... Это усиление было таково, что хлопчатобумажная промышленность, всего более подвергшаяся промышленному возбуждению этой эпохи, расширилась на 900 тысяч (и может быть до 1 миллиона, как исчисляли знающие люди) вновь поставленных в 1879 г. прядильных веретен. Это расширение, когда все количество веретен исчислялось у нас до 3,5 млн., дает понятие о том необычайном полете, который принимала вся наша промышленность в эту эпоху, хотя хлопчатобумажное дело превзошло в этом отношении все прочие...»¹. Лучшее всего однако о стимулах этого возбуждения свидетельствуют сухим языком цифр официальные отчеты акционерных обществ, прибыли которых за этот период нередко достигали 40, 50 и даже 70% на основной капитал.

За возбуждением, конечно, последовала реакция. Уже ярмарка 1880 г. выявила превышение предложения над спросом. Правда, привоз на ярмарку 1881 г. благодаря видам на хороший урожай был еще выше, чем в 1880 г., но реализация его прошла хуже. Приведем очень показательные в этом отношении итоги привоза и реализации хлопчатобумажных товаров на Нижегородскую ярмарку за 1877—1882 гг. (в млн. руб.)²:

Г о д и	Привезено	Продано	%
1877	12,6	12,6	100
1878	9,7	9,6	99
1879	22,1	21,2	96
1880	34,7	27,2	78
1881	51,0	11,6	23
1882	46,0	29,9	65

По свидетельству современников, в Московской губ. промышленный застой, принявший особо острую форму после Нижегородской ярмарки 1880 г., начался еще с весны того же года. «Зимой 1880—1881 гг. рабочие во всех отраслях промышленности были поставлены в самое бедственное положение. В Петербурге крупные заводы, особенно механические, стали распускать рабочих... Так, например, на огромном заводе Берда, где прежде работало 3—4 тысячи человек, теперь (в 1882 г.) осталось 1 000 рабочих, на Александровском заводе вместо 800 осталось 350 рабочих, на Сампсониевском вместо 1 200—1 500 — только 450 человек, на заводе Нобеля вместо 900—1 200 около 600; на остальных механических заводах точно так же произошло значительное уменьшение числа рабочих. Вообще миллионные обороты заводов сократились почти наполовину». В том же году жестоко пострадала шелкоткацкая промышленность Александровского уезда Владимирской губ., где без работы осталось свыше 9 000 чел. В Тверской, Черниговской, Костромской губ., в Иваново-Вознесенске в 1881 г. тоже началась безработица. Цены на рабочие руки падали. Рабочих донимали штрафами, которые «были доведены до величайшей строгости». Даже такие солидные фирмы, как наследники Саввы Морозова, стали распускать рабочих. «Отчаяние в среде рабочего населения, по словам «Московского телеграфа», было так велико,

¹ Безобразов, Народное хозяйство России, I, 277, 279; ср. у Туган-Барановского, Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, стр. 266, 267.

² «Историко-статистический обзор промышленности России», СПб. 1883, т. II, вып. I, стр. 118.

что требовалось особое искусство при расчете рабочих, чтобы дело не дошло до беды». В 1882 г. под влиянием снижения заработной платы произошел ряд забастовок. «Долго замалчиваемый у нас рабочий вопрос как будто вдруг вырос из земли и предстал пред нашими глазами, в то время когда продолжительный промышленный кризис ухудшил положение рабочих»¹.

В 1883 г. дела пошли еще хуже. Даже такие казенные оптимисты, как Д. А. Тимирязев, жаловались в 1883 г. на «стесненное положение у нас мануфактурного дела... вызванное слишком быстрым развитием производства вслед за восточной войной под влиянием усиленных выпусков кредитных билетов и преувеличенных надежд на благотворное действие таможенных тарифов, переложенных в 1877 г. на золотую валюту и в 1880 г. еще увеличенных на 10 процентов»². В 1884 г. известный экономист А. И. Чупров в статье о «Кризисе русской промышленности» писал: «Какую бы отрасль обрабатывающей промышленности мы ни взяли, везде слышатся жалобы на низкие цены и вялые дела... Сведущие люди говорят, что в истории нашей промышленности никогда еще не было примера столь продолжительного и упорного застоя». По объяснениям Чупрова, «центр тяжести затруднений, переживаемых в последние годы, состоит не в недостатке капиталов, не в каких-либо стеснениях производства, а преимущественно, если не исключительно, в трудности сбыта изделий. Эта трудность зависит прежде всего от чрезвычайного расширения производства в недавнем прошлом»³. «Трудности» перепроизводства не облегчались, конечно, снижением заработной платы и непомерными штрафами или массовыми расчетами рабочих. Это уже тогда приводило порой к очень острому классовым схваткам, вроде исторической морозовской стачки в январе 1885 г. в Орехове-Зуеве, но отнюдь не расширяло возможностей сбыта залежавшихся товаров. Выброшенные на улицу безработные, спасаясь от голода, устремлялись в деревню, разоренную и без того всякого рода царскими поборами и помещицкой кабалой, и лишь умножали там голод и нищету.

Ленин писал: «В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка»⁴. Вспомним о миллиардных потерях русской деревни в результате кризисов. Но особенно применимо положение Ленина к кризису 80-х годов. Не имея выхода на внешний рынок вследствие своей отсталости, русская промышленность в условиях крайне узкого городского рынка и «оскудевшей» деревни после каждого скачка вперед расплачивалась за него годами мучительной депрессии. За пять лет кризиса и застоя 1882—1886 гг. в литературе зарегистрировано не менее 48 стачек, охвативших более 80 тыс. рабочих. Но все усилия последних, направленные против снижения в явных или скрытых формах их заработной платы, были тщетны. Особенно плоха была зима 1886/87 г. «Цены на труд и спрос на рабочие руки упали; многие фабрики стали; другие сократили производство». Застой на фабриках Московской губ. в конце 1886 г. был так силен, что многие рабочие, совершенно отвыкшие от земле-

¹ Приклонский, Хроника рабочего труда в России, «Дело», 1883, № 1 и Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, стр. 268—270.

² «Историко-статистический обзор промышленности России», СПб. 1883, т. II, стр. IV.

³ Чупров, Речь и статьи, М. 1909, т. III, стр. 445—447 (подчеркнуто нами.— С. С.).

⁴ Ленин, Соч., т. IV, стр. 167.

делия, вернулись в деревню и взялись за соху. Кое-где «фабричное производство почти что приостановилось, весь фабричный народ жил дома без заработка»¹.

По отдельным отраслям мы имели такую картину течения кризиса (см. табл. 4 на стр. 123).

В сумме по всем учтенным нами отраслям начало упадка продукции относится к 1883 г., причем это снижение растет с каждым годом, вплоть до 1886 г. В общем за четыре года (с 1882 г.) это падение достигает очень заметной величины — 15,2%. По отдельным производствам, однако, картина гораздо пестрее. В машиностроении первое снижение продукции замечается еще в 1879 г., в пяти отраслях начало падения относится к 1880 г.; в 1881 г. мы можем отметить снижение продукции тоже в пяти отраслях, за следующие четыре года (с 1882 по 1885) падение захватывает от шести до восьми отраслей, в 1886 г. — восемь отраслей, в 1887 г. — четыре и в 1888 г. — две. При этом в некоторых отраслях, например в суконной и камвольной, это падение продолжается без всякого перерыва с 1880 по 1886 г. — целых семь лет подряд. Даже к концу десятилетия производство не достигает здесь своего докризисного уровня. Не достигается он также в машиностроении и в кожевенном производстве. В отдельных случаях глубина падения продукции достигала: в сахарной промышленности — 16%, в полотняной — 19, в хлопчатобумажной — 20, в кожевенной с 1883 г. — 21, в химической с 1884 г. — 23, в суконной — 30 (за 1879—1886 гг.) и в машиностроении — 32% за 5 лет. Судя по этим показателям, можно сказать, что кризис 80-х годов в России был не только продолжительнее, но и глубже, чем в таких наиболее развитых капиталистических странах Запада, как США, Англия, Германия и Франция².

В других отраслях промышленности России действие кризиса было значительно короче и слабее и в общем с 1887 г. начинается уже новый скачок вперед — за два года на 23%, главным образом за счет хлопчатобумажной промышленности.

Кризис 1890 г. Предшествовавший мировому кризису 1890 г. подъем промышленности продолжался на Западе не свыше трех лет. Начало кризиса ознаменовано было после самой безрассудной железнодорожной спекуляции грандиозным биржевым крахом в Аргентинской республике — в июле 1890 г., за которым в более слабых формах последовал подобный же крах в Трансваале, а также в Уругвае, Мексике и других южноамериканских республиках. Затем кризис перекинулся в Европу. 14 ноября 1890 г. обанкротилась крупнейшая банковская фирма братьев Берингов в Англии, спекулировавшая аргентинскими бумагами; в марте 1891 г. аналогичный крах, в связи с теми же аргентинскими спекуляциями, поразил один из крупнейших французских банков. Слабее чем в других странах события 1890 г. отразились на Германии и США. Впрочем в Австралии и США, хотя и с некоторым запозданием, этот кризис достиг все же полного своего развития в 1893 г. Упадок производства и тяжелая депрессия в большинстве этих стран начались в 1891 г., а закончились не раньше 1893—1894 гг.

В России мировой кризис 1890 г. нашел свое выражение в ряде

¹ «Статистический ежегодник Московского губернского земства», 1887, «Кустарные отхожие и фабричные промыслы», стр. 18, приведено у Туган-Барановского, *Русская фабрика в прошлом и настоящем*, т. I, стр. 270.

² Ср. «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», т. I, стр. 66—77. В Германии соответствующие показатели не превышали за эти годы 28% (сахар), во Франции — 26,7% (чугун), в Англии — 19,7% (хлопок), в США — 15,4% (хлопок).

Таблица 4

Продукция важнейших производств за 1878—1888 гг. в 50 губерниях Европейской России

Годы	В м и л л и о н а х р у б л е й										В м и л л и о н а х п у д о в			
	Суконное и каз- вольное	Полотняное и льнопрядильное	Обработка кожи	Обработка бумаги	Машиностроит- ельное и металл- ное	Стекло-фарфо- ровое	Шелковое и лен- точное	Ситцевое, бязевое, красильное и отделочное	Бумагопрядиль- ное и ткацкое	Химическое и красочное	Итого	Чугун	Каменный уголь	Сахар-песок
1878 . .	71,3	20,9	36,1	12,1	60,7	8,7	7,5	49,2	131,8	5,8	404,1	22,2	69,1	9,9
1879 . .	86,4	21,6	45,5	13,2	54,0	9,6	8,7	60,9	151,5	6,0	457,4	23,4	76,5	11,0
1880 . .	84,2	20,7	45,5	14,0	55,1	10,3	8,4	60,9	154,4	7,5	461,0	23,1	86,4	10,9
1881 . .	80,5	19,0	38,8	17,6	53,8	12,2	9,9	58,1	189,0	8,7	487,6	24,2	91,3	14,9
1882 . .	77,3	17,5	38,7	16,8	53,7	12,1	10,8	60,9	206,6	9,0	503,4	23,9	106,3	13,9
1883 . .	68,9	19,4	39,9	18,5	43,3	12,1	9,9	60,5	182,3	9,0	469,8	25,3	107,3	15,9
1884 . .	67,1	22,7	39,7	18,5	41,6	12,7	9,5	57,5	168,5	12,9	450,7	26,8	101,5	17,1
1885 . .	64,2	21,6	31,7	17,8	37,5	11,8	9,6	58,6	165,7	10,4	428,9	27,6	114,9	24,0
1886 . .	60,1	20,0	31,2	17,2	43,7	12,1	11,3	56,9	164,5	9,9	426,9	28,2	128,7	21,8
1887 . .	64,0	21,8	31,7	18,5	44,2	11,8	10,8	61,6	188,5	12,1	465,0	32,1	125,5	20,2
1888 . .	67,2	24,2	31,2	18,2	48,3	12,5	11,9	73,6	226,4	14,4	527,9	34,2	136,8	24,7

совершенно бесспорных фактов. Правда, некоторые исследователи склонны преуменьшать их значение и предпочитают говорить о «заминке» 1890 г. в России (Туган-Барановский), но это совершенно не обосновано. С. А. Первушин в своей работе 1925 г. говорит уже о «депрессии 1891—92 гг., выражающейся в некотором уменьшении потребления железа, понижении потребления хлопка, понижении цен на миткаль, росте числа банкротств и безработице»¹. Однако и это еще слишком слабо сказано. Заминкой можно назвать кратковременную задержку в сбыте, застою и депрессией — длительную задержку в росте производства с незначительными его колебаниями вверх и вниз, какие чаще всего наблюдаются в послекризисный период. Но там, где за снижением цен следует прямой упадок производства в ряде отраслей труда, безработица и банкротства, там мы несомненно имеем дело с кризисом перепроизводства.

В самом деле, обратимся к фактам. Прежде всего следует отметить, что кризис 90-х годов у нас начался раньше, чем на Западе.

В области внешней торговли сокращение вывоза из России имело место в 1889 г. на 33 млн. руб. (4,2%) и в 1890 г. еще на 59 млн. (7,8%), а падение ввоза за 1890 и 1891 гг. выразилось суммой в 60 млн. руб., или 14%. Что же касается, внутренней торговли, то, судя по привозам на Нижегородскую ярмарку, ее упадок начался еще с 1888 г. и продолжался непрерывно до своего минимума в 1892 г.— за 5 лет на целых 25%. Для тех, кто связывает «заминку» девяностых годов с неурожаями 1890 и 1891 гг., отметим, что урожаи 1887 и 1888 гг., за которыми последовало первое снижение оборотов внутренней торговли и начало кризиса, были значительно выше средних (на 17 и 15%). В области цен наблюдается резкое их снижение уже в 1889 г. Так, миткаль средний расценивался в Москве в 1888 г. по 5,3 коп. золотом, в 1889 г.— по 4,9 коп., а в 1892 г.— уже по 4 коп. за аршин, т. е. на 24,5% ниже цен 1888 г. Еще резче упали цены на пряжу (№ 20 уток) — за один 1889 г. с 11 р. 45 к. золотом до 9 р. 14 к. за пуд, т. е. на 20%, с минимумом в 1892 г. — 8 р. 05 к. За 1891 и 1892 гг. цены падают также на шерстяные изделия, лен и пеньку, сахар, металлы, нефтепродукты, каменный уголь. В частности нефть на промыслах в Баку упала с 7,1 коп. за пуд в 1890 г. до 2,7 коп. в 1891 г. и до 1 коп. за пуд в 1892 г., т. е. за 2 года в 7 раз!..² Если такое головокружительное падение цен считать только «заминкой», то что же пришлось бы назвать катастрофой?

Но дело не ограничилось только падением цен. Несмотря на низкие цены хлопка ввоз его в Россию, вслед за максимумом 1887 г., резко падает уже в 1888 г.— сразу на 31%, а затем после некоторого повышения в 1889 г. снова снижается в 1890 и 1891 гг. до 83% нормы 1889 г. Вместе с тем, начиная уже с 1889 г., падает в стране и само производство текстильных и других изделий, достигая своего минимума в 1890 и 1891 гг. Столь же показательно сокращение железнодорожного строительства в стране, начиная с 1889 г. В 1888 г. было открыто 1 188 км новых железнодорожных линий, в 1889 г.— 505, в 1890 г.— 663, в 1891 г.— только 127, в 1892 г.— 479 и лишь с 1893 г. наблюдается новый резкий подъем до 1 668 км в год и выше. На 1891 и 1892 гг. падает также минимум вложений в торгово-промышленные акционерные предприятия. Податная инспекция в официальном отчете за 1891 г. отмечает также по ряду губерний

¹ Первушин, Хозяйственная конъюнктура, М. 1925, стр. 164.

² Соболев, Таможенная политика России во второй половине XIX века и «Своды товарных цен».

«сокращение производства на фабриках, которое повело к уменьшению числа рабочих на них, оставшихся без заработка», а вместе с тем упадок ряда кустарных и отхожих промыслов¹. О том же говорят и общие итоги производства по всей стране.

В сумме по всей тяжелой и легкой промышленности России в границах СССР мы располагаем такими итогами²:

Таблица 5

Годы	Тяжелая промышленность		Легкая промышленность		И т о г о	
	рабочие (в тыс.)	продукция (в млн. руб.)	рабочие (в тыс.)	продукция (в млн. руб.)	рабочие (в тыс.)	продукция (в млн. руб.)
1887 . .	405	290	590	675	995	965
1888 . .	420	316	614	760	1 034	1 076
1889 . .	446	359	612	778	1 058	1 137
1890 . .	463	377	606	751	1 069	1 128
1891 . .	459	377	612	772	1 067	1 149
1892 . .	473	411	632	810	1 105	1 221
1893 . .	518	461	678	871	1 196	1 332
(1894) . .	506	478	672	905	1 178	1 383
(1895) . .	499	508	678	903	1 177	1 411
1896 . .	592	674	716	1 035	1 308	1 709
1897 . .	702	769	788	1 091	1 490	1 860

Как видим, общее снижение продукции по всей фабрично-заводской и горной промышленности за 1890 г. совершенно ничтожно, меньше 1%. Но при огромном темпе роста за десятилетие — на 93% — даже простая остановка этого роста означает потерю в темпах не менее чем на 8%. В легкой промышленности минимум продукции падает на 1890 г., а в тяжелой — полная остановка роста — только на 1891 г. Однако сокращение числа рабочих в легкой промышленности началось еще с 1889 г., а некоторая задержка в развитии чувствовалась вплоть до 1895 г. Более отчетливую картину течения кризиса можно получить лишь в результате анализа отраслевой динамики продукции (см. табл. 6 на стр. 126).

Общее снижение суммы производства по учтенным здесь отраслям уже в 1889 г. составляет заметную величину. К 1891 г., за три года, оно превышает 6%. Но и в 1892 г., несмотря на начавшийся подъем производства, эта сумма не достигает даже уровня 1888 г. Таким образом, после кратковременного оживления 1887—1888 гг., мы имели по учтенным в таблице отраслям прямое падение общего уровня производства по меньшей мере на два-три года с минимумом в 1891 г. С 1889 г. мы наблюдаем сокращение производства в семи отраслях, а в 1890 г. оно охватывает тоже не менее семи отраслей из 13, в 1891 г. — шесть. Особенно сильно кризис сказался в кожевенном производстве, где он затянулся до 1893 г., и в бумаготкацкой промышленности с прогрессирующим падением производства в течение целых трех лет. Меньше других отраслей пострадала, повидимому, черная металлургия.

Выплавка чугуна даже несколько выросла за кризисные годы. Но если учесть все потребление железа в стране, включая импортный металл, то окажется, что за 1890 г. оно достигало 77,1 млн. пуд., а

¹ Приложение к отчету д-та неокладных сборов за 1891 г., стр. 18, ср. Первухин, Хозяйственная конъюнктура, стр. 164.

² Пользуемся неопубликованной сводкой В. Е. Варзара и Л. Б. Кафенгауза с 1887 г., в которой некоторые пробелы отчетности за отдельные годы восполнены исчислением. Эти годы мы приводим в скобках.

Таблица 6

Продукция важнейших производств за 1888—1897 гг. в 50 губ. Европейской России¹

Годы	В м и л л и о н а х р у б л е й										В м и л л и о н а х п у д о в			
	Обработка кожи	Бумагопрядильные и ткацкие	Суконное и камвольное	Машиностроительное и текстильное	Обработка шелка	Стекло-фарфоровое	Полотняное и льнопрядильное	Ситцевобязное и красильное отделочное	Обработка бумаги	Химическое и красочное	Итого	Сахар-песок	Каменный уголь (лонескип)	Чугун
1888 . .	31,2	226,4	67,2	48,3	11,9	12,5	24,2	73,6	18,2	14,4	527,9	24,7	136,8	34,2
1889 . .	31,0	215,1	60,2	50,8	11,5	13,1	23,4	69,7	18,4	14,6	507,8	20,7	189,9	38,4
1890 . .	28,3	208,6	54,6	47,4	10,8	13,1	25,1	74,7	19,3	15,1	497,0	23,5	183,2	47,6
1891 . .	26,2	202,0	55,5	46,1	9,9	11,9	22,8	84,8	20,0	16,1	435,3	25,4	191,9	52,2
1892 . .	25,9	215,5	57,9	45,0	10,7	12,2	24,1	90,4	21,1	18,8	521,6	20,3	218,1	54,5
1893 . .	28,1	251,3	62,8	67,0	12,1	14,0	25,9	112,6	23,1	22,5	619,4	30,1	239,8	58,3
1897 . .	48,2	314,3	81,7	139,9	21,8	26,1	34,3	(168,2)	37,8	36,4	908,7	34,5	414,7	98,2

¹ По отчетам департамента мануфактур.

в следующем 1891 г. только 76,2 млн. пуд. в переводе на чугун¹. Говоря иначе, снижения производства чугуна в стране удалось избежать лишь за счет весьма решительного сокращения импорта черного металла в Россию. Меньше других задеты были кризисом также химическая и писчебумажная отрасли промышленности, где можно отметить лишь некоторую задержку в росте, а также добыча угля и обработка металлов. Но если из последней группы выделить машиностроение, то для него упадок производства окажется значительно сильнее — с 50,8 млн. руб. в 1889 г. до 45,0 млн. в 1892 г., т. е. на 11,5%. Весьма значительное сокращение производства было и в других отраслях, например, в полотняной — на 9%, в стекло-фарфоровой промышленности — на 9,1%, в бумагопрядильно-ткацкой — на 11%, в шелковой — на 16,8%, в кожевенной — на 17,0%, в суконной — на 17,4% и в сахарной — на 20%. По железнодорожному строительству в России соответствующий показатель сокращения производства к 1891 г. достигал еще большей величины — 89,3%.

Для сравнения укажем, что на Западе средний по четырем странам (США, Англия, Германия и Франция) показатель сокращения продукции в период мирового кризиса 90-х годов составлял: по углю — 5,3%, по стали — 8,4, по чугуну — 12,6, по потреблению хлопка — 20,8 и по сахару (в Германии) — 11%. Как видим, эти цифры отнюдь не превышают показателей по России. Правда, на Западе тяжелая промышленность пострадала за данный период сильнее, чем в России. Но и там наиболее резкое снижение отмечается в области переработки хлопка, т. е., как и в России, в легкой промышленности. В России в связи с рядом неурожаев в 1889—1892 гг. кризис легкой промышленности 1890 г. можно было бы объяснять сокращением спроса голодающей деревни. Но опыт Запада показывает, что и там, вне всякой зависимости от русской деревни, наблюдалось пере-производство в тех же отраслях промышленности, что и в России. Не ясно ли, что в основе этих общих явлений лежали другие, более глубокие общие причины.

Кризис 1900 г. Мировой кризис 1900 г. на Западе после подъема 1893—1899 гг. особенно тяжелую форму принял в Германии, более легко задел он Францию и Англию. Впервые, повидимому, кризис захватил в свою сферу Японию. Первым предвестником кризиса можно считать заметное сокращение хлопчатобумажной промышленности еще с 1898 г. во Франции и с 1899 г. в Германии. Но более общий упадок производства здесь наблюдался только с осени 1900 г. с минимумом в 1901 г. и с депрессией до 1905 г. Позже всего — только в 1903 г. — начался промышленный кризис в США с минимумом в 1904 г. и с новым подъемом уже с 1905 г.

В России с 1895 г. до 1900 г. был огромный подъем промышленности — за 5 лет с 1411 до 2253 млн. руб., т. е. на 59%. Этот рост промышленной продукции совпал с еще более крупным подъемом железнодорожного строительства. Если продукция всей фабричной и горной промышленности с 1892 по 1899 г. включительно выросла (в границах СССР) с 1221 до 2121 млн. руб., т. е. за 8 лет на 73%, то строительство железных дорог за те же 8 лет поднялось с 479 до 5248 км в год, т. е. в 11 раз. Этому подъему сопутствовала небывалая ни раньше ни позже в дореволюционной России учредительская горячка. Если в 1892 г. прирост основных капиталов в акционерных предприятиях России едва достигал 25 млн. руб. за

¹ «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, СПб. 1902, т. I, стр. 234—235.

год, то в 1899 г. он достиг максимальной цифры за весь капиталистический период — 431 млн. руб. за год, т. е. в 17 раз больше нормы 1892 г. Это грюндерство сопровождалось уже с конца 1893 г. бешеной биржевой спекуляцией, завершившейся в С.-Петербурге биржевым кризисом 1896 г. Однако этот первый предвестник промышленного кризиса еще не остановил продолжающегося промышленного подъема. Лишь с конца 1898 г. в России начинается заметное сжатие на денежном рынке, учетная ставка Государственного банка 30 сентября 1898 г. поднимается с 4,5 до 5,5% и это повышение продолжается почти без перерыва больше года, достигнув к 11 декабря 1899 г. своего максимума в 7%. Еще раньше, уже в августе 1899 г. начались первые крупные банкротства фон Дервиза и Мамонтова. За крахом этих крупнейших воротил железнодорожного и машиностроительного дела последовала биржевая паника, а в «черный день» петербургской биржи — 23 сентября — и общее крушение биржевых ценностей. Падение этих ценностей продолжалось до второй половины 1900 г., после чего наступило некоторое улучшение.

В области торговли уже 1897 и 1898 гг. отмечены у нас заметным снижением привозов на Нижегородскую ярмарку, а в 1899 г. упал и вывоз русских товаров за границу — в течение одного года на 105 млн. руб., или на 14,3%. Вместе с тем уже с зимы 1899/1900 г. со всех концов России стали поступать сведения о застое торговли, банкротствах и безработице, в связи с которой газеты отмечали даже случаи голодной смерти. Особенно остро протекал кризис в районах хлопчатобумажной промышленности (Лодзь, Иваново), сахарной (Киев) и машиностроения. В начале 1900 г. газеты сообщали: «Кризис, как разрушительный ураган, пронесся над Лодзью. Он никого и ничего не миновал, всех и все задел: до одних он чуть-чуть дотронулся и особенного вреда им не причинил, других сильно изуродовал, а многих раздавил и похоронил под развалинами. Это целое поле битвы. Стоит только пройтись по Петроковской улице, присмотреться к этим сосредоточенным, мрачным лицам с блуждающими взглядами, чтобы увидеть, сколько пострадавших»... «На днях на улице замечена была молодая женщина, не более 21 года. Она шла, шатаясь, как пьяная, возбуждая насмешки прохожих, и у нее едва хватало голоса сказать, что она не пьяна, а не ела уже 7 дней. В тот же день упал без чувств на улице мужчина, оказавшийся ткачом, лишившимся работы. Он не ел несколько дней и не имеет даже своего угла. Тогда же на улице были подобраны совершенно истощенный от голода 12-летний мальчик, девушка 21 года и 55-летний старик. В один день подобрано на улице 5 человек! Сколько же их осталось незамеченными, голодающих дома и не решающихся, а, может быть, не имеющих уже сил выходить на улицу?.. В том же положении, — добавляет газета, — находится и Белосток и его фабричный район». Такую же картину «подтянутых животов, прикрытых жалкими лохмотьями» приносили газетные вести из Иванова, Сормова, Тулы, Баку и других промышленных центров¹.

Туган-Барановский в свое время уже отметил, что кризис 1899—1900 гг. начался у нас «несколько раньше», чем на Западе². «В Европе, — говорил о том же Жан Лескюр, — кризис начался не во Франции и не в Англии, а в России, в которой развитие промышленности и быстрый рост железных дорог носил в себе все зародыши кризиса... кризис начался в России и затем мало-помалу рас-

¹ Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, стр. 287—289.

² Там же, стр. 292.

пространился по всей Европе». Такие случаи бывали впрочем и раньше в практике мировых кризисов. Гораздо более спорным является другое утверждение Жана Лескюра о том же кризисе. «Когда большие русские линии,— Сибирская и Манчжурская,— были закончены, промышленность осталась без заказов. Вследствие этого,— утверждает Лескюр,— в 1899 г. во всей русской металлургической промышленности наступил кризис»¹. Это объяснение кризиса, на наш взгляд, в корне неверно. Прежде всего как в России, так и на Западе и даже в Японии, кризис 1900 г. начался с легкой, а не с тяжелой промышленности. Во-вторых, 1899 г. был в России годом максимальной, а не падающей стройки железных дорог, и уже поэтому металлургия не могла остаться без заказов. В-третьих, цены на металл в 1899 г. были в России тоже максимальные за ряд лет и начали падать только с 1900 г. А главное, ни в 1899 ни даже в следующем— 1900 г.— мы вовсе не имели еще снижения годовой продукции черной металлургии, хотя в ряде других отраслей оно уже наблюдалось в эти годы.

Конечно, упадок железнодорожного строительства не мог не повлиять на черную металлургию, но сам этот упадок являлся одним из следствий развертывавшегося мирового кризиса и уже поэтому не мог быть его причиной. При лучшей конъюнктуре и обилии свободных капиталов окончание Сибирской дороги повело бы только к началу строительства ряда других дорог. Фактическая динамика черной металлургии в связи с железнодорожным строительством за 1897—1904 гг. отражена в следующих итогах по всей России (см. табл. 7):

Таблица 7

Г о д ы	Построено ж. д. (в км)	Прокатано рельс (в млн. пуд.)	Выплавлено чугуна (в млн. пуд.)	Цены чугуна за 1 пуд (в коп.) (в СПб)
1897	2 039	22,5	114,8	88,8
1898	3 037	26,4	136,8	91,0
1899	5 248	26,5	165,4	98,6
1900	3 364	29,7	179,1	89,8
1901	3 218	27,2	175,0	76,3
1902	1 147	21,6	158,6	68,0
1903	763	20,0	151,9	65,4
1904	1 254	25,9	181,4	71,6

Как видим, минимум выплавки чугуна падает только на 1903 г., а начало этого падения может быть отнесено, в крайнем случае, к концу рекордного по выплавке 1900 г. В годовых итогах это падение начинает сказываться лишь с 1901 г., как в Германии и Франции, и позже, чем в Англии, где сокращение выплавки чугуна отражено уже в годовом итоге 1900 г. Значит началом мирового кризиса упадок русской металлургии отнюдь не являлся.

Иначе обстояло в других отраслях промышленности. Первым предвестником кризиса в области цен в России было снижение их уже в 1897 и 1898 гг. на хлопок, лен, сахар, керосин и другие предметы потребления; в 1898 г. начинается падение цен на железо, уголь, соль, соду; в 1899 г. мы можем отметить новое падение цен на пряжу, митраль, соль, сахар, и лишь с конца 1900 г. наступает общее падение цен по всей тяжелой и легкой промышленности. В соответствии с этим и снижение продукции в отдельных отраслях наблю-

¹ Жан Лескюр, Общие и периодические промышленные кризисы, СПб. 1908, стр. 248.

далось в России значительно раньше 1901 г., например, в бумагопрядении, сахароварении, винокурении первое сокращение продукции имело место уже в 1897 г., в кожевенной и основной химической промышленности — в 1898—1899 гг., в металлообработке — в 1899—1900 гг. К сожалению, мы не располагаем отчетными данными о продукции ряда отраслей за этот период. Но, пользуясь сводкой Варзара и Кафенгауза, в которой недостающие данные о продукции исчислены, мы можем привести такие наиболее общие итоги по всей фабричной и горной промышленности России (в границах СССР):

Таблица 8

Годы	Тяжелая промышленность		Легкая промышленность		И т о г о	
	рабочие (в тыс.)	продукция (в млн. руб.)	рабочие (в тыс.)	продукция (в млн. руб.)	рабочие (в тыс.)	продукция (в млн. руб.)
1896 . . .	592	674	716	1 036	1 308	1 710
1897 . . .	702	769	788	1 091	1 490	1 860
(1898) . . .	722	880	791	1 124	1 513	2 004
(1899) . . .	760	960	803	1 161	1 563	2 121
1900 . . .	793	1 047	811	1 206	1 604	2 253
(1901) . . .	824	1 001	858	1 270	1 682	2 272
(1902) . . .	787	923	863	1 321	1 650	2 244
(1903) . . .	777	970	884	1 421	1 661	2 391
(1904) . . .	782	1 099	863	1 521	1 645	2 620

В итоге по всей промышленности кризис 1900 г. отразился незначительным снижением числа рабочих и продукции только в 1902 г. По тяжелой промышленности мы можем отметить это снижение уже с 1901 г., а по легкой, благодаря разновременности высшей точки кризиса в разных отраслях, оно вообще не проявило себя. Совсем другая, однако, картина получается при рассмотрении отраслевой динамики продукции за тот же период (см. табл. 9 на стр. 131).

Приведенная таблица, составленная нами по сводке Варзара и Кафенгауза, к сожалению, не вполне сравнима с предыдущими, ибо дается в иных границах и по другой классификации производств. Но для нашей цели и она достаточно показательна. Из таблицы видно, что кризис в России начался с легкой промышленности, постепенно расширяя свою сферу. Несмотря на общий рост легкой промышленности, отдельные отрасли последней постепенно втягивались в кризис. В 1897 г. мы наблюдаем остановку и сокращение продукции в двух производствах, в 1898 г.—еще в двух, в 1899 г.—уже в четырех, в 1900—в шести, в 1901 г.—в пяти новых отраслях, а в 1902 г.—даже сразу в восьми отраслях. В 1903 г. это падение отмечается только в трех отраслях. Что же касается 1904 г., то он несмотря на войну с Японией дает в общем значительное расширение производства. Из отдельных отраслей особенно сильно падает производство в этот кризис: в металлообработке (за 1902 г.)—до 7%, в шелковой промышленности—на 10, в обработке животных продуктов—на 16,6, в черной металлургии за 3 года—на 32 и в топливной промышленности за 2 года—на 33,8%. В сравнении с передовыми странами Запада (США, Англия, Германия и Франция) глубина кризиса 1900—1903 гг. в России может быть измерена по производству угля, чугуна и стали следующими средними процентами падения (в натуре):

	В России	На Западе
Уголь	0,8	4,1
Сталь	5,6	5,3
Чугун	17,2	10,9

Таблица 9

Продукция важнейших производств России за 1896—1904 гг.
(в границах СССР)

Годы	В м и л л и о н а х р у б л е й													В т ы с я ч а х т о н н	
	Обрабатка жп- потных продуктов	Обрабатка льна, пеньки, джута	Основная хими- ческая и красоч- ная	Обрабатка ме- таллов	Обрабатка шерсти	Силикатная	Обрабатка древя	Обрабатка шпала	Черная метал- лургия	Топливная	Производство бумаги и бумаж- ных изделий	Итого	Бумажная пряжа	Сахарный песок	
1896 . .	69,2	49,7	37,1	228,7	90,2	51,9	63,8	22,1	118,0	66,7	32,6	830,0	153,0	564,5	
1897 . .	76,3	55,5	39,1	268,6	91,0	60,8	70,8	25,8	139,3	79,3	33,6	940,1	152,3	534,3	
1898 . .	72,0	55,0	39,1	313,4	91,6	61,1	72,2	26,7	164,9	103,6	35,9	1 035,5	157,5	544,5	
1899 . .	67,8	54,2	38,9	307,6	94,8	61,2	73,8	27,3	178,0	146,8	38,1	1 088,5	179,5	562,7	
1900 . .	63,6	53,4	40,4	237,0	92,3	61,0	73,8	27,7	218,8	178,0	40,4	1 146,4	187,5	673,4	
1901 . .	76,6	63,5	50,3	337,2	105,7	77,0	79,6	24,9	188,8	133,3	41,6	1 178,5	183,7	661,5	
1902 . .	73,7	63,4	54,5	313,3	108,9	74,9	78,7	24,9	161,5	117,6	42,7	1 111,1	194,6	758,1	
1903 . .	74,9	58,6	52,9	339,0	112,5	77,5	87,8	27,9	148,5	126,0	43,8	1 149,4	198,9	893,1	
1904 . .	67,3	60,0	52,4	354,0	133,9	73,0	85,9	26,5	173,2	175,9	45,0	1 247,1	209,7	903,3	

Во время всякого кризиса падает не только продукция в натуре, но и цены, поэтому падение в натуре обычно значительно слабее, чем в ценностном выражении. Однако и в объемном выражении глубина кризиса 1900 г. в России выражается достаточно высокими показателями. Особенно сильно упала выплавка чугуна. Может быть как раз потому, что предшествующий этому падению взлет — за 5 лет более чем вдвое — был в этой отрасли беспримерно велик. Казенные заказы для Сибирской и Манчжурской дорог несомненно помогли этому взлету. Но кризис назрел и развернулся в России значительно раньше исчерпания этих заказов. Поэтому прекращение их отнюдь не могло сыграть той роли, которую им приписал Ж. Лескюр. Наоборот, можно сказать, что только эти казенные заказы задержали на целый год, если не больше, начало вполне назревшего в России металлургического кризиса, хотя в других отраслях он уже шел в это время полным ходом.

Кризис 1907 г. Мировой кризис 1907 г. после кратковременного оживления 1904—1907 гг. начался в США. Еще с марта 1907 г. здесь стали падать курсы ценных бумаг, а с лета и цены; с 22 октября того же года в Нью-Йорке разразились биржевая паника и банкротства. Эта финансовая паника уже в ноябре того же года перекинулась в Англию, Германию, Португалию, Чили и ряд других стран. Особенно тяжелые формы принял этот кризис в США, наиболее легкие — во Франции. Минимум производства почти во всех странах пришелся на 1908 г., депрессия продолжалась и в 1909 г. С 1910 г. начался новый подъем.

В России кризису 1907 г. предшествовали такие огромного значения события, как война с Японией (с января 1904 по август 1905 г.) и буржуазная революция 1905 г. Правда, протекавшая на дальневосточной окраине японская война не задержала начавшегося еще с 1903 г. оживления и подъема русской промышленности, так как военные заказы в ряде отраслей лишь содействовали этому подъему. Но события 1905 г. и в особенности январская и октябрьская всеобщие политические забастовки, приостановившие нормальную работу промышленности и транспорта по всей стране, сказались очень заметно даже на общих итогах промышленной продукции за весь 1905 г. В этом году имело место прямое снижение продукции, и хотя в последующие два года подъем продолжался, в общем за весь предкризисный период 1904—1907 гг. продукция русской промышленности поднялась всего на 16%. За этим невысоким подъемом последовал и не слишком глубокий кризисный провал 1908 г. с депрессией 1909 г., после чего мы наблюдаем в России уже новый блестящий подъем 1910—1914 гг., прерванный мировой войной 1914 г.

Существует взгляд, по которому весь период после кризиса 1904 г., вплоть до 1909 г., в России следует рассматривать как один сплошной период депрессии. В двадцатом веке русская конъюнктура, дескать, «отклоняется от западного образца» (Первушин). «Со времени кризиса 1900 г., — писал, например, Туган-Барановский в 1914 г., — запад пережил новый подъем в 1905—1907 гг., между тем, как русская промышленность все это время пребывала в состоянии крайнего угнетения»¹. Однако такое представление отнюдь не подтверждается фактами. Пользуясь сводкой Варзара и Кафенгауза, мы можем привести здесь такие итоги раз-

¹ «Народное хозяйство в 1913—1914 гг.» (ежегодник газеты «Речь»), ср. также Штейн, Теория и политика экономической конъюнктуры, Л. 1924, стр. 85 и Первушин, Хозяйственная конъюнктура, М. 1925, стр. 187.

вития всей русской промышленности за 1903—1913 гг. (в границах СССР):

Таблица 10

Годы	Тяжелая промышленность		Легкая промышленность		Итого	
	рабочие (в тыс.)	продукция (в млн. руб.)	рабочие (в тыс.)	продукция (в млн. руб.)	рабочие (в тыс.)	продукция (в млн. руб.)
1903 . .	777	970	884	1 421	1 661	2 391
1904 . .	782	1 099	863	1 521	1 645	2 620
1905 . .	786	1 111	873	1 392	1 659	2 503
1906 . .	790	1 145	909	1 577	1 699	2 722
1907 . .	826	1 265	931	1 776	1 757	3 041
1908 . .	840	1 187	976	1 788	1 816	2 975
1909 . .	841	1 275	964	1 812	1 805	3 087
1910 . .	870	1 359	1 018	2 172	1 888	3 531
1911 . .	965	1 495	1 042	2 307	2 007	3 802
1912 . .	1 034	1 863	1 060	2 434	2 094	4 297
1913 . .	1 240	2 237	1 117	2 526	2 357	4 763

Всего за 10 лет продукция всей русской горной и фабрично-заводской промышленности почти удвоилась. В том числе за вторую половину этого периода, после мирового кризиса 1907/08 г., мы имеем средний ежегодный прирост не менее чем на 10%. Это блестящий темп для капиталистической страны. Но если взять 1905—1907 гг., которые Туган-Барановский рассматривал как период подъема на Западе в противовес «крайнему угнетению» в России, то окажется, что в России за это время мы имели в среднем тоже свыше 10% прироста в год, а в сумме за 2 года — 21,5% прироста. В Германии за те же два года индекс промышленной продукции вырос всего на 4,4%, в США — на 5,4%. Но если прирост за 2 года на 4-5% называется подъемом, то почему же прирост в 21,5% за тот же период трактовать как крайнее угнетение? Фактически русская конъюнктура и в 900-х годах отнюдь не отклонилась от западных образцов. Во всяком случае, и там и здесь мы имеем весьма отчетливый период оживления после кризиса 1900—1903 гг. и новый кризис в 1907—1908 гг.

Правда, и за время войны 1904—1905 гг. в России наблюдалось в ряде отраслей промышленности сокращение числа рабочих в связи с мобилизацией и даже сокращение продукции. Но никакого «угнетения» за это время отнюдь не чувствовалось, ибо цены на промышленную продукцию росли и конъюнктура все время повышалась. Росли несмотря на войну и железнодорожное строительство и капитальные вложения в акционерные предприятия. Другое дело после 1907 г. Тут уже и цены и все прочие показатели конъюнктуры действительно покатились вниз, как это всегда бывает во время кризиса. Прежде всего уже с 1907 г. наблюдается заметное снижение заграничного спроса на русские товары. В 1908 г. в итоге экспортной торговли России это снижение достигло за 2 года не менее 97 млн. руб., или 8,8% к уровню 1906 г. Еще хуже оказалась конъюнктура внутреннего рынка. Вот, например, как обстояло дело с ценами. Если уровень 1903 г. принять за 100, то по «Своду товарных цен» получим такую их динамику за 1903—1910 гг. (см. табл. 11 на стр. 134).

Как видим, до 1907 г. жаловаться на депрессию или угнетение не было решительно никаких оснований. Но с конца 1907 г. цены действительно начали резко падать, и новый подъем их обозначился только с 1910 г. (в нефтедобыче — с 1911 г.). Не менее показательна

Таблица 11

Г о д ы	1 Пряжа хлопковая	2 Шерсть, Москва	3 Миткаль средний, СПБ	4 Чугун древесный, СПБ	5 Каменный уголь рядовой, Одесса	В среднем по 1—5	6 Нефть сырая, Баку
1903	100	100	100	100	100	100,0	100
1904	113	104	106	100	100	104,6	162
1905	112	116	96	108	112	108,8	208
1906	129	124	114	117	136	124,0	315
1907	143	131	128	118	137	131,4	338
1908	134	130	121	115	128	124,1	270
1909	124	122	109	113	119	117,4	262
1910	131	137	123	118	119	125,6	188

в том же отношении динамика капитальных вложений и железнодорожного строительства. Вот несколько цифр (см. табл. 12):

Таблица 12

Г о д ы	Прирост акц. капиталов		Открыто новых линий	
	(в млн. руб.)	(в %)	(в км)	(в %)
1903	82,4	100	763	100
1904	94,1	114	1 254	164
1905	99,7	121	1 467	192
1906	127,3	155	2 538	333
1907	115,8	140	1 877	246
1908	139,2	169	419	55
1909	37,6	46	426	56
1910	173,4	210	236	31

Оба показателя несмотря на войну и революцию отмечают бесперебойный рост конъюнктуры за 1904—1906 гг., заметное снижение ее в 1907 г. и очень резкое снижение — раза в четыре — по железнодорожному строительству уже с 1908 г., а по акционерным вложениям — раза в три — с 1909 г. С 1910 г., однако, мы видим уже новый прыжок вверх — раза в четыре — акционерных вложений, а с 1911 г. еще более резкий скачок — раз в шесть-семь — по размерам железнодорожного строительства (1446 км). Менее резко, но все же с полной отчетливостью выявляются все фазы кризиса 1907 г. в России и в нижеследующей отраслевой таблице (см. табл. 13 на стр. 135).

В 1904—1906 гг. сокращение производства — по преимуществу в отраслях легкой промышленности — можно отметить не менее чем в шести отраслях за каждый год. Это, несомненно, означало известную задержку в развитии промышленности. За 1904 г., несмотря на то, что рост ряда отраслей приостановился, общий прирост продукции составил целых 9%. Снижение итога 1905 г. на 5,2% объясняется главным образом сокращением производства хлопчатобумажной промышленности почти на 18% в связи с революционными событиями этого года. Но уже за 1906 г. общий итог продукции по учтенным в таблице отраслям возрастает на 7,6%, а за 1907 г., в котором можно было отметить одну лишь заминку в льняной промышленности, общий итог возрастает еще на 12,9%. Вслед за этим подъемом цен и продукции начинается падение цен, а за ними и продукции. В 1908 г. кризис перепроизводства охватил сразу шесть отраслей из тринадцати, в том числе такие решающие, как обработка хлопка, металло-

Таблица 13

Продукция важнейших производств России за 1903—1913 гг.
(в границах СССР; в млн. руб.)

Годы	Обработка металлов	Обработка льна, пеньки и джута	Топливная промышленность	Обработка хлопка	Обработка шерсти	Черная металлургия	Сахарная промышленность	Обработка животных жиров	Обработка шелка *	Производство бумаги и бумажных изделий	Основное химическое и красочное	Обработка дерева	Силикатная промышленность	Итого
1903 . .	339,0	58,6	126,0	523,7	112,5	148,5	255,5	74,9	27,9	43,8	52,9	87,8	77,5	1 928,6
1904 . .	354,0	60,0	175,9	601,9	133,9	173,2	253,0	67,3	26,5	45,0	52,4	85,9	73,0	2 102,0
1905 . .	385,6	70,4	176,8	494,1	113,3	165,1	239,2	73,3	22,6	43,6	52,7	86,3	70,2	1 993,2
1906 . .	358,4	73,9	235,9	632,9	117,4	140,4	238,7	70,2	21,7	45,6	55,4	86,9	67,1	2 144,5
1907 . .	364,3	72,1	276,0	750,5	131,8	174,3	284,4	71,6	23,4	48,8	59,4	92,7	72,8	2 422,1
1908 . .	330,7	72,6	250,9	724,4	125,2	167,6	280,6	90,6	32,4	57,3	60,6	94,3	75,7	2 342,9
1909 . .	347,5	92,6	262,0	684,2	125,2	181,1	276,6	89,5	29,7	54,1	75,1	107,4	86,1	2 411,1
1910 . .	389,3	115,9	226,8	975,7	123,7	192,7	285,3	88,5	36,1	65,4	89,7	140,1	106,6	2 835,8
1911 . .	420,2	125,5	286,2	959,3	142,9	(224,0)	370,6	92,8	37,8	70,1	72,8	153,3	117,5	3 073,0
1912 . .	490,0	125,0	388,8	1 048,7	161,5	266,5	334,6	93,4	50,8	74,4	87,5	168,6	139,3	3 429,1
1913 . .	646,1	126,1	461,1	1 065,6	195,1	285,0	297,6	119,9	49,2	77,7	164,1	171,2	146,3	3 805,0

промышленность и др., а в 1909 г. к ним прибавились еще три новые. В 1910 г. влияние кризиса еще сказывалось в топливной промышленности — низкие цены на нефть — и отчасти в шерстяной и кожевенной. Но в большинстве отраслей с 1910 г. цены уже пошли вверх, а вместе с ними и продукция. За 1908 г. общий итог продукции упал на 3,3%, но уже за 1909 г. мы имеем прирост на 2,9%, за 1910 г. он повышается сразу до 17,6%, а за следующие 3 года мы являемся свидетелями дальнейшего почти бесперебойного роста во всех отраслях, в общем итоге еще на целых 34%.

В отдельных отраслях наиболее значительное сокращение продукции за время кризиса можно отметить: в писчебумажной — на 5,6%, в шерстяной — на 6,2%, в сахарной — на 8,3%, в шелковой — на 8,3%, в хлопчатобумажной — на 8,8%, в металлообрабатывающей с 1907 г. — на 9,2%, в топливной — на 17,8% и в химической — на 18,6%. Эти показатели, правда, значительно ниже показателей глубины кризиса 1900 г. Но, сравнив их с показателями глубины кризиса 1907/8 г. в западных странах (США, Англия, Германия и Франция), где по углю среднее снижение составляло 3,4%, по чугуну — 15,7%, по стали — 17,6% и по хлопку — 6,6%, мы не сможем признать их слишком низкими для этого кризиса.

Приведенный выше краткий обзор промышленных кризисов не претендует на сколько-нибудь исчерпывающий охват этой многосторонней темы. История промышленных кризисов в России — это огромная и благодарная тема для целого ряда исследований. Нам хотелось только привлечь внимание исследователей к тому очень большому, хотя и малоизвестному фактическому материалу промышленной статистики, который во многих случаях совсем по-новому освещает рассматриваемую нами проблему. И до сих пор было известно, что развитие промышленности в России носило циклический характер, гораздо теснее связанный с циклами зарубежной капиталистической экономики, чем, скажем, с периодическими колебаниями урожайности в России. Но приведенные нами факты говорят больше. Циклы в России не только сходны с западноевропейскими, но они тождественны с ними, представляя собою просто составную часть мировых капиталистических кризисов, единых, где бы они ни протекали, по своему характеру и происхождению. Это капиталистические кризисы перепроизводства. И потому их тщетно было бы искать в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции. Как известно, после победоносного завершения гражданской войны в 1920 г. мы не имели в бурном развитии советской промышленности ни одного провала, ни одной остановки, хотя капиталистический мир пережил за это время уже не меньше трех кризисов.

В нашей краткой исторической справке о кризисах в России мы почти не коснулись тех бесчисленных бедствий, какие каждый из этих кризисов несомненно причинил российскому пролетариату. К сожалению, у нас нет статистических данных о движении безработицы в царской России. Чрезвычайно скудны также все наши сведения о динамике заработной платы промышленных рабочих за дореволюционный период. В качестве некоторой иллюстрации того, как влияли кризисы на уровень жизни и оплату труда русских рабочих, мы могли бы только сослаться на многолетние данные о динамике поденной платы питерских рабочих-строителей. Несмотря на то, что начальные и конечные моменты кризисов и депрессий в промышленности и

строительстве не всегда совпадают, колебания реальной поденной платы строителей находятся в полнейшем согласии с колебаниями промышленного цикла. Вот например, на какие годы приходится максимумы и минимумы реальной поденной платы строителей, выраженные в процентах среднего плавного уровня за соответствующий период¹:

М а к с и м у м ы		М и н и м у м ы	
г о д ы	п л а т а	г о д ы	п л а т а
1854	126,0	1857	78,4
1860	125,2	1862	80,1
1865	106,1	1868	91,5
1870	109,1	1872	87,7
1882	112,1	1886	86,0
1890	109,9	1893	92,3
1896	107,1	1900	88,1
1905	107,0	1908	88,3
В среднем	112,8	В среднем	86,5

Как видим, за одним лишь исключением 1862 г. (хлопковый голод) все остальные минимумы заработной платы пришлись у нас либо в точности на начальные годы кризисов (1857, 1872, 1900), либо на ближайшие к ним годы острой депрессии (1868, 1886, 1893, 1908). Наиболее далеким от начала кризиса (1882 г.) оказался минимум заработной платы 1886 г., но и он полностью совпадает у нас по времени с минимумом производства за кризис 80-х годов. Кстати сказать, и 1862 г. был в России годом падающего производства. Обращает внимание огромный размах колебаний заработной платы от максимума к минимуму в ближайший период к 1861 г.—этому переломному моменту для всей системы трещавшего уже по всем швам феодализма. Столь резкие и разрушительные колебания жизненного уровня трудящихся, несомненно, служили признаком крайней неустойчивости и всей доживающей свой век системы.

Средний размах колебаний заработной платы за весь период с 1854 по 1908 г. от 112,8 до 86,5%, на целых 26,3 пункта, конечно, тоже чрезвычайно глубокий и страшный, если вдуматься в его значение для жизненных интересов трудящихся масс. Капиталистическая система, периодически наносящая такие губительные удары жизненному уровню трудящихся—этой основной производительной силы, на которой зиждется всякое общество,—не может считаться очень устойчивой и долговечной. В России эти кризисные удары были значительно ощутимее, чем в других странах, уже потому, что она была слабейшим звеном в цепи капиталистических стран. Отсталая техника мешала России конкурировать с ними на внешнем рынке, а внутренний крестьянский рынок, скованный в своем развитии такими пережитками крепостных пут, как выкупные платежи, кабальная аренда и ряд других, был очень ограничен. И крупная капиталистическая промышленность России в своем стихийном росте на этой узкой базе сильнее многих других стран реагировала на все рытвины и ухабы мировых циклов. Включившись в их русло еще на заре своего капиталистического развития в недрах отмиравшего фео-

¹ Струмилин, Оплата труда в России, «Плановое хозяйство», 1930, № 7—8, стр. 150.

дализма, промышленность России неизменно в течение целых 60 лет испытывала на себе все бедствия кризисных провалов. При этом удары мировых кризисов поражали ее как слабейшее звено в цепи обычно и раньше и глубже других звеньев.

Всякое действие вызывает, однако, соответствующее противодействие. Обрушиваясь на пролетариат, удары мировых кризисов не могли не вызывать в нем ответной реакции на всем протяжении их действия. И там, где чувствительнее были эти удары, сильнее была и реакция. Сильнее и крепче выковывалась в России под этими ударами и получала свой закал — согнутая и придавленная, но готовая в любой момент выпрямиться, как стальная пружина, и тем сильнее ударить врага — боевая партия пролетариата. Вот почему совсем не случайно капиталистическая цепь эксплуатации оказалась именно здесь под особо большим натяжением. И она порвалась, как всем известно, отнюдь не автоматически, именно в этом своем слабейшем звене — на огромном протяжении одной шестой мира.

Экономические воззрения Н. В. Шелгунова

Мало известный в настоящее время Николай Васильевич Шелгунов (1824—1891) был популярен во второй половине XIX в. среди радикальной русской интеллигенции как один из наиболее передовых общественных деятелей и талантливых писателей-публицистов. Он начал принимать активное участие в политической жизни в конце 50-х годов, в период бурного подъема общественного движения, направленного против самодержавно-крепостнического строя. Как политический деятель и публицист Шелгунов без колебаний примкнул к просветительному лагерю, возглавлявшемуся Чернышевским и Добролюбовым.

Просветительство было самым передовым политическим течением в России в 60-х годах — левым радикально-демократическим флангом русского общественного движения против самодержавия и крепостничества. Ленин отмечает следующие основные черты просветителей: горячая вражда «к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому»¹.

Борясь за осуществление задач буржуазно-демократической революции, просветители сеяли в широких массах народа непримиримую вражду к самодержавию. Они разделяли теории утопического социализма и пропагандировали их, способствуя распространению социалистических идей в массах.

Воспитывая передовые слои русского общества в духе ненависти к царизму, в духе социалистической критики капитализма, не отрицая в то же время прогрессивной роли последнего, просветители выступают как предшественники научного социализма в России.

Вскрывая исторические заслуги просветителей, Ленин указывает, что только марксисты являются единственными хранителями наследства просветителей².

Среди учеников Чернышевского Шелгунов был одним из наиболее талантливых и последовательных. Значительно уступая Чернышевскому и Добролюбову и по глубине теоретического анализа и по силе публицистического таланта, Шелгунов имеет большие заслуги

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 314.

² Там же, стр. 337.

в пропаганде отдельных вопросов, в научной разработке идей просветительства.

Некоторыми своими работами Шелгунов способствовал распространению идей западноевропейского утопического социализма в России.

Другой заслугой Шелгунова является пропаганда основных идей книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Разбор этого классического труда Энгельса Шелгунов дает в одной из первых своих экономических работ «Рабочий пролетариат в Англии и Франции». Эта книга Шелгунова, являясь одним из первых в России трудов по рабочему вопросу, пользовалась в течение ряда лет большой популярностью среди рабочих и революционной интеллигенции.

Борясь за всестороннюю европеизацию российской жизни, за развитие технического прогресса и культуры, Шелгунов, в противоположность народникам, понимал прогрессивный характер развития капитализма в России. В то же время, отстаивая интересы народных масс, он осуждал эксплуатацию крестьянства и рабочего класса в России.

Отношение марксизма-ленинизма к наследству просветителей обязывает внимательно изучить их экономические работы. Анализ экономических взглядов Шелгунова показывает, насколько просветители 60-х годов были впереди народников. Труды Шелгунова иллюстрируют прогрессивный характер просветительства и реакционную сущность народничества.

Как и большинство радикально-демократической интеллигенции 60-х годов, Шелгунов доводил критику самодержавия и крепостничества до призыва к революционной борьбе против них. Это выразилось в составлении прокламаций «К молодому поколению» (зимой 1860/61 г.) и «К солдатам», а также в обсуждении прокламаций, написанных Чернышевским: «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» и «К старообрядцам».

Прокламацию «К молодому поколению» Шелгунов написал совместно с другим известным крупным деятелем 60-х годов, поэтом и публицистом М. И. Михайловым. В воззвании была выдвинута развернутая программа радикальных изменений: уничтожение монархии и замена ее выборной народной властью, свобода слова, собраний, развитие начал самоуправления (крестьянская община. — *И. Ш.*), уничтожение сословий, равенство всех перед законом, равенство в податях и повинностях, публичное судопроизводство, уничтожение полиции и, наконец, переход земли в собственность государства. Авторы воззвания не останавливаются перед насильственным низвержением существующего строя. Их не пугает перспектива народной революции и кровавой расправы с эксплуатирующими классами.

Стремясь к революции, авторы воззвания «К молодому поколению» ориентируются на восстание широких народных масс. И в этом отношении они являются учениками Чернышевского — идеолога крестьянской революции.

Воззвание Шелгунова «К солдатам» было первым воззванием, обращенным в 60-х годах к армии. В нем содержалась критика реформы 1861 г., о которой говорилось: «Это не воля, а кабала, во всем хотят разорить народ русский и ограбить». Характеризуя правительство Александра II и помещичий класс как врагов народа

и предсказывая близящееся народное восстание, Шелгунов призывает солдат не повиноваться царскому правительству и не выступать против восстающего народа.

В 1862 г. на основании показаний провокатора В. Костомарова Шелгунов был арестован. По процессу Чернышевского он был предан военному суду и просидел с апреля 1863 по ноябрь 1864 г. в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Только в силу отсутствия у обвинения документальных доказательств виновности Шелгунов отделался ссылкой на поселение в Вологодскую губернию, где пробыл с декабря 1864 до 1877 г. Находясь в ссылке, он продолжал свою литературно-публицистическую работу сначала в журнале «Русское слово», а с 1867 г.— в журнале «Дело». В этот период им был написан ряд работ на экономические и исторические темы: «Женское безделье», «Социально-экономический фатализм», «Россия до Петра I», «Рабочая ассоциация» и т. д.

В условиях усиленного цензурного зажима Шелгунов не смог выразить свои мысли в этих статьях столь прямо, как в нелегальных воззваниях. Обходя рогатки цензуры, он в осторожной, завуалированной форме критикует капиталистический строй, высказывает свою солидарность с западноевропейскими социалистическими теориями. В статье «По поводу одной книги», написанной в 1870 г., Шелгунов осторожно выражает свое сочувствие развертывавшейся в то время во Франции борьбе пролетариата против буржуазии. Значительная часть статей, присылавшихся Шелгуновым из ссылки, не помещалась вследствие цензурного запрета. 9 января 1866 г. «Русскому слову» было сделано предостережение за одну из статей Шелгунова, в которой царская цензура нашла «оправдание и даже дальнейшее развитие коммунистических теорий, причем усматривается косвенное возбуждение к осуществлению этих теорий на практике»¹.

В 1877 г. Шелгунов получил разрешение проживать в Петербурге. По приезде туда он начал редактировать журнал «Дело», в котором активно сотрудничал еще находясь в ссылке.

Правительственная реакция после 1 марта 1881 г. затронула и Шелгунова. В 1883 г. он был снова арестован и заключен в Петропавловскую крепость по обвинению в сношениях с народолюбцами и снабжении деньгами Исполнительного комитета «Народной воли». Однако это обвинение не было доказано; Шелгунова выпустили на свободу и выслали из Петербурга. От редактирования «Дела» он был отстранен, а самый журнал скоро прекратил свое существование.

С 1885 г. Шелгунов сотрудничает в журнале «Русская мысль», где в течение ряда лет печатались ежемесячно его «Очерки русской жизни», пользовавшиеся большим успехом среди радикально настроенных читателей. В этих «Очерках» нашли свое выражение отмеченные Лениным характерные черты просветительства 60-х годов. Проникнутый горячей враждой ко всем порождениям крепостного права в экономической, социальной и культурной жизни страны, Шелгунов резко выступал против распространенной в 80-х годах «абрамовщины» — проповеди «малых дел», прикрывавшей политическое капитулянтство и приспособление к существующему режиму. Отрицательно относился Шелгунов и к другой форме капитулянтства — толстовству с его «непротивлением злу». Шелгунов решительно осуждал упадочнические настроения, распространенные среди интеллигентов-«восьмидесятников». Он тогда же рез-

¹ Богучарский, Из прошлого русского общества, СПб 1904, стр. 370.

ко выступил в своих «Воспоминаниях» против реакционеров и либералов, пытавшихся использовать чествование памяти умершего в 1883 г. Тургенева для дискредитации Чернышевского и Добролюбова и возглавляемого ими движения.

Но, осуждая реакционных и либеральных критиков за их нападки на идеологов революционного просветительства, Шелгунов сам не сумел удержаться целиком на старых позициях боевого демократизма «шестидесятников». В «Очерках русской жизни» нет отзвука прежних революционных настроений. Шелгунов уже не делает ставки на крестьянскую революцию. Он делает упор на просвещение масс. В его «Очерках» звучат довольно сильно либеральные тенденции, вроде надежд на благотворную деятельность земства, на благотворные результаты правительственного обследования кустарной промышленности и т. д.

Потеря Шелгуновым в 80-х годах революционных перспектив и его отход к либерализму очень показательны, так как выражают определенный этап в истории русского просветительства.

После ареста и осуждения Чернышевского, ранней смерти Добролюбова и Писарева Шелгунов оставался в течение 25 лет самым крупным представителем просветительства. Ему приходилось отвечать на вопросы, возникавшие в связи с экономическим развитием послереформенной России. Присущая просветителям горячая вера в общественное развитие, в прогресс техники и культуры облегчила Шелгунову возможность понять прогрессивный характер развития капитализма в России и преодолеть мелкобуржуазные иллюзии «крестьянского социализма» народников. В 80-х годах Шелгунов уже не верил в крестьянскую революцию, открывающую России прямую дорогу к социализму. Но он не мог понять роли рабочего класса как гегемона революции, как руководителя борьбы трудящихся и эксплуатируемых против капиталистической и помещичьей эксплуатации, не мог понять исторической миссии пролетариата как могильщика капитализма и создателя социалистического общества. Шелгунов оставался просветителем, сохраняя присущие просветителям ошибки: идеалистическое понимание истории, переоценку роли интеллигенции, абстрактный, внеклассовый гуманизм.

Непонимание исторической роли пролетариата неизбежно толкало Шелгунова, в условиях разочарования в революционности крестьянства, к пропаганде мирного культурничества и к либерализму.

В работах Шелгунова сочетаются признание необходимости и неизбежности капиталистического развития России с отдельными высказываниями в народническом духе, резкая критика всего уклада российской жизни 80-х годов с либеральными чаяниями в духе критикуемой им «абрамовщины», признание неизбежности и необходимости самых острых форм классовой борьбы, вплоть до насилия, с надеждами на мирное разрешение рабочего вопроса.

Слабые стороны в публицистической деятельности, эклектизм в теории, отступление к либерализму в последний период деятельности Шелгунова не снимают его заслуг в истории русской общественной мысли, которые получили высокую оценку среди русских рабочих — современников Шелгунова. Незадолго перед смертью Шелгунова петербургские рабочие преподнесли ему благодарственный адрес. Происходившие вскоре после этого похороны Н. В. Шелгунова (12 апреля 1891 г.), в которых участвовало большое количество рабочих, вошли в историю рабочего движения в России как первая массовая противоправительственная демонстрация с участием рабочих. В этой демонстрации пролетариат проявил себя как сила, выходящая

на авансцену политической жизни. Оценивая значение этого события, Ленин писал: «1891-ый год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения»¹. Демонстрация на похоронах Шелгунова как бы знаменовала стык двух эпох в истории общественного движения в России — уже отжившего просветительства и находящегося в «процессе утробного развития» рабочего движения под знаменем марксизма-ленинизма. Участникам демонстрации — передовым рабочим Петербурга — был чужд теоретический эклектизм Шелгунова. К этим сторонам деятельности Шелгунова они не могли относиться иначе, как с самой резкой критикой. Но они чтили память Шелгунова как деятеля, внесшего значительную лепту в историческое дело просветительства.

* * *

Шелгунов придавал исключительное значение изучению экономических вопросов. Он считал, что истинное просвещение требует усвоения «правильных экономических понятий». Стремясь к распространению «правильных экономических понятий», Шелгунов выступал против тогдашних столпов официальной университетской науки — политической экономии — вроде Бабста, Вернадского и др., преподнесших с профессорских кафедр и страниц журналов «перлы» вульгарной политической экономии. В противовес этим господам, борющимся против трудовой теории стоимости, Шелгунов выступает как ярый сторонник последней. Критикуя вульгарную политическую экономию, Шелгунов понимает различие между нею и классической политической экономией. Именно последнюю он имеет в виду, когда рекомендует знакомиться с экономической теорией путем углубленного изучения экономистов XVIII и XIX вв.

Шелгунов вслед за Червышевским отделяет классиков от последующих поколений буржуазных экономистов. Он неоднократно правильно подчеркивает антинаучную апологетическую сущность произведений вульгаризаторов типа Сэя, Бастиа, последователей исторической школы. Его отношения к представителям вульгарной политической экономии весьма отчетливо выявляются в отзыве на книгу «Политическая экономия настоящего и будущего» Гильдебранда — одного из «столпов» старой исторической школы.

Шелгунов характеризует эту работу как мещанские рассуждения, не имеющие ничего общего с наукой. Он прямо заявляет, что подобные произведения приносят только вред. «Такие книжки для людей знающих — ненужны, а для незнающих — в двух третях непонятны, в понятной третьей части — вредны»².

Шелгунов указывает, что единственной целью господ Гильдебранда и компании является не объективное научное исследование, но предвзятая апологетика капитализма, затушевывание всех его противоречий. Противопоставляя Гильдебранду Энгельса, Шелгунов пишет: «Разница между Гильдебрантом и Энгельсом в том, что Энгельс называет худое худым и не хочет этого худого; а Гильдебрант, напротив, находит, что дурное не только не дурно, но что оно так и должно быть. Уж не поэтому ли перевод Гильдебранта так и понадобился у нас?»³.

¹ Ленин, Соч., т. VII, стр. 105.

² Шелгунов, Соч., изд. 3-е, т. II, стр. 9.

³ Там же, стр. 10.

Высоко оценивая значение Адама Смита и Рикардо в политической экономии, Шелгунов считает, что они далеко не сказали последнего слова в этой науке. По его выражению, «Смит прочитал только первую часть экономической книги жизни и только ее содержание поведал миру»¹. Шелгунов не говорит конкретно, что нужно понимать под этой первой частью «экономической книги жизни». Но, очевидно, он имеет в виду анализ производства, учение классиков о труде как единственном создателе стоимости и источнике богатства.

Под второй частью «экономической книги жизни» Шелгунов понимает проблему распределения. Он упрекает Адама Смита и Рикардо в том, что они не прочитали этой второй части, что, занимаясь исключительно исследованием производства, они почти не коснулись проблемы распределения, не выявили, как влияют условия производства на «общественный быт человека». Тем самым они, по выражению Шелгунова, лишили экономическую науку ее социального момента.

Критика Шелгуновым учения классической школы основана на метафизическом отрыве распределения от производства, на непонимании того, что распределение есть лишь момент производства.

Шелгунов резко выступает против отправного постулата классической политической экономии, подхваченного впоследствии вульгарными экономистами, — об эгоистическом стремлении к личной выгоде как движущей силе экономической жизни, как основном факторе прогресса и всеобщего благосостояния. Он выступает против положения Адама Смита, утверждавшего, что соперничество между людьми способствует успехам производства и прогрессу общества. Он считает принцип соперничества «основным злом социально-экономического быта человечества», создавшим все бедствия рабочего класса. Восстанавливая людей друг против друга, принцип соперничества содержит в себе разрушительное начало и должен смениться, по мнению Шелгунова, принципом сотрудничества. Только последний является подлинной основой прогресса и людского благосостояния. Этот принцип сотрудничества находит свое полное выражение в кооперированном труде и образовании ассоциаций. Под ассоциацией Шелгунов понимает объединение производителей, основанное на коллективном владении средствами производства и коллективном присвоении продуктов труда.

Так же как и великие утописты Фурье, Оуэн и др., Шелгунов считает, что социалистический способ производства, наиболее гармоничный, наиболее соответствующий человеческой природе, установится тогда, когда люди осознают свои подлинные интересы, когда они поймут всю ненормальность и противоестественность буржуазного общества. Социалисты-утописты видели в общественном сознании движущую силу прогресса, основной фактор, обуславливающий смену общественных формаций. Шелгунов воспринимает этот исторический идеализм социалистов-утопистов. Так же как и социалисты-утописты, он считает, что установление социалистического строя является освобождением человеческой природы, ее подлинных инстинктов и устремлений (принцип сотрудничества) от посторонних, наносных влияний (принцип соперничества), является победой разума и знания над невежеством.

Общество, понявшее, с одной стороны, все зло капитализма, а с другой — все выгоды крупного производства, неизбежно придет, по Шелгунову, к мысли о создании крупного коллективного производства и претворит эту мысль в жизнь, организуя ассоциации. Он вы-

¹ Шелгунов, т. II, стр. 280.

ступает как убежденный сторонник социалистического строя, основанного на крупном производстве и развитой технике.

Исторический идеализм Шелгунова не позволил ему понять корней социалистического движения. Он видел их не в классовых противоречиях между буржуазией и пролетариатом, а в сознании людей. Он не понимал, что установление социалистического общества возможно только при наличии материальных предпосылок, вызревающих в недрах капитализма. Поэтому Шелгунов, объяснявший необходимость перехода от капитализма к социализму ростом просвещения, возлагал все надежды на интеллигенцию.

Таким образом, в коренном вопросе о путях переустройства капиталистического общества Шелгунов стоял, в основном, на позициях утопического социализма. Но он не ограничился пересказом воззрений великих утопистов. Вслед за Чернышевским Шелгунов сделал шаг вперед по сравнению с утопическими социалистами. Используя раннюю работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», он имел возможность дать более глубокую критику капитализма, нежели Фурье. Это подвело Шелгунова к постановке вопроса о классовой борьбе рабочих, хотя он не сделал всех выводов из правильно констатированных им положений о классовой борьбе между буржуазией и пролетариатом.

* * *

Шелгунов уделял огромное внимание рабочему вопросу. Это видно уже из его критики Адама Смита. Шелгунов неоднократно подчеркивает, что рабочий вопрос является основным и наиболее острым вопросом капиталистического общества. Отсюда ясно, что произведения основоположников научного социализма, с которыми Шелгунов был знаком, наложили некоторый отпечаток на его взгляды, хотя он до конца своей жизни не усвоил основ научного социализма и не понял его великого исторического значения.

В книге «Рабочий пролетариат в Англии и Франции» Шелгунов специально занимается вопросом об историческом значении промышленной революции, о ее влиянии на положение рабочего класса. Он здесь открыто солидаризируется с Энгельсом, защищая его от нападок представителя исторической школы — Гильдебранда. Шелгунов пишет, что Энгельс — «один из лучших и благороднейших немцев», и характеризует его работу «Положение рабочего класса в Англии» как «лучшее сочинение об экономическом быте рабочего».

Основные положения Энгельса о влиянии промышленного переворота на судьбу рабочего класса Шелгунов разделяет полностью. По существу, его книга «Рабочий пролетариат в Англии и Франции» является не столько самостоятельным исследованием, сколько пропагандой взглядов Энгельса, высказанных им в книге «Положение рабочего класса в Англии». Вслед за Энгельсом Шелгунов считает, что промышленная революция, начавшаяся в 1764 г. с изобретением прядильной машины «Дженни» и паровой машины Джемса Уатта, произвела полный переворот в обществе и что введение машин обусловило окончательную победу крупной промышленности, привело к вытеснению и массовому разорению мелких товаропроизводителей и резко ухудшило положение рабочих, занятых в капиталистической промышленности.

Следует отметить, что Шелгунов в своей работе наряду с мастерской передачей основных мыслей и богатейшего описательного материала, данного в книге Энгельса, сумел привлечь еще и дополнительные материалы об ухудшающемся положении рабочего класса

в Англии и Франции. Шелгуновым охвачены все стороны жизни английских и французских пролетариев — заработная плата, жилищный вопрос, питание, просвещение и т. д. Остановившись на этих моментах, он констатирует, что материальное положение пролетариата во всех отношениях ухудшается. Он полностью согласен с Энгельсом, что нищета рабочего класса возрастает с развитием буржуазного общества. Шелгунов правильно показывает, что развитие техники при капитализме неизбежно ведет к вытеснению рабочих из производства, обуславливает рост безработицы и резкое снижение заработной платы. Он верно отмечает также, что необеспеченность существования, угроза безработицы и даже голодной смерти являются уделом всех без исключения рабочих в капиталистическом обществе.

Характеризуя труд рабочего при капитализме как подневольный, Шелгунов считает, что фабричное рабство отличается от античного рабства только тем, что последнее носило более открытый характер. Современный рабочий только кажется свободным. Действительное же его отличие от раба заключается лишь в том, что он продает себя сам и не на всю жизнь, а на время.

Шелгунов описывает далее губительное влияние капиталистической промышленности на народное здравоохранение, указывая, что безработица и нужда, а также чрезмерно тяжелый каторжный труд на капиталистических предприятиях неизбежно ведут к массовой инвалидности, преждевременной старости и страшному увеличению смертности.

Воспроизведя картину жизни рабочего во всей ее безотрадности, Шелгунов заключает: «Везде, где ни помотришь, постоянная бедность, страдания, болезни — или от экономического положения рабочих, или от самой работы, разврат и медленное, но верное разрушение физической и нравственной природы человека»¹. Он резко обрушивается против буржуазных экономистов вроде Гильдебранда, которые не хотят видеть страданий рабочего класса, против лживых заявлений апологетов об улучшающемся положении рабочих и лицемерной проповеди благонравия и послушания.

В ответ на эту бесстыдную апологетику Шелгунов возмущенно восклицает: «И это — последнее слово европейской цивилизации, и это экономический порядок, возведенный в закон теоретиками! Есть чем гордиться, чему завидовать и чему учиться!»².

Шелгунов отмечает также, что технический прогресс в капиталистическом обществе ведет к обострению классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом. Он неоднократно заявляет, что промышленная революция, способствуя, с одной стороны, колоссальному скоплению богатств в немногих руках и, с другой стороны, обнищанию широчайших масс населения, создала большие «крайности нищеты и богатства, которых не знала прежняя патриархальная Европа»³.

Наиболее ярким выражением этих крайностей нищеты и богатства является, по мнению Шелгунова, образование огромных масс пролетариата. В этом отношении он считает особенно показательной страной Англию, где «пролетарий явился... почти мгновенно, в столетье возрос до цифры 20 миллионов»⁴.

Отмечая безотрадное положение рабочего класса, Шелгунов вполне правильно считает рабочий вопрос основным и решающим, а недо-

¹ Шелгунов, т. II, стр. 70.

² Там же, стр. 57.

³ Там же, стр. 273.

⁴ Там же, стр. 277.

вольство пролетариата условиями своей жизни и его борьбу за право находиться в ином, лучшем, положении — вполне закономерными.

Шелгунов считает, что организации рабочего класса, ведя экономическую и политическую борьбу, могут добиться не только частичного улучшения жизни рабочих при капитализме, но и полного переустройства существующего общества. Он рассматривает классовую борьбу пролетариата против буржуазии как борьбу грядущего нового экономического порядка со старым. Шелгунов считает, что для Европы лишь занята «заря новой экономической жизни». Однако он не указывает конкретно, каков будет новый экономический порядок, каковы будут основные черты его устройства. Шелгунов признает, что классовая борьба пролетариата может принимать весьма обостренные формы, что ответственность за эти резкие формы должна нести буржуазия. Но он вовсе не приходит к выводу, что пролетарская революция — единственный путь уничтожения капиталистической эксплуатации, что «новый экономический порядок» наступит только в результате насильственного сокрушения пролетариатом экономического и политического господства буржуазии.

Шелгунов эклектически допускает также, что объединенный в ассоциации пролетариат добьется своих конечных целей и мирным путем. Он считает возможным создание ассоциаций производителей, которые в будущем должны обеспечить рабочему получение «полной доли вознаграждения, причитающегося за его труд», а также получение «ссуд под залог своего труда».

Отсюда видно, что Шелгунов не выходил из-под влияния утопического социализма. Надежды Шелгунова на возможность мирного достижения пролетариатом своих целей носят несомненно отпечаток оуэнизма. В том же духе высказывались и последователи Оуэна — Томпсон, Грей и др. Разделяя в отдельных вопросах взгляды Энгельса, Шелгунов не сумел прийти к мировоззрению основоположников научного социализма, не сумел понять сущность марксизма и тем более проникнуться им. Он не в силах был пересмотреть идейный багаж западноевропейского утопического социализма и русского просветительства.

Но, оставаясь в основном на позициях утопического социализма, Шелгунов, вслед за Чернышевским, сумел сделать шаг вперед по сравнению с основоположниками утопического социализма — Сен-Симоном, Фурье и Оуэном. Для них даже не стоял вопрос о насильственном низвержении буржуазного господства. Шелгунов же частично допускал возможность насильственных действий пролетариата по отношению к буржуазии. Высказывания Шелгунова в этом духе оказывали большое влияние на передовых читателей — рабочих и революционную интеллигенцию. Но, в отличие от Шелгунова, они не останавливались на полпути и не допускали возможности мирного разрешения рабочего вопроса. Отвергая реформистские и либеральные моменты в публицистике Шелгунова, они чутко прислушивались к тем его высказываниям, где он оправдывал применение боевых средств классовой борьбы, и делали решительные и последовательные выводы.

* * *

В начале своей деятельности Шелгунов считал, что Россия неизбежно должна пройти ту полосу буржуазного развития, которую проходят Англия, Франция, США и другие страны. Он считал, что Россия может развиваться своим особым путем, что она может, минуя капитализм, прийти к более совершенному строю, не знающему классового деления и эксплуатации.

Выступая против представителей буржуазно-дворянского либерализма, видевших в западноевропейских капиталистических странах идеал для России, Шелгунов в 60-х годах считал, что Россия сможет благодаря наличию земельной общины прийти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Но в отличие от Герцена, считавшего, что в России путь к социализму благодаря общинному началу может осуществиться мирным путем, Шелгунов в 60-х годах ориентировался на крестьянскую революцию. Воззвание Шелгунова «К молодому поколению» проникнуто верой в то, что крестьянская революция спасет Россию и миллионные массы ее крестьянства от ужасов капиталистической эксплуатации, откроет прямую дорогу к социализму. Эта вера в особый путь исторического развития, в спасительную силу крестьянской земельной общины сближает Шелгунова с народниками.

Неправильная оценка крестьянской общины просветителями, их вера в будущую русскую революцию как крестьянскую социалистическую революцию были обусловлены незрелостью экономических отношений в России в 60-х годах. Революционные просветители 60-х годов не могли в условиях крепостнической России понять, что социалистическая революция возможна только как пролетарская революция. Горячая вера в общественное развитие, стремление приблизить Россию к общеевропейской культуре сочетались у просветителей с неправильной оценкой крестьянской земельной общины как фактора социалистического переустройства России. Такое сочетание было возможно только на определенном этапе развития страны, когда новые социально-экономические отношения и их противоречия были в зародышевом состоянии, когда просветители не могли еще видеть противоречий, свойственных общественному развитию после крепостного строя. Народники же, восприняв от просветителей ошибочную оценку крестьянской общины, положили ее в основу своего реакционного мировоззрения, пронизанного враждой к марксизму и к революционной борьбе пролетариата.

Об этом нельзя забывать, сравнивая взгляды на крестьянскую общину просветителей и народников. Шелгунов уже в 70-х и 80-х годах не придерживался старых убеждений о самобытности развития России, о легкости (в сравнении с Европой) социалистической революции в этой стране. И это не случайно. Процесс общественного развития быстро показал утопичность мечтаний о некапиталистическом пути развития России. Горячая вера просветителей в общественное развитие неизбежно должна была стать в резкое противоречие с идеализацией крестьянской общины. В своих «Очерках русской жизни» Шелгунов показывает, что общинное начало неспособно спасти деревню от эксплуатации кулаков и торговцев, неспособно задержать процесс обнищания и разорения широких масс крестьянства. Больше того, в 80-х годах он признает факт разложения общины и закономерность этого факта. Шелгунов отмечает, с известным сожалением, что общинное начало вытесняется новыми, более сильными факторами, но он не призывает, подобно народникам, спасти это общинное начало всеми мерами, вплоть до административных. Он уже утратил веру в особый путь развития России и возможность для нее избежать капитализма. Весьма показательны то, что, переиздавая в 80-х годах свою работу «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», Шелгунов исключил из нее то место, где он (в первом издании в 1861 г.) предостерегал Россию от дурных путей экономического развития Европы.

В отличие от народников, Шелгунов уже в 80-х годах не считал капитализм в России уклонением от истинного пути и не призывал

к тому, чтобы остановить капиталистическое развитие страны и обусловленную этим развитием ломку докапиталистических порядков с их рутинной и застоем во всех сферах жизни.

В «Очерках русской жизни» Шелгунов неоднократно останавливается на изменениях, внесенных бурно развивающимся капитализмом. Процесс развития капитализма в России он характеризует как «происходящее на протяжении 35 лет глубокое внутреннее движение». Такое понимание в корне отличается от трактовки народников, считавших капитализм в России наносным и искусственно прививаемым явлением. В отличие от народников, толковавших о нежизнеспособности капитализма на русской почве, Шелгунов не сомневается в том, что капитализм в России имеет самые широкие перспективы развития и должен внести коренной переворот в жизнь страны. Он заявляет: «Россия, этот едва выходящий из пеленок гигант, о будущем развитии которого мы теперь не можем составить ни малейшего понятия, должна сложить себе иную жизнь, и никакая сила не встанет поперек этому стихийному движению и ему не помешает»¹.

Внимание Шелгунова привлекли возникшие во второй половине XIX в. крупные предприятия тяжелой индустрии: металлургические заводы Юза, Каменский и др., а также нефтяные месторождения и рудные месторождения Кавказа и даже хлопковые плантации Средней Азии. Он отмечает с удовлетворением неограниченные возможности роста таких предприятий на юге и юго-востоке России.

Шелгунов понимает, что развитие капитализма обозначает огромный подъем производительных сил страны. Он ярко описывает прогрессивное действие молодого капитализма. В противоположность народникам, Шелгунов не впадает в панику перед победоносным движением капитализма в России, он не противопоставляет неумолимой действительности реакционный идеал мелкотоварного производства. Но, подчеркивая прогрессивную роль капитализма в России, Шелгунов не отходит от своих взглядов на рабочий вопрос, высказанных им в книгах «Рабочий пролетариат в Англии и Франции» и «Социально-экономический фатализм». Он попрежнему считает, что капиталистический строй основан на эксплуатации и попирает элементарные права человека.

Отмечая очень тяжелое положение фабрично-заводских рабочих, Шелгунов говорит: «Наш углекопный и железнозаводский пролетариат еще (подчеркнуто нами. — *И. Ш.*) не дорос до того, чтобы составлять стотысячную стачку, как это он делает в Германии; он пока (подчеркнуто нами. — *И. Ш.*) лишь слагает песни о своей тяжелой доле...»².

Эти шелгуновские «еще» и «пока» чрезвычайно характерны. Мы указывали уже, что Шелгунов считает закономерным и необходимым явлением стачечную борьбу, а в определенных случаях даже насильственные действия со стороны пролетариата. Ясно, что он признает все это закономерным не только для западноевропейского, но и для российского пролетариата. Формулировку Шелгунова можно понять только в одном смысле — стачек и других форм организованной классовой борьбы в России еще нет, но они, несомненно, будут. Конечно, он недооценивал сложившиеся уже тогда силы российского пролетариата. Уже и в те времена происходили массовые, организованные выступления рабочих. Но для Шелгунова вопрос о самостоятельном движении в России, о выступлении пролетариата как актив-

¹ Шелгунов, т. III, стр. 777.

² Там же, стр. 793—794.

ной силы, организованно борющейся против класса капиталистов, является только вопросом времени.

Считая эксплуатацию рабочих и их нищету неизбежным результатом капиталистического способа производства, Шелгунов заявляет: «Так называемый рабочий вопрос есть лишь термин того острого общественного состояния, к которому, наконец, привело капиталистическое производство, начавшееся с изобретения машин»¹. Шелгунов рекомендует русской публике заняться внимательным изучением рабочего вопроса.

Резюмируя высказывания Шелгунова по вопросу о развитии капитализма в России, мы приходим к следующему выводу: во-первых, Шелгунов считал неизбежным развитие России по капиталистическому пути; во-вторых, он не боялся этого развития, видя прогрессивную сторону капитализма; в-третьих, он критиковал капитализм как строй, основанный на эксплуатации трудящихся, и противопоставлял ему социализм.

Констатируя успехи и грандиозные перспективы развития капитализма в России, Шелгунов не ограничивался одной промышленностью. Он уделял большое внимание и вопросу развития капитализма в сельском хозяйстве.

Если в 60-х и 70-х годах Шелгунов считал маловероятным капиталистическое развитие русской деревни, то в 80-х и 90-х годах он принимает проникновение капитализма в сельское хозяйство как неоспоримый факт.

У Шелгунова к 80-м годам не было и такой черты народничества, как признание самобытности русского экономического строя и идеализация вековых устоев. В оценке докапиталистических порядков он проявляет присущее ему трезвое чутье действительности. Докапиталистические порядки России не вызывают в нем никакого восторга. Вот как он рисует защищаемые Николаем—оном, В. В. Михайловским и др. патриархальные формы крестьянского быта: «... беднота, вечно, как маятник, качающаяся между урожаями и голодовками, беднота, ничем прочным не обеспеченная, живущая еще по звериному образу, не знакомая ни с каким умственным и материальным прогрессом, не защищенная ничем от всяческой эксплуатации, беднота бессильная и беспомощная, с упованием ожидающая только того, что пошлет ей бог...»².

Это беспощадное в своей правдивости определение представляет резкий контраст со слащаво-лицемерным фантазированием Николая—она и др. о старых формах труда, якобы удовлетворявших все народные потребности.

Интересно также отношение Шелгунова к представителям растущей городской и деревенской буржуазии. Нельзя сказать, чтобы они пользовались симпатиями Шелгунова. Напротив, он не скупится на отрицательные характеристики, описывая алчность, черствый эгоизм и грубый произвол городских и деревенских буржуа, фабрикантов, торговцев, кулаков и т. д. Но Шелгунов отлично понимает, что корень зла не в личных качествах этих людей. Он понимает, что эксплуататорская деятельность предпринимателя-промышленника, купца и деревенского кулака имеет более глубокие корни, чем субъективные качества этих хищников. Эти корни он ищет в определенных объективных закономерностях, обуславливающих возникновение кулака, городского буржуа и т. д., в общественном устройстве, где могут проявиться и широко развернуться их хищнические антиобщественные

¹ Шелгунов, т. III, стр. 1064.

² Там же, стр. 789.

инстинкты. И Шелгунов заявляет, что дело заключается не в том, чтобы расточать выражения гнева по адресу кулаков, а в том, чтобы найти социальные корни кулачества.

Шелгунов, конечно, не мог дать марксистского анализа производственных отношений, не мог вскрыть объективных социальных закономерностей, обуславливающих зарождение и процветание кулачества. Но уже самая постановка вопроса выгодно отличает его от народников, видевших в буржуазной эксплуатации деревни только злокозненные действия «пройдох», которые «пристегиваются к жизни». Высмеивая такого рода утверждения, Ленин писал: «...для народника эти «стихийные силы» (то-есть силы развивающейся буржуазии.— *И. Ш.*) сводятся к «пройдохам», которые «пристегиваются к жизни», для марксиста стихийные силы воплощаются в классе буржуазии, который является продуктом и выражением общественной «жизни», представляющей из себя капиталистическую общественную формацию, а не случайно или извне откуда-то «пристегиваются к жизни». Оставаясь на поверхности различных кредитов, податей, форм землевладения, переделов, улучшений и т. п., народник не может видеть у буржуазии глубоких корней в русских производственных отношениях, и потому утешает себя детскими иллюзиями, что это не более как «пройдохи»¹.

Шелгунов был далек от этих детских иллюзий. По-иному он ставил и вопрос о помощи крестьянству, об улучшении участи последнего. Проблему крестьянства Шелгунов не сводил к вопросу о кредите, податях, агрономической и культурной помощи и т. д. Конечно, он горячо боролся за проведение этих мероприятий. Но его защита последних носила совершенно иной характер, чем защита народников.

Одни и те же требования звучат по-разному не только у марксистов и народников, но даже у просветителя Шелгунова и народников. Народники 90-х годов указанные выше общедемократические прогрессивные мероприятия рассматривали как средства, при помощи которых можно повернуть назад колесо истории, задержать ход общественного развития страны. Шелгунов же рассматривал эти мероприятия не как средства, могущие сохранить и спасти «самобытность России», а как средства ускорения общественного развития страны, приобщения ее к общеевропейской культуре.

Наконец, Шелгунова отделяет от народничества его отношение к рабочему вопросу. Реакционная сущность либерального народничества особенно отчетливо проявилась в его отрицательном, вернее враждебном, отношении к самостоятельному рабочему движению. Шелгунов же, сочувственно относясь к рабочему движению на Западе, верил, что в историческом будущем русский рабочий класс покажет свою способность к организованной классово-борьбе.

При всех своих ошибках в рабочем вопросе Шелгунов был далек от народнического страха перед «язвой пролетариата», от народнического взгляда на возникновение пролетариата как на «историческое несчастье».

Таким образом, различие между Шелгуновым и народниками проявлялось в основных вопросах экономической, политической и культурной жизни России. И в вопросе о развитии капитализма, и в оценке «устоев», и в рабочем вопросе, и в ряде других Шелгунов занимал позиции, противоположные народничеству. Он стоял в этих вопросах много выше народников, потому что был верным хра-

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 234—235.

нителем «наследства» просветителей 60-х годов, в то время как народники фактически отказались от него.

Сопоставление Шелгунова с народниками дает наглядную иллюстрацию к следующему указанию Ленина: «Реакционный характер народнической критики капитализма придал народничеству в настоящее время даже такие черты, которые ставят его ниже того мирозозерцания, которое ограничивается верным хранением наследства»¹.

Но, расходясь с народниками в понимании ряда основных вопросов экономической и культурной жизни России, Шелгунов не пытался даже критиковать народничество в этих вопросах. Хранитель наследства 60-х годов, Шелгунов не понимал, что народничество с его боязнью прогресса, с его идеализацией докапиталистических порядков враждебно этому наследству.

Последние представители просветительства, не уяснив реакционной сущности народничества, не только не вели против него непримиримой борьбы, но зачастую поддавались его влиянию. Корни этих уступок народничеству со стороны последних просветителей кроются в слабых сторонах просветительского мировоззрения. Анализ экономических взглядов Шелгунова наглядно показывает основные черты в мировоззрении просветителей, резко отличающие их от народников: горячая вера просветителей в данное общественное развитие² и вытекающее отсюда понимание неизбежности и необходимости капиталистического развития в противоположность реакционным тенденциям народников задержать и остановить развитие капитализма в России; стремление просветителей к всеобщей европеизации России, к приобщению ее к общеевропейской культуре в противоположность народнической идеализации докапиталистических устоев русской жизни.

Анализ экономических взглядов Шелгунова отчетливо выявляет также и слабые стороны просветительства: исторический идеализм, абстрактный, внеклассовый, гуманизм, непонимание исторической роли пролетариата, метафизическую трактовку основных проблем политической экономии. Не преодолев этих слабых сторон просветительства, Шелгунов в ряде вопросов поддается влиянию народников. Так, в вопросе о перспективах развития российской кустарной промышленности он частично поддался мелкобуржуазному романтизму народников. Он надеялся, что развитие машин сможет оказать благотворное влияние на мелкую кустарную промышленность, обеспечив ее возрождение и частичную победу над крупной промышленностью. Шелгунов надеялся на симбиоз между крупной капиталистической промышленностью и домашним ремеслом. Он выступил с реакционной, по существу, установкой на экономически замкнутый сельский округ, обслуживаемый деревенскими кустарями. Надо отметить, однако, что в более поздних работах эти нотки мелкобуржуазного романтизма совсем не встречаются.

Разгром революционного движения 60-х и 70-х годов и связанный с этим крах надежд на крестьянскую революцию отразились на взглядах Шелгунова. Он уже не рассматривает крестьянство как движущую силу революции. Крестьянская масса представляет, по его мнению, инертный слой общества. Шелгунов исходит из совершенно ошибочного представления, что нарождающийся русский пролетариат еще не дорос до форм сознательной и организованной борьбы против капиталистической эксплуатации. Он проходит ми-

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 323.

² См. там же, стр. 324.

мо таких фактов, как рабочие массовые стачки в 70-х и особенно в 80-х годах (на Морозовской и других текстильных фабриках в 1885—1886 гг.), как «Южно-российский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих», как выступление ткача Петра Алексеева на суде. Недооценивая огромного значения этих фактов, Шелгунов не выделяет русский пролетариат из общей массы трудящихся.

Не понимая роли пролетариата, Шелгунов считал, что интеллигенция является единственной силой, способной к активной и сознательной борьбе. На нее он возлагал все надежды. По мнению Шелгунова, интеллигенция олицетворяла в России всю духовную жизнь народа и вела его по пути прогресса. Эта неправильная оценка роли интеллигенции была присуща всем противникам революционного рабочего движения, в частности народникам и либералам. Не случайно один из столпов российского либерализма П. Струве восхвалял Шелгунова за его оценку интеллигенции.

Игнорирование пролетариата как революционной силы, трактовка широких масс крестьянства как инертной массы, неправильная оценка роли интеллигенции — все это обусловило отход Шелгунова от боевого революционного демократизма просветителей к либерализму. Усугубляя ошибочные стороны просветительства, идя в методологических вопросах назад от Чернышевского и Добролюбова, Шелгунов неминуемо должен был скатиться от последовательной защиты просветительских идей к либерализму. От резкой революционной критики самодержавия и призыва к вооруженному восстанию Шелгунов скатывается к надеждам на реформы, от призыва к истреблению ста тысяч помещиков — к надеждам на благотворную деятельность помещичьего земства. Революционный язык воззвания «К молодому поколению»; смущавший Герцена, сменяется у Шелгунова благонамеренно-либеральным лепетом на страницах журнала «Русская мысль». Публицистические работы Шелгунова в период 80-х годов изобилуют перлами обывательского либерализма и мещанско-филистерскими рассуждениями. Бывший революционный демократ, характеризовавший в 60-х годах царское правительство как врага народа, Шелгунов в 80-х годах выражает надежду на защиту рабочих со стороны государственного законодательства и на улучшение положения кустарей в результате правительственного обследования кустарной промышленности. Либеральные сентенции Шелгунова на страницах «Русской мысли» заслуженно встречали отрицательный прием передовых читателей, высоко оценивавших его старые заслуги как ветерана просветительства 60-х годов. Если некоторые работы Шелгунова, способствовавшие развитию идей просветительства, заслуживают внимания, то его либеральные писания в последний период деятельности не оставили никакого следа в истории русской общественной мысли.

Экономические работы Шелгунова показывают отличие просветительства от народничества. Одновременно эти работы говорят о том, что последние представители просветительства, стоя несравненно выше народников и либеральных апологетов капитализма, все же не только неспособны были бороться против них, но систематически капитулировали перед народничеством и либерализмом. Непримируемую борьбу против народничества и либерализма мог вести только революционный марксизм.

М. Ф.

Е. Л. Грановский, Автоматическая система машин в промышленности СССР, Соцэжгиз, 1933, стр. 312, ц. 6 р. 50 к.

Вступление СССР в годы третьей пятилетки в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, ставит новые задачи во всех областях нашей политической, хозяйственной и культурной жизни. В своих решениях XVIII съезд партии указал, каковы эти задачи и пути их решения.

В области техники XVIII съезд ВКП(б) поставил задачу дальнейшего роста технического вооружения всех отраслей народного хозяйства, всемерного развития машиностроения и всей тяжелой индустрии, необходимого для обеспечения количественного роста технико-производственного аппарата. Наряду с этим XVIII съезд партии обратил особое внимание на качественную сторону развития технико-производственного аппарата. XVIII съезд ВКП(б) потребовал решительного улучшения всей организации и технологии производства с широким внедрением новейших достижений науки и изобретений.

Переход от социализма к коммунизму требует техники нового типа. Какова же эта техника? Ответ на этот вопрос дает книга Е. Л. Грановского «Автоматическая система машин в промышленности СССР», недавно выпущенная Институтом экономики АН СССР.

«Создание технической базы коммунистического общества,— пишет автор,— требует новых средств труда, которые и по своему техническому уровню и типу выше средств, применявшихся ранее, качественно отличаются от них и соответствуют коммунистическому способу производства. Такой качественно иной техникой являются автоматические системы машин, последовательно осуществленные в важнейших отраслях промышленности» (стр. 7).

Основное положение автора заключается в том, что реализация на практике основных линий технического развития социалистиче-

ской промышленности ведет к созданию автоматической системы машин в отраслях промышленности СССР.

Автоматическая система машин является технической базой исключительно высокой производительности труда, необходимой для достижения изобилия предметов потребления. Автор связывает развитие автоматической системы машин со стахановским движением и показывает, что она является технической основой высокой стахановской производительности труда, необходимым условием дальнейшего расцвета стахановского движения. С другой стороны, техническое творчество стахановцев, направленное к изменению конструкции машин и технологических процессов, стахановские изобретения, направленные к максимальному использованию современной техники и ее усовершенствованию, идут по генеральным путям развития социалистической техники и в конечном счете приводят к созданию автоматической системы машин.

Автоматическая система машин является основой перехода к новому типу труда, в котором противоположность между умственным и физическим трудом будет полностью уничтожена.

Раскрывая социальный смысл автоматической системы машин и обобщив богатый опыт стахановцев различных отраслей индустрии, автор правильно наметил основные линии развития автоматической системы машин в социалистической промышленности. При этом следует отметить, что наряду с общими теоретическими положениями об автоматическом производстве и анализом связи между автоматической системой машин и созданием технической базы для перехода от социализма к коммунизму автор показывает процессы автоматизации отдельных отраслей. Ставшая актуальной задача автоматизации производства усиливает научный и практический интерес к проблемам автоматизации в отдельных отраслях промышленности.

Автор устанавливает три стадии в процессе развития автоматической системы машин:

1. Механизация производственных процессов во всех звеньях и полная замена ручного труда машинным на протяжении всего технологического процесса.

2. Непрерывность производственных процессов, достигаемая на основе механизации этих процессов, механизации межоперационного транспорта и создания комбинированных машин путем соединения в ряд частичных машин и сочетания последних в комплексной машине.

3. Автоматизация управления системой машин, которая в ряде случаев является технической необходимостью вследствие высоких скоростей работы современных машин, исключая возможность ручного регулирования.

Установление трех последовательных стадий процесса создания автоматической системы машин отнюдь не исключает того, что в реальном процессе перехода к автоматической системе машин эти стадии часто совпадают во времени. Более того, последующая стадия может в некоторых случаях быть осуществлена на практике ранее предыдущей. Так, например, в ряде производств непрерывный поток осуществляется раньше, чем осуществлена полная механизация всех производственных процессов. В этом случае мы имеем непрерывный поток с значительным участием ручного труда, как это имеет место в современном массовом поточном машиностроении в швейной промышленности, в обувной и т. д. Отдельные элементы автоматизации управления могут существовать и существуют даже при относительно невысоком уровне механизации производственных процессов и при отсутствии непрерывности. Но в целом последовательное осуществление непрерывного потока требует механизации всего производственного процесса, а автоматизация управления системой машин требует в качестве предпосылки механизации производственных процессов и их непрерывности.

Интересным является рассмотрение проблемы перехода к автоматической системе машин, исходя из подготовленности их, в частности из достигнутого уровня непрерывности. Автор делит все отрасли промышленности, исходя при этом из достигнутого уровня непрерывности производственного процесса, на три группы: 1) отрасли, где процесс производства непрерывен в силу своей технологической природы, 2) отрасли

массового производства с одним основным производственным циклом, 3) отрасли массового производства со многими производственными циклами, где вырабатываются разнообразные детали, дающие конечный продукт в результате сборки или пошивки.

В работе анализируются различные формы автоматизации управления, представляющие собою различные этапы процесса автоматизации управления. В отраслях, где производственный процесс не является непрерывным и где поэтому пока еще требуется участие человека для производства рабочих или транспортных операций, применимо диспетчерское управление, для осуществления которого требуются четкий производственный план и продуманное использование людей и механизмов.

Следующим этапом в развитии централизованного автоматического управления является дистанционное управление системой машин. Сложность и многообразие рабочих органов современных машин предполагает наличие при дистанционном управлении значительных элементов автоматизации (автоблокировка, автоматическая защита и т. д.). Чтобы перейти к дистанционному управлению, необходимы полная механизация и непрерывность производственных процессов. Непрерывность может вытекать либо из существа производственного процесса, как это мы видим в производствах, отнесенных автором к первой группе (производство электроэнергии, химическая промышленность), либо создаваться механизацией межоперационного транспорта и агрегатированием машин, как это имеет место в угольной, металлургической, машиностроительной и ряде других отраслей промышленности.

Наиболее высокие формы автоматизации управления имеют место в полуавтоматических и в полностью автоматизированных установках. В качестве примера подобных установок автор приводит гидроэлектростанции. Стадии автоматизации управления тесно связаны между собою, одна стадия автоматического управления перерастает в другую. Автор резко критикует противопоставление дистанционного телемеханического управления диспетчерскому и пренебрежительное отношение к диспетчеризации. Он подчеркивает огромную роль диспетчеризации для ряда отраслей промышленности, где в силу неполной механизации и автоматизации рабочих операций и межоперационного транспорта, в силу отсутствия полной непрерывности переход к дистанционному и автоматическому

управлению еще невозможен. Диспетчеризация принадлежит видная роль в выполнении производственных планов.

В третьей главе «Электрификация и автоматическая система машин» на большом конкретном материале, взятом из опыта социалистической промышленности и техники передовых капиталистических предприятий, автор показывает роль электрификации в создании автоматической системы машин, роль индивидуального электропривода и электроавтоматики в деле механизации производственных процессов и автоматизации машин-орудий, в создании непрерывности производственных процессов, в автоматизации управления и контроля.

Работа разбивается на две части.

Первая посвящена общим проблемам автоматического производства, во второй, состоящей из шести глав, рассматривается проблема создания автоматической системы машин в важнейших отраслях промышленности. В главах об отдельных отраслях промышленности дается анализ современного уровня механизации, непрерывности и автоматизации управления в этих отраслях, показана роль электрификации в осуществлении автоматической системы машин в данных условиях, намечены конкретные задачи в области механизации, создания непрерывности и автоматизации управления, которые необходимо разрешить, для того чтобы перевести технико-производственный аппарат этих отраслей промышленности на уровень автоматической системы машин. Анализ экономической эффективности этих мероприятий показывает, что переход к автоматической системе машин является максимально эффективным путем усовершенствования технико-производственного аппарата нашей промышленности, что он обеспечивает наибольшее повышение использования оборудования, сырья, топлива, максимальный рост производительности труда, снижение себестоимости и уменьшение капитальных затрат.

Та часть рецензируемой работы, которая касается конкретных отраслей промышленности, может рассматриваться как программа работ в области развития техники этих отраслей на длительный период времени. Она вытекает из технической политики партии, из поставленных XVIII съездом партии исторических задач — догнать и перегнать также и в экономическом отношении наиболее развитые страны капитализма и осуществить постепенный переход от социализма к коммунизму.

Последовательность изложения в этой части книги соответствует концепции автора. Автор начинает с рассмотрения двух отраслей, типичных для первой группы, — производства электрической энергии и мукомольной промышленности. Первая характеризуется непрерывным потоком воды, пара, электрической энергии, вторая — непрерывным потоком зерна и муки.

Глава об автоматизации производства электрической энергии посвящена автоматизации тепловых и гидроэлектрических станций. В этой главе автор на основе конкретного материала показывает огромную роль автоматизации в деле повышения надежности электрических станций, качества и экономичности их работы, в частности улучшения использования топлива и сокращения обслуживающего персонала. В главе даны конкретные пути автоматизации основных производственных процессов электрических станций, являющейся директивой XVIII съезда в области электроэнергетики.

Весьма интересно обоснование роли автоматизации в электроэнергетике в свете решений XVIII съезда о преимущественном строительстве электростанций небольших и средних мощностей в третьей пятилетке.

Автоматизация дает возможность осуществить строительство небольших и средних электростанций без сколько-нибудь значительного повышения себестоимости киловатт-часа энергии по сравнению с себестоимостью на крупных тепловых электростанциях.

В главе «Электрификация и автоматизация мукомольного производства и зерновых элеваторов» показана высокая эффективность перехода на индивидуальный электропривод в мукомольной промышленности, где в настоящее время пока еще преобладает групповой привод. Этот переход является необходимым условием автоматизации управления мукомольными мельницами и такой реконструкции мельничных машин, которая дает возможность обеспечить высокую производительность и надежность их работы.

Из отраслей массового производства с одним основным производственным циклом автор рассматривает угольную и металлургическую промышленность. В главе, посвященной угольной промышленности, он показывает, что выполнение решений XVIII съезда партии о завершении комплексной механизации добычи угля и внедрении графика циклической работы — основы стахановской производительности труда шахтеров — является крупнейшим шагом на пути к введению автоматиче-

ской системы машин в угольной промышленности. Автор дает анализ современного уровня механизации угольной промышленности по основным процессам и выдвигает конкретные задачи. На опыте передовиков угольной промышленности, добившихся трех циклов в сутки, показана теснейшая связь, существующая между достижением высокой цикличности в угольной промышленности и переходом к непрерывному потоку.

В главе об автоматизации черной металлургии дан анализ ее особенностей, показаны технические основы и экономическая эффективность автоматизации производства на всех стадиях металлургического производства. Автор намечает конкретные пути к введению непрерывного производства во всем металлургическом цикле.

Из отраслей третьей группы рассматриваются машиностроительная и обувная. В области машиностроения дается анализ современного уровня механизации, непрерывности и автоматизации управления по основным стадиям машиностроительного производства (литейные цехи, кузнечные, прессовые цехи, механическая обработка и сборка). Эта глава содержит богатый материал, взятый из опыта наших заводов и современной передовой иностранной техники. Автор показывает, как на основе наличных элементов техники можно осуществить переход к автоматическим поточным линиям в области механической обработки и сборки.

В четвертой главе «Автоматическая система машин и стахановское движение» автор показывает роль механизации, непрерывности и автоматизации управления в достижении подлинно стахановской производительности труда.

По мнению автора, многоагрегатное и многостаночное обслуживание в различных отраслях промышленности является важной ступенью в процессе перехода к автоматической системе машин.

Особый интерес представляет анализ стахановского творчества в области усовершенствования машин, технологических процессов и улучшения организации производства. Отдельные усовершенствования, вводимые по инициативе стахановцев, идут по генеральным линиям развития нашей техники и в конечном счете должны привести к созданию автоматической системы машин в соответственных отраслях. Эта роль стахановского движения в создании новой техники коммунистического общества последовательно показана

автором во всех рассматриваемых им отраслях.

Переход от социализма к коммунизму связан с крупными изменениями в самом характере труда. Коммунизм требует ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом.

Поднятие культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда является путем к разрешению этой задачи. И автоматическая система машин является той новой техникой, которая соответствует высокому культурно-техническому уровню рабочего класса и типу труда, в котором основы противоположности между умственным и физическим трудом уничтожены. Маркс указывает, что автоматическая система машин «...без содействия человека выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего...»¹.

Автоматическая система машин требует работников нового типа — высококвалифицированных контролеров и наладчиков, т. е. работников инженерно-технического труда. На всем протяжении своей работы автор показывает, как повышение технического уровня нашей промышленности приводит к существенным квалификационным сдвигам в составе рабочих нашей промышленности. Многочисленные категории рабочих ручного труда, выполнявших однообразные и тяжелые работы, становятся ненужными. Их место занимают рабочие высокой квалификации, обслуживающие сложные автоматические машины.

К основным недостаткам рецензируемой работы следует отнести то, что процесс создания автоматической системы машин в ряде важных отраслей промышленности (химической, бумажной, текстильной), весьма интересных с этой точки зрения, не получил специального освещения.

Другим недостатком является отсутствие в книге подробного показа влияния процессов перехода к автоматической системе машин на отраслевую структуру промышленности (повышение удельного веса машиностроения и аппаратостроения и т. п.), на специализацию и кооперирование предприятий и скорость оборота фондов в промышленности. Между тем переход к автоматической системе машин имеет здесь исключительно большое значение. Этот переход означает колоссальный рост насыщенности промышленного

¹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 288.

производства новой техникой, что, естественно, в огромной мере повышает требования к машиностроению и приводит к резкому увеличению его удельного веса в промышленности и к соответственному изменению отраслевой структуры промышленности. Переход к автоматической системе машин должен явиться результатом последовательного развития массового непрерывно-поточного производства и поэтому требует соответственной специализации и кооперирования промышленного производства. Наконец, при автоматической системе машин резко ускоряется оборот промышленных фондов; это является прямым следствием непрерывности и промадного повышения скоростей обработки, характеризующих производственные процессы при автоматической системе машин.

Следует также отметить, что в книге латинского языка с конкретным показом отставания нашей промышленности в отношении автоматизации управления от промышленности США, например, не дается критика существующей практики внедрения автоматизации в различных отраслях промышленности СССР.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга т. Грановского полезна и нужна. Она ставит и четко отвечает на целый ряд вопросов. Необходимость теоретической разработки которых вытекает из задач новой полосы развития нашей страны.

Исследование т. Грановского тем ценнее, что оно посвящено научной разработке вопросов в такой области, где марксистско-ленинское исследование только начинается.

О. АБРАМОВИЧ

КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Рина Рубин, Об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом. Московский государственный институт истории, философии и литературы, Соцэкгиз, М. 1939, стр. 142, ц. 2, р. 50 к.

Начавшийся процесс перехода от социализма к коммунизму есть борьба за преодоление всех пережитков капитализма в экономике и в сознании людей, за уничтожение противоположности между городом и деревней, а также между физическим и умственным трудом. Разрешить эти задачи — значит уничтожить те «родимые пятна», от которых еще не свободен социализм, недавно вышедший из недр классового общества, довести до конца борьбу за конечную цель пролетариата — за коммунизм.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции наша страна проделала огромную работу по ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом. Достаточно ознакомиться с материалами XVIII съезда партии, чтобы убедиться в этом.

XVIII съезд наметил широкий круг мероприятий для дальнейшего стирания противоположности между умственным и физическим трудом. Самое крупное из этих мероприятий сформулировано в резолюции XVIII съезда как поднятие «культуры и технического уровня рабочего класса СССР до уровня работников инженерно-технического труда»¹.

Это показывает, насколько тема работы т. Рубин актуальна и злободневна. Однако нельзя считать, что автор с этой темой вполне справился.

Рецензируемая книга является, по заявлению редакции, «научно-популярным очерком марксистско-ленинского учения о противоположности между умственным и физическим трудом и о путях ее уничтожения».

В книге пять глав, из которых первые три, составляющие одну треть всей работы, посвящены изложению сущности противоположности между умственным и физическим трудом в докапиталистических формациях и при капитализме. В четвертой и пятой главах, являющихся центральными, рассматривается главным образом практика социалистического строительства и пути уничтожения разрыва между умственным и физическим трудом.

В первой главе — «Исторические корни разрыва между умственным и физическим трудом» — автор вместо показа истории возникновения и развития противоположности между умственным и физическим трудом дает лишь лоскутное и отрывочное изложение этого вопроса, и то главным образом в форме подбора цитат из высказываний классиков марксизма. К сожалению, автор не показывает, каким образом возникло и развилось

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 33.

расхождение между умственным и физическим трудом на основе раскалывания общества на антагонистические классы.

Во второй главе — «Защита разрыва между умственным и физическим трудом идеологами рабовладельческого и феодального общества» — читателю снова преподносится набор многочисленных цитат, с той лишь разницей, что в первой главе цитировались классики марксизма — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, а здесь приводятся высказывания ученых античного мира и средневековья (да и то не по первоисточникам, а по трудам Маркса и Энгельса).

Увлеченный цитированием, автор, однако, недостаточно правильно оценивает постановку вопроса о разделении труда древними мыслителями. Так, г. Рубин недооценивает значения идей Ксенофонта, Платона и Аристотеля по поводу разделения труда. «Исходя из того, — читаем мы, — что раб и его труд, как и ремесленник и его труд, лишь наиболее совершенные орудия, идеологи рабовладения доказывали необходимость такого разделения труда, при котором каждый всю жизнь выполнял бы одну функцию. Платон выводил разделение труда внутри общины (внутри города — государства. — О. А.) из разносторонности потребностей и односторонности дарований индивидуума. Основное его положение состоит в том, что работник должен приспособиться к делу, а не дело к работнику» (стр. 23).

Эти взгляды античных мыслителей огульно осуждаются автором рецензируемой работы. Автор не сумел разграничить постановку вопроса о разделении труда у Платона и Аристотеля и постановку этого же вопроса у современных буржуазных апологетов. Платон и Аристотель ставили вопрос о разделении труда в эпоху, когда господствовало рабство, когда отсутствовали даже зачатки машинного производства, когда производительная сила общества была крайне низка. Для того времени заявление Платона о том, что «многоделние и взаимный обмен занятиями» является величайшим вредом для государства, было гениальным и пророческим. То, что предлагали древние мыслители, ничего общего не имеет с автоматом-человеком Тейлора. Этого автор рецензируемой книги не учел.

Третья глава выгодно отличается от первых двух прежде всего тем, что здесь более подробно и систематически вскрывается ан-

тагонистический характер капиталистического разделения труда и противоречия между физическим и умственным трудом. «Рост капитализма, — справедливо замечает автор, — сопровождается гигантским ростом расчленения ранее соединенного в одном лице «головного и ручного труда» (стр. 31). «Приковывая рабочих к станку, — буржуазия стремится превратить их в автоматы, в простой придаток к машине, но это приходит в противоречие как с требованиями самой капиталистической техники, так и с растущим политическим сознанием пролетариата» (стр. 30).

В условиях капитализма разделение труда существует также и внутри самого класса капиталистов, где, по словам Маркса, происходит разделение духовного и материального труда. В результате — внутри господствующего класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса, его идеологов, «которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе...»¹.

Автор правильно замечает, что «не только рабочие, но и также члены эксплуатирующего их класса, прямо или косвенно, благодаря разделению труда поработают орудиями своей собственной деятельности» (стр. 29).

В книге не отражен достаточно правильно тот факт, что наличие тенденций к деградации рабочего в условиях капиталистической системы зависит не от развития машинной техники, а от специфических особенностей капиталистического характера применения и использования машин. Дело в том, что процесс усовершенствования машин ведет к такому уровню автоматизации производственных процессов, при котором повышаются требования к квалификации занятых рабочих, при котором работник должен вырасти до уровня инженерно-технического труда. Однако производственные отношения при капитализме препятствуют развитию автоматической системы машин.

Маркс совершенно отчетливо выдел противоречие между этими двумя тенденциями: тенденцией деградации рабочих и тенденцией автоматизации, при которой роль квалифицированного труда повышается.

При капитализме применение той или иной машины зависит от того, выгоднее ли эта машина для капиталиста, чем применение дешевого ручного труда, или нет. Капитализм ограничивает сферу применения механизмов

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 37.

и автоматов, стремясь максимально повысить интенсивность труда. Огромная дешевая резервная армия труда задерживает в свою очередь технический прогресс при капитализме.

Вот почему Маркс пишет: «Если рассматривать машину исключительно как средство удешевления продукта, то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением. Однако для капитала эта граница очерчивается более узко. Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы». «Поэтому,— пишет Маркс в примечании к этому абзацу,— в коммунистическом обществе машины нашли бы совершенно новую арену, чем в буржуазном обществе»¹.

Поэтому понятно, что чем больше удастся капиталисту снизить заработную плату и удешевить стоимость рабочей силы, тем меньше остается у него стимулов к дальнейшей механизации трудовых процессов.

Совершенно иначе обстоит дело у нас — в стране социализма, которая по уровню техники производства в промышленности и сельском хозяйстве стоит впереди любой капиталистической страны Европы.

В последних двух главах собран обширный материал, показывающий процесс ликвидации противоположности между физическим и умственным трудом в СССР.

В четвертой главе трактуется вопрос о диктатуре пролетариата, в СССР как об основном факторе уничтожения разрыва между обоими видами труда: «Пролетарская революция превращает пролетариат в государственного руководителя всего общества и тем самым создает решающее основное условие для ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом» (стр. 48). Автор правильно выдвигает во главу угла следующее положение Маркса и Энгельса: «Наибольшее разделение материального и интеллектуального труда,— это отрыв города от деревни»². В этой связи автор приводит материал, характеризующий процесс превращения сельскохозяйственного

труда в разновидность труда индустриального.

В этой главе также проводится параллель между свободным трудом в СССР и закабаленным трудом за границей, между системой образования в стране социализма и в странах капитализма.

Недостатком четвертой главы является не всегда четкая связь приводимого в ней материала с основной темой.

Стахановское движение — один из важнейших факторов ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом. Именно поэтому товарищ Сталин неоднократно указывал, что стахановское движение открывает путь, на котором только и можно добиться высших показателей производительности труда, необходимых для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим. Но, к сожалению, пятая глава, посвященная стахановскому движению, является наиболее слабой в книге. Тут собрано множество длинных и ненужных цитат: некоторые страницы (76, 80 и др.) почти целиком заполнены цитатами. Вместо того чтобы проанализировать, как стахановские методы работы и автоматизация процесса производства в условиях социализма способствуют всестороннему развитию рабочего, т. Рубин опять-таки нагромождает множество разнообразных фактов и цитат, и на этот раз плохо связывая их с основной темой главы.

Слабо показано отличие социалистического разделения труда от капиталистического. Автору следовало бы также подробно остановиться на вопросе о разделении труда при коммунизме. Правда, т. Рубин в одном месте упоминает вскользь, что классики марксизма не утверждали, будто коммунистический труд означает ликвидацию всякого производственного разделения труда; но этой беглой ссылкой совершенно недостаточно.

В коммунистическом обществе не только останется производственное разделение труда (конечно, в соответствующей коммунизму форме), но и труд каждого в свою очередь будет различаться в зависимости от той или иной отрасли человеческой деятельности. Такое разделение труда, конечно, не будет иметь ничего общего с профессиональной ограниченностью.

Многостаночная система и намечившийся в последнее время процесс совмещения профессий являются результатом огромного на-

¹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 298.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 40.

сыщения нашей социалистической промышленности передовой техникой и развертывания процесса автоматизации; одновременно они являются показателем всей глубины процесса уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом и «профессионального идиотизма».

В заключение следует отметить, что работа т. Рубин отношь не является самостоятельным научным исследованием. Это добро-

совестная компиляция, которая может сослужить известную пользу как пропагандистская работа.

Тов. Рубин добросовестно собрала значительный материал, неплохо его систематизировала и этим самым помогла тем, кто хочет получить общее представление о проблеме противоположности между умственным и физическим трудом.

В. КАЦ

Н. С. Марголин, Вопросы баланса денежных доходов и расходов населения,
Госпланиздат, Л. 1939, стр. 135.

Рецензируемая работа состоит из трех частей. В первой части рассматриваются наиболее общие и принципиальные вопросы баланса денежных доходов и расходов населения; во второй — дается характеристика статистических и плановых материалов, используемых при составлении Баланса, подробно освещается методика расчетов, применяемых при разработке как отдельных статей, так и баланса в целом; в третьей части автор попытался показать, как составленный баланс может быть подвергнут экономическому анализу и какие из него могут быть сделаны политико-экономические выводы для целей планирования. В конце работы прилагается гипотетический баланс денежных доходов и расходов населения, составленный на основе условных цифр и несколько обновленной автором методологии.

Начнем с первой части, имеющей наибольший теоретический интерес. Исходя из того, что «нет ни одного элемента народнохозяйственного плана, который не влиял бы на размеры и структуру денежных доходов и расходов населения» (стр. 5), автор дает балансу чрезвычайно расширительное толкование. В силу такой постановки вопроса чуть ли не все экономические вопросы социалистического расширенного производства решаются или могут быть решены на основе данных этого баланса. Несомненно, в балансе денежных доходов и расходов населения как синтетическом балансе находят свое выражение важнейшие народнохозяйственные связи. Но это вовсе не означает, что все элементы, входящие в народнохозяйственный баланс, могут быть объектом политико-экономического изучения и планирования на основе показаний баланса денежных доходов и расходов населения.

Насколько автор увлекается расширительным толкованием значения баланса показывает и другой пример. «Построением баланса денежных доходов и расходов населения, — пишет т. Марголин, — в значительной мере разрешается одна из основных проблем народнохозяйственного плана — определение необходимых и правильных соотношений между отраслями, создающими средства производства, и отраслями, производящими средства потребления. В этом состоит большое значение баланса денежных доходов и расходов населения для народнохозяйственного планирования» (стр. 17). Это утверждение является неправильным и в теоретическом и в политическом отношении. Баланс денежных доходов и расходов населения имеет дело с распределением фонда предметов личного потребления и притом только определенной части его, которая служит покрытием денежных доходов населения. Но этим балансом не разрешается еще проблема определения необходимых и правильных соотношений между отраслями группы А и Б. Планирование наше исходит из сложных задач ликвидации эксплуататорских классов и классов вообще, построения социализма и коммунизма, соревнования двух антагонистических систем — социалистической и капиталистической; при планировании учитывается наличие враждебного капиталистического окружения и т. д. На основе разрешения этих задач и обеспечивается систематический и значительный рост материального благосостояния трудящихся в СССР. Сказать, что балансом «в значительной мере разрешается» определение необходимых и правильных соотношений между отраслями группы А и Б, означает утверждать, что планирование наше якобы непосредственно подчинено целям лич-

ного потребления. Это возводит в догмат представление о коммунизме как о потребительской системе хозяйства.

Далее автор пишет: «Баланс денежных доходов и расходов населения имеет не только общее народнохозяйственное значение; его роль и значение велики и при разработке отдельных разделов народнохозяйственного плана. К ним относится планирование розничного товарооборота и розничных цен, а также планирование финансов» (стр. 10). Следует однако отметить, что эти последние вопросы являются для баланса не частными, а центральными, основными.

Вопросы планирования розничных цен и планирования финансов на основе данных этого баланса слабо разработаны автором. Они едва затронуты в работе. По существу книга освещает только одну основную проблему — планирование товарооборота на основе данных баланса. В этой части автор дает достаточно обоснованный и содержательный материал. В частности, т. Марголин совершенно справедливо критикует присущий балансу недостаток, который заключается в игнорировании внутридеревенского оборота.

Расширение рамок баланса денежных доходов и расходов в этом направлении безусловно важно. Вот почему нашим статистическим органам необходимо в кратчайший срок преодолеть трудности, связанные с учетом объема и структуры внутридеревенской колхозной торговли, а равно и доходов, получаемых колхозниками от этой торговли.

Баланс денежных доходов и расходов составлялся до сих пор таким образом, что в нем отсутствовала четкая классовая группировка населения. Это являлось крупнейшим недостатком в методологии составления баланса. И совершенно правильна в этом отношении позиция автора, который отстаивает необходимость составления баланса денежных доходов и расходов населения в классовом разрезе. От этого данные баланса выиграют во всех отношениях. Автор даже намечает группировку населения по социальному составу, но нам она кажется, особенно в одном пункте, спорной. Тов. Марголин утверждает: «Представляется правильным вести работу по балансу в следующем разрезе: 1. Рабочие. 2. Крестьяне. В том числе: а) колхозники, б) единоличники. 3. Кулаки. В том числе: а) кооперированные, б) некооперированные. 4) Служащие, инженерно-технические работники, работники науки и искусств. 5. Прочие группы населения.

Обязательным следует считать построение баланса в разрезе «города» и «села» (стр. 25).

Можно было бы согласиться со всем, что здесь написано (хотя деление данных баланса на «город» и «село» не устраняет необходимости деления также в разрезе неземледельческого и земледельческого сельского хозяйства населения, что явно автором недооценивается) за исключением однако п. 4, где служащие выделяются в особую группу. Если бы автор построил такую группу: «рабочие и служащие, в том числе: служащие, инженерно-технические работники, работники науки и искусств», то это представляло бы несомненный интерес и не вызвало бы особых возражений. Противопоставление же служащих рабочим в условиях СССР является теоретически и политически неправильным. Служащие не являются особым классом. Например, инженерно-технические работники — это те же рабочие, выходящие из рабочих, но выполняющие руководящие функции на производстве или в системе производства. Их положение по отношению к средствам производства совершенно такое же, как положение рабочих, работающих на предприятиях последовательно-социалистического типа. Таким противопоставлением игнорируется коренное отличие положения служащих в СССР и в капиталистических странах.

Товарищ Сталин в своих выступлениях никогда не выделял служащих в особую классовую группу. Тов. Молотов на XVIII съезде партии в докладе о третьем пятилетнем плане говорил следующее: «В городе уже не первый год полностью господствует социалистическое хозяйство и рабочий класс, включающий в свой состав рабочих и служащих»¹.

Отсюда ясно, что выделение служащих в особую классовую группу, предлагаемое т. Марголиным и проведенное им в виде опыта на условных цифровых расчетах в приложении к книге, является неправильным и должно быть отвергнуто. Это предложение автора должно быть отвергнуто и потому, что выделение служащих в особую группу означало бы значительное, и при том совершенно необоснованное для СССР, преумножение доли рабочего класса в народном доходе страны, так как доходы его надлежало бы тогда показывать без доходов служащих.

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 5 (подчеркнуто нами. — В. К.).

В заключение следует отметить еще ряд недостатков этой общей теоретической части.

1. У автора нет исторического подхода к балансу. Нет очерка, который давал бы представление о принципах построения и применении баланса на различных этапах социалистического планирования. Автор видит вредительство в недооценке, игнорировании баланса. Это верно для последнего этапа социалистического планирования, но неверно для всей его истории и для истории этого баланса. Известно, что на первых этапах применения баланса имела место переоценка его роли и значения, чем злоупотребляли меньшевики, троцкисты и бухаринцы.

2. Автор усвоил нечеткое, натуралистическое представление о народном доходе. Под народным доходом автор понимает вновь созданный общественный продукт (стр. 13). Дело в том, что весь общественный продукт в целом является *in natura* вновь созданным, следовательно, народный доход в этом отношении ничем от валового продукта не отличается и представляет собой только часть его. Эта часть продукции является вновь созданной стоимостью, и следовательно движение народного дохода при капитализме происходит на основе антагонистического закона стоимости. Неверно также сводить и народный доход СССР только к части вновь созданного общественного продукта *in natura*, ибо это означало бы игнорирование советской денежной формы социалистического расширенного воспроизводства. Таким образом, чисто натуралистический подход автора к народному доходу является неправильным.

3. Автор правильно отстаивает необходимость включать в баланс денежных доходов и расходов населения также доходы от колхозной торговли. Полемизируя с противниками, он пишет, что «продажа товаров на колхозном рынке приводит не к перераспределению ранее учтенных доходов, а к превращению доходов, ранее полученных в натуральной форме, в денежную форму, что приводит к увеличению общей суммы денежных доходов» (стр. 20). Но т. Марголина трактует здесь проблему реализации несколько односторонне. Он забывает, что «превращение доходов, ранее полученных в натуральной форме, в денежную форму», не формальный, а экономический процесс и в социалистическом хозяйстве; поэтому при определенных условиях здесь может иметь место в процессе превращения форм также

и перераспределение части доходов городского населения в пользу сельского. На самотек полагаться не следует, необходимо такую возможность предвидеть, чтобы и здесь обеспечить плановое руководство. Это наше замечание не колеблет и не направлено против позиции автора, настаивающего на включении денежных доходов от колхозной торговли и соответствующих им расходов несельскохозяйственного населения в баланс. Мы лишь возражаем против формальной трактовки проблем, требующих более углубленного изучения.

Вторая часть работы посвящена методике составления баланса. Многим читателям этот раздел «виду сухости изложения покажется очень скучной материей, которую они с трудом преодолеют. Но люди, интересующиеся проблемами распределения народного дохода, планированием товарооборота, самим балансом денежных доходов и расходов, найдут в этой части полезные сведения о технике расчетов элементов Баланса, о многих условностях, к которым неизбежно прибегает каждый составитель подобных синтетических балансов. Не зная характера конкретных статистических материалов, на основе которых строится баланс, не зная методики, невозможно дать оценку степени достоверности важных выводов, вытекающих из данных этого баланса.

Эта часть работы т. Марголина наиболее полезна и ценна. Здесь с особой рельефностью выступает специфика самого понятия денежного дохода, которым оперируют при составлении этого баланса. Прежде всего совершенно отпадает сложнейшая проблема денежной условной оценки натуральной части доходов сельскохозяйственного населения, которая занимает большое место в общих работах по народному доходу. В Балансе, в силу самой природы его, оперируют только денежным доходом. Но ближайшее изучение показывает, что под денежным доходом иногда понимают то, что марксистская политическая экономия давно отвергла как понимание поверхностное, ненаучное, вульгарное.

Автор, очень добросовестно и местами даже педантично излагая современную методику баланса, утверждает (без всяких оговорок, подчиняясь практическим нуждам баланса), что под денежными доходами населения следует понимать всякое денежное поступление. Совершенно непонятно, почему нельзя отказаться в работе над балансом от вульгарного понятия денежного дохода, при

котором последний отождествляется с любой денежной выручкой населения, и перейти к последовательному применению марксистского понятия денежного дохода как денежного эквивалента не валового, а чистого продукта. Если денежные поступления другого характера (например, выручка от продажи населением имущества и др.) и необходимо учитывать для специальных целей, то их следует изучать особо, дополнительно.

В оперировании вульгарным понятием денежного дохода мы усматриваем сохранение одного из пережитков буржуазной методологии составления баланса денежных доходов и расходов населения.

Весьма серьезную теоретическую и политическую ошибку допускает автор, выдвигая в своей работе следующее положение: «...нужно судить о роли колхозов не только по доходам, получаемым колхозниками непосредственно из колхозов, но и по доходам от личного хозяйства колхозников» (стр. 71). Основой благосостояния колхозов является колхозная социалистическая собственность и доходы, получаемые колхозниками непосредственно из колхозов. Между тем автор придает доходам от личного хозяйства колхозников такое же значение, как и доходам, получаемым в колхозах. Автор игнорирует то обстоятельство, что личное хозяйство колхозников является только подсобным, а, следовательно, и доходы от этого хозяйства надо рассматривать как подсобные. Только в этом своем качестве они не чужды сельскохозяйственной артели как основной форме колхозного движения на современном этапе. Только при этих условиях колхозы могут сочетать личный интерес с общественным, подчиняя его общественному. Утверждение автора объективно льет воду на мельницу тех, которые извращают устав с.-х. артели и с которыми партия ведет в настоящее время самую решительную и глубоко принципиальную борьбу. Достаточно ознакомиться с решениями последнего пленума ЦК ВКП(б) и постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», чтобы понять, как чисто формальная трактовка вопроса автором (в рамках методики определения денежных доходов колхозников) приво-

дит его к глубоко ошибочным и вредным положениям.

Третья часть книги — анализ баланса денежных доходов и расходов — могла бы представлять наиболее интересный раздел всей работы. Однако в действительности эта часть выглядит гораздо слабее остальных. В основном это произошло от того, что по ряду причин (на них можно здесь подробно не останавливаться) автор вместо анализа фактического материала дает анализ на условном цифровом примере.

Единственная ценность этого раздела заключается в том, что приведенный условный цифровой материал показывает, как решаются один из основных вопросов баланса денежных доходов и расходов населения, вопрос — «о соответствии денежного покупательного фонда населения и противостоящего ему товарного предложения» (стр. 114). При этом автор анализирует тот случай, когда «у нас образуется излишек товарного предложения по сравнению со спросом». Ясно, что одним этим примером вовсе не исчерпываются все основные случаи, встречающиеся в практике планирования. Таким образом, автор произвольно суживает действительную роль и значение этого баланса.

Надо также отметить, что условно принятый к анализу определенный отчетный и плановый год может породить известные недоразумения, так как некоторые выводы автора, правильно сформулированные к данному времени, могут в ходе дальнейшего развития уже не отвечать новым условиям. Между тем в работе эти выводы получают характер общих закономерностей развития на весьма неопределенную историческую посылку.

Потребность в такой книге очень велика. Приходится лишь пожалеть, что из богатого материала, находившегося в распоряжении автора, он счел возможным использовать в своей работе лишь скудный фактический материал и этим очень обеднял книгу. Однако и в таком виде она восполняет хотя бы в некоторой степени большой пробел, существующий в нашей экономической литературе по вопросам баланса денежных доходов и расходов населения.

Из иностранной экономической литературы

Проблеме размещения промышленности в Великобритании посвящен сборник Political and Economic Planning Report on the Location of Industry in Great Britain. A Survey of present trends in Great Britain affecting industrial location and regional economic development, with proposals for future policy (London, PEP, 1939, 314).

Книга выпущена ассоциацией «Политическое и экономическое планирование» (буржуазная общественная организация, связанная с английскими правительственными учреждениями и ставящая себе задачей изучение актуальных социально-экономических проблем). Сборник является результатом четырехлетней работы специальной исследовательской группы по размещению промышленности. Ряд частных выводов и практических предложений этой группы был опубликован в 1935—1936 гг. в издаваемом ассоциацией двухнедельнике «Planning».

В рецензируемом сборнике собран большой фактический материал о размещении английской промышленности, заимствованный преимущественно из различных официальных изданий. Большое число диаграмм и статистических таблиц иллюстрирует изменения, происшедшие в размещении английской промышленности за последние годы, и нынешнее распределение ее по отдельным частям страны. Все эти материалы рисуют картину крайне неравномерного размещения промышленности и населения Британии, сосредоточенные их в немногих центрах (Большой Лондон, юго-восток Англии, внутренние графства).

В последние годы наблюдается передвижка промышленности на юг, сопровождающаяся запустением северных районов; наметилась также тенденция к передвижению промышленных предприятий из городских центров на окраины. Составители книги пытаются найти метод построения «индекса локализации» промышленности, т. е. мерила ее концентрации в различных районах. Сборник дает достаточный материал, характеризующий нерациональность размещения английской промышленности. Авторы считают это размещение «случайным» («fortuitous»), сложившимся под влиянием факторов, несущественных для промышленности, как, например, местожительство основателя предприятия, социальные претензии его семьи и т. п. Нагромождение промышленности в небольшом числе районов рассматривается авторами как зло, с которым необходимо бороться путем планомерного

государственного регулирования этой проблемы.

Во второй части книги намечаются общие линии желательной политики размещения: достижение более равномерного распределения промышленности по отдельным районам («balanced regional development») и внедрение в каждом районе различных отраслей промышленности («diversification of industry»). Авторы исходят из той точки зрения, что специализация промышленных районов является одной из причин, обостряющих экономические кризисы. Помимо того составители приводят соображения стратегического порядка: распределение промышленности по всей стране, размещение ее в менее уязвимых местностях — вдали от морских и речных берегов и т. п. — сделают промышленность менее доступной для воздушного нападения. Далее в книге предлагается ряд мероприятий административного характера, цель которых — сгладить причины большей или меньшей привлекательности отдельных районов для предпринимателей. Для проведения этой политики авторы сборника рекомендуют создать особую комиссию, наделив ее довольно широкими полномочиями: ей должно быть предоставлено право регулировать размещение промышленности посредством выдачи лицензий на учреждение промышленных предприятий. Наибольший интерес для читателя представляет первая часть книги, дающая богатый фактический материал о размещении промышленности в Англии. Вторая же часть является образцом того планового проектирования, которое получило столь большое развитие за последние годы под влиянием кризиса в капиталистических странах.

* * *

Интересная небольшая работа Ю. Кучинского, выпущенная английским «Клубом левой книги» (I. K u c z y n s k i, The Condition of the Workers in Great Britain, Germany and Soviet Union, 1932—1938, London, V. Gollancz, 1939), представляет собой сравнительное статистическое исследование условий жизни трудящихся масс в Великобритании, Германии и в СССР. В этой работе Кучинский сделал попытку изобразить современный уровень жизни трех стран и происшедшие с 1932 г. изменения.

Первая часть книги посвящена сравнению британских условий с германскими. Во вто-

рой части Кучинский сравнивает положение трудящихся в Британии и Германии с условиями жизни в Советском Союзе. Автор правильно указывает здесь, что в то время как английский и германский уровень жизни легко могут быть сравнимы в денежных единицах, условия жизни в Советском Союзе настолько отличны от капиталистических стран, что сопоставление возможно лишь в реальных благах. Так, например, Кучинский сравнивает количество предметов питания, производимых и потребляемых в трех странах. Цифры по Советскому Союзу, приводимые автором, иллюстрируют колоссальный рост производства и потребления предметов питания в нашей стране с 1932 по 1938 г. Советские трудящиеся получают вдвое больше мяса, жиров и молочных продуктов, почти на 50% больше сахара и значительно больше хлеба. Кучинский показывает и источник этого замечательного роста потребления в Советском Союзе — увеличение продукции социалистического сельского хозяйства; при этом автор подчеркивает, что значительная часть прироста продукции приходится на последние три года.

Разумеется, говорит Кучинский в заключение, и в Англии и в Германии имеются отдельные квалифицированные рабочие, живущие лучше среднего советского рабочего. «Но в обеих этих странах, — пишет автор, — имеются миллионы рабочих и их семейств, питание которых недостаточно. Такой армии недоедающих рабочих нет в Советском Союзе, где все рабочие получают по крайней мере тот минимум, который обеспечивает их от недопобедления. Тот факт, что небольшое меньшинство английских рабочих и ничтожное меньшинство немецких питается лучше, чем советский рабочий, имеет существенно меньшее значение по сравнению с тем, что советский рабочий обеспечен продуктами, достаточными для воспроизводства его рабочей силы».

Новая работа Ю. Кучинского, чрезвычайно богатая фактическим материалом и отличающаяся большой научной добросовестностью, представляет особый интерес и по методологическим приемам, которые применяет автор в своем исследовании условий жизни трудящихся в трех странах со столь различной социально-политической структурой.

* * *

В книге F. Legros Clarke and R. Titmuss «Our Food Problems» (London, Penguin, 1939) рассматривается проблема питания и продовольственного снабжения Англии как часть проблемы национальной обороны страны. Тема книги трактуется под двумя углами зрения: 1) как обеспечить необходимый уровень питания во время войны и 2) как добиться такого развития жизненных сил нации, чтобы она могла выдержать бремя, налагаемое на население современной войной.

В связи с рассмотрением этих оборонных задач авторы приводят множество фактического материала о недостаточности питания

и недоедании широких масс Англии. Так, касаясь проблемы обеспечения жизненных сил нации, Р. Титмус приводит ряд интересных цифр от начала настоящего столетия до 1935 г. о физическом развитии рекрутов, поступающих в английскую армию. Из этих цифр видно, что уровень физического развития английской молодежи за указанный период отнюдь не изменился к лучшему. Деятельность органов социального страхования, здравоохранения и т. п. совершенно сводится на-нет ростом безработицы, особенно в последние два десятилетия после первой империалистической войны. Та же причина определяет высокую норму смертности. Так, в наиболее пораженных кризисом районах Англии («distressed areas») смертность вдвое выше, чем в остальной части страны.

Авторы вполне отдают себе отчет в том, что поднять питание масс при капитализме — задача трудная, но они все же находят возможным указать ряд направлений хотя бы частичного решения этой проблемы. Важнейшей из рекомендуемых ими мер является развитие в стране сельского хозяйства, что имеет особенно большое оборонное значение. Далее, для борьбы против недоедания авторы рекомендуют организовать бесплатное питание школьников. Авторы книги придают большое значение кооперации как средству борьбы против монополий, которые в пищевой промышленности, как и повсюду, создают угрозу для уровня жизни рабочего класса, а также для его политических стремлений. Выводы авторов отчетливо выдают их буржуазное мышление. Фактические материалы, собранные в книге, не лишены, однако, интереса как данные, разоблачающие язвы капитализма.

* * *

Отчет директора Международного бюро труда (The World of Industry and Labour Report of the Director to the twenty-fifth Session of the International Labour Conference, Geneva, 1939, 92) содержит обширный материал о положении трудящихся за истекший год. В предисловии отмечается все усиливающееся влияние военной подготовки на условия труда. Стремление расширить производство приводит к увеличению рабочего времени, что отрицательно отзывается на здоровье и безопасности рабочих. Создается серьезная угроза для норм, установленных законодательством отдельных стран и международными соглашениями не только для взрослых рабочих, но и для подростков. Помимо того, в результате политики инфляции, осуществляемой в ряде стран, падает реальная заработная плата, что приводит к нарастанию и обострению конфликтов между рабочими и предпринимателями. Рост вооружений поглощает все большую часть национального дохода капиталистических стран, угрожая подлинным голодом группам населения с низким доходом.

В первой части отчета, озаглавленной «Экономическое положение», отмечается, что наиболее характерной чертой 1938 г. было пагубное воздействие международных кон-

фликтов и военной подготовки на развитие хозяйства. Отчет перечисляет различные меры борьбы против экономического кризиса и признает их недостаточность.

В следующей главе речь идет об условиях труда. Здесь показывается, что несмотря на принимаемые правительствами меры процент безработных попрежнему высок. Реальная заработная плата во всех капиталистических странах (за исключением Германии и Японии), говорится в отчете, была в 1938 г. выше уровня 1929 г. Этот вывод основан, разумеется, на данных официальной статистики капиталистических стран. Работы Ю. Кучинского и других показывают, как далек от истины этот официальный оптимизм.

Относительно сокращения рабочего времени автор отчета обнаруживает большую осторожность в своих выводах, заявляя, что эта проблема «очень сложна» и решение ее все еще остается делом будущего.

В главе о жизненном уровне директор не ходит возможным говорить об улучшении условий жизни трудящихся в послевоенный период, но тут же отмечает, что «в большинстве стран большая часть населения живет в условиях самой ужасной нищеты». Автор пишет: «Если даже в США 1/10 или даже 1/5 всего населения живут в страшной бедности, то что же можно сказать о таких странах, где средний доход в два, четыре и даже десять раз меньше, чем в США?». Далее директор отмечает, что «большая часть человечества находится в состоянии недопустимой нищеты».

В заключение отчета дается обзор деятельности Международного бюро труда за истекшее двадцатилетие (1919—1939 гг.).

Благие пожелания, которыми изобилует отчет, лишены всякого практического значения. Брошюра имеет лишь некоторую ценность исторического документа.

В Институте экономики Академии наук СССР

А. 3.

Защита диссертаций

16 октября 1939 г. на заседании Ученого совета Института экономики АН СССР состоялась защита диссертации т. А. К. Сидоровой — на тему «Имперализм в России, его особенности и историческое место».

Диссертация «Имперализм в России» начинается анализом концентрации производства и развития монополий в царской России. Приводятся большой фактический материал о росте производства в конце XIX и начале XX в., о постройке в этот же период железных дорог, о новом промышленном строительстве, об увеличении акционерного капитала, о притоке иностранного капитала и т. д. Конец прошлого столетия отмечен появлением первых зародышей монополий — подписанием конвенций о ценах. Кризис 1900—1903 гг. усилил и ускорил процесс концентрации производства, неравномерной в различных отраслях промышленности и разных районах царской России (наиболее концентрированными отраслями промышленности были хлопчатобумажная, металлообрабатывающая, химическая). Россия по уровню концентрации промышленности вышла на первое место в мире, перегнав в этом отношении такие империалистические колоссы, как Германия и США. Эта высокая степень концентрации обусловила возникновение в России крупнейших монополий, особенно быстрое развитие которых началось после кризиса 1900—1903 гг. Тов. Сидорова дает схему возникновения важнейших русских монополий и краткую характеристику деятельности крупнейших из них — «Продамета», «Продукталь», т-во «Нобель» и др. Диссертантка насчитала 82 отрасли промышленности, где так или иначе были осуществлены союзы предпринимателей. Русская промышленность по уровню монополизации не уступала промышленности США и Германии и превосходила английскую и французскую промышленность. Возникновение монополий в России не уничтожило конкурентной борьбы. Наоборот, она развернулась с новой силой. Монополии пускали в ход все средства, чтобы лудшить тех, кто стоял на их пути. Тов. Сидорова приводит заимствованные из разнообразных мемуарных источников яркие факты о борьбе монополий с аутсайдерами и между собою, о борьбе внутри монополий за квоты.

Как известно, империализм влечет за собой изменение роли банков. В диссертации показано, как этот процесс происходил в России. Приводятся данные, показывающие рост числа банков, увеличение вкладов в них, концентрацию банковского капитала; отмечается тесное переплетение российского и англо-франко-германского капитала. Особое внимание уделено автором диссертации сравнению промышленных монополий с крупнейшими банковскими монополиями, возникновению финансового капитала. Отмечена также личная уния, позволявшая олигархам лично (или через подставных лиц) контролировать десятки предприятий. Тов. Сидорова приводит сведения о крупных представителях российского финансового капитала — Нобеле, Прохорове, Гротене, Прозорове, Павлове и уже с ними, о коррупции, мошенничестве, казнокрадстве и прочих «добродетелях» российской финансовой олигархии, загребавшей миллионы.

Русские финансовые магнаты экспортировали капитал в страны Ближнего и Дальнего Востока — Турцию, Персию (ныне Иран), Китай и др. Проникая в эти страны, царский империализм старался подчинить их себе, превратить их в свой сырьевой придаток и рынок сбыта. Российский финансовый капитал принимал участие в территориальном и экономическом разделе мира: так, например, «Продамета» был допущен в международный рельсовый картель. Россия участвовала в разделе Персии на сферы влияния, стремилась захватить Корею, Манчжурию, Монголию и т. д. В мировую войну 1914—1918 гг. Россия вступила, преследуя свои собственные империалистские цели.

Последняя часть диссертации т. Сидоровой посвящена выяснению особенностей русского империализма и его исторического места.

Официальными оппонентами т. Сидоровой были д-р экономических наук т. Е. Л. Грановский и кандидат экономических наук т. И. М. Михеев.

Тов. Грановский в своем выступлении дал положительную оценку диссертации, так как в ней в основном правильно разрешены принципиальные вопросы, подобран большой статистический материал, использовано довольно большое количество книжной и журнальной литературы. Тов. Грановский отмечает как достоинство попытку т. Сидоровой самостоятельно определить прослойку рабочей аристократии в царской России. В заключение т. Грановский указывает на следующие про-

белы в работе т. Сидоровой: не использован архивный материал, затушован вопрос о моменте вступления России в империалистическую эпоху, нет четкости в определении крупных банков. По мнению т. Грановского, диссертантка не проявила достаточно критического подхода к материалам, характеризующим роль иностранного капитала в России; между тем эти данные основаны в значительной степени на субъективных оценках.

С рядом критических замечаний по адресу диссертантки выступил т. Бровер. По его мнению, т. Сидорова переоценила влияние кризиса 1900—1903 гг. на усиление процессов концентрации и неравномерности развития русского империализма. Тов. Бровер считает неправильным сведение военно-феодалного характера русского империализма к остаткам крепостничества, видя в этом подмену целого частью, ибо военно-феодалный империализм был результатом остатков крепостничества. Неверным считает т. Бровер и отнесение к рабочей аристократии всех рабочих, получавших зарплату выше определенного минимума (причем и самый минимум определен диссертанткой произвольно).

* * *

В том же заседании Ученого совета Института экономики заслушана была диссертация т. И. П. Павлова, посвященная характеристике социально-экономических воззрений Вильяма Петти. В. Петти — великий английский экономист, «основатель современной политической экономии» (Маркс). Диссертация разбита на главы: 1) Жизнь и деятельность Вильяма Петти, 2) «Политическая арифметика» как первая форма политической экономии, 3) Экономические воззрения Петти.

Жизненный путь Вильяма Петти и его деятельность т. Павлов дает на историческом фоне.

Используя материал «Капитала» и работы буржуазных историков, т. Павлов показывает, как складывались в Англии капиталистические отношения, как образовывался класс капиталистов и класс наемных рабочих. Диссертант уделил также большое внимание политической борьбе, развернувшейся в ту эпоху между буржуазией и дворянством.

Следующая глава диссертации раскрывает содержание науки, которую Петти называл «политической арифметикой». Здесь т. Павлов проводит ту мысль, что «политическую арифметику» нельзя, подобно некоторым буржуазным комментаторам, рассматривать только как статистику. «Политическая арифметика» Вильяма Петти — это первая форма политической экономии. Отталкиваясь от единичных эмпирических явлений, кладя в основу анализа первичный статистический материал, Петти путем дедукции приходит к познанию экономических законов. Этот новый научный метод был, как указывает т. Павлов, заимствован Петти из области естествознания и испытал на себе влияние Фрэнсиса Бэкона.

В своей работе диссертант разбирает далее взгляды Петти на важнейшие категории политической экономии.

Оппонентами т. Павлова были член-корреспондент АН СССР т. Д. И. Розенберг и проф. А. Л. Реуэль.

Тов. Розенберг прежде всего указывает на важность темы, избранной т. Павловым для диссертации, поскольку политическая экономия в Англии началась именно с Вильяма Петти. Он отмечает также большую работу, сделанную т. Павловым по изучению и подлинным сочинениям Петти и тщательному анализу его системы. В диссертации имеются отдельные оригинальные соображения, в первую очередь идея о «политической арифметике» как первой форме политической экономии. Тов. Розенберг указывает и на ряд существенных пробелов в работе т. Павлова. Так, в диссертации мало уделено внимания влиянию Гоббса и Бэкона на Петти; не показано, например, какую роль сыграла бэконовская индукция в формировании взглядов Вильяма Петти. Обойден важнейший вопрос — как выработанная Петти система влияла на позднейших экономистов. Тов. Розенберг подчеркивает также, что диссертант несколько подкрашивает взгляды Петти и не всегда достаточно характеризует теневые стороны его учения.

Проф. А. Л. Реуэль к достоинствам работы т. Павлова относит изучение им трудов Петти по первоисточникам и систематизацию высказываний классиков марксизма о Петти, имеющихся в различных работах. Из дефектов в работе т. Павлова проф. Реуэль в первую очередь отмечает недостаточную характеристику меркантилизма как системы экономической политики. По его мнению, диссертант слабо показал влияние Бэкона на Петти, ограничившись цитатой из «Святого семейства», где Маркс дает характеристику философии Бэкона. Немногом лучше обстоит у т. Павлова с Гоббсом. Вообще, по мнению т. Реуэля, в диссертации не освещены социально-философские воззрения Петти, тогда как в работах этого крупного экономиста социально-философским проблемам уделено много внимания. Тов. Реуэль, в частности, отмечает, что у диссертанта не чувствуется достаточного историзма. Тов. Павлов вполне правильно указывает, что Петти стремился освободиться от меркантилизма, но в диссертации нет показа того, как шел этот процесс преодоления меркантилизма. Тов. Реуэль считает, что в некоторых вопросах диссертант переоценивает Петти. Так, например, он утверждает, что Петти был родоначальником теории трудовой стоимости, игнорируя то существенное обстоятельство, что Петти не отлучает стоимости от меновой стоимости, а эту последнюю он берет лишь в денежной форме. Тов. Реуэль отмечает нечеткую постановку т. Павловым вопроса о том, понимал ли Петти природу прибавочной стоимости: диссертант дает разные ответы на этот вопрос.

Кроме официальных оппонентов в прениях выступили гг. Блюмин, Островитянов и Струмилин.

Д-р экономических наук т. Блюмин указывает, что в работе т. Павлова больше внимания уделяется личности Петти, чем его идеям.

Тов. Островитянов полагает, что т. Павлову следует переработать диссертацию, сделав упор на изложение экономических взглядов Петти, и после этого снова представить ее на соискание ученой степени.

Акад. Струмицкий в своем выступлении подчеркивает, что в работе т. Павлова нет связи между биографией Петти и его идеями. Из диссертации вытекает, что Петти был нарядным спекулянтom, но почему именно спекулянт должен был открыть теорию прибавочной стоимости?

* * *

24 октября 1939 г. на заседании Ученого совета была заслушана диссертация т. Е. С. Карнаухова на тему «Районы возделывания новых лубяных культур».

Диссертантка прежде всего устанавливает основные теоретические принципы районирования однолетних новолубяных культур, которое должно быть подчинено задаче укрепления сырьевой независимости нашей страны.

Охарактеризовав народнохозяйственное значение однолетних новолубяных культур (южная конопля, кенаф, канатник), т. Карнаухова коротко останавливается на пенько-джутовой промышленности, сырьевой базой которой служат эти культуры.

Затем дается анализ итогов возделывания новолубяных культур за первую и вторую пятилетки и наметок на третью пятилетку. Новолубяные культуры начали возделываться с 1925—1926 гг. (канатник — с 1930 г.). Производство их полностью сосредоточено в социалистическом секторе — совхозы имеют 7,6% общей посевной площади, колхозы — 92,3%. За годы сталинских пятилеток посевные площади новолубяных культур выросли с 12 996 га в 1928 г. до 142 200 га в 1937 г. Но с 1931/32 г. был взят курс не на дальнейшее быстрое расширение посевных площадей, а на улучшение культуры возделывания, на повышение урожайности.

Приступая к анализу районов возделывания однолетних лубяных культур в третьей пятилетке, т. Карнаухова приводит вначале основные сведения о размещении пенько-джутовой промышленности, о фактическом размещении посевов новолубяных культур. Подавляющая масса новолубяных культур сосредоточена в Краснодарском и Орджоникидзевском краях, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР, на Украине, в Киргизии и Узбекистане. Касаясь биологических особенностей однолетних новолубяных культур, т. Карнаухова подробно останавливается на характеристике зон возможного возделывания этих культур. Такими зонами, по мнению т. Карнауховой, могут быть Украина с районами южнее 50° с. ш., Крым, все Предкавказье и Закавказье, Казахстан, Киргизия, республики Средней Азии и др. Анализ климатических и почвенных условий, а также опытной работы позволяет дать областной и районный разрез плана выращивания новолубяных культур. Тов. Карнаухова приводит подробный список районов, где, по ее мнению, должны выращиваться эти куль-

туры. Список районов дан отдельно по каждой культуре.

Официальными оппонентами т. Карнауховой были гг. Власов и Дмитриев.

Проф. Власов отметил, что диссертантка дала экономическое обоснование объема производства новолубяных культур в третьей пятилетке и научно разрешила проблемы районирования этих культур. Диссертация имеет большое практическое значение. Оппонент считает, что диссертация т. Карнауховой поможет Наркомзему в его практической работе по размещению новолубяных культур в третьей пятилетке.

Но вместе с тем диссертация не свободна, по мнению т. Власова, от ряда недочетов. Главными из них являются недостаточный показ факторов размещения и специализации сельского хозяйства, слабое освещение вопросов, связанных с урожайностью новолубяных культур, отсутствие подробного анализа трудовых ресурсов районов возделывания этих культур, а также неправильная характеристика специализации сельскохозяйственных районов по посевным площадям, а не по валовой продукции.

Второй оппонент — т. Дмитриев — в своем выступлении отметил зрелость работы и хорошее знание автором экономики новолубяных культур. Касаясь пробелов в диссертации, он отметил, что недостаточно охарактеризована агротехническая возможность повышения урожайности новолубяных культур, не уделено должного внимания масляной промышленности. Тов. Дмитриев считает, что климатическая зона распространения южной конопли не может ограничиваться 50° с. ш., как это полагает т. Карнаухова, а должна быть отодвинута гораздо дальше на север.

Помимо официальных оппонентов на заседании выступили гг. Дармоненко, Шемиллов и Фрийдман, сделавшие ряд критических замечаний.

Научные совещания

В практику Института экономики введены общениститутские научные совещания при дирекции, на которых руководители секторов и старшие научные работники Института докладывают о своей научно-исследовательской работе, делают сообщения о новой научной литературе, о результатах научных командировок.

Первое научное совещание состоялось 21 ноября с. г. На нем было заслушано сообщение доктора экономических наук т. М. И. Кубанина о результатах проведенной им работы по теме «Методология исчисления урвня производительности труда в сельском хозяйстве».

Задачей работы т. Кубанина является (по плану Института) анализ методов, применяемых в СССР и капиталистических странах при учете производительности труда в сельском хозяйстве в целом и в отдельных отраслях. Работа, однако, разрослась и помимо чисто методологических вопросов т. Кубанин произвел на базе конкретных материалов расчет урвней производительности труда по некоторым отраслям и по сельскому

хозяйству в целом. Анализу были подвергнуты материалы по СССР, дореволюционной России, США, Германии, Великобритании и некоторым другим странам.

В своем докладе т. Кубанин проанализировал существующие методы учета производительности труда в сельском хозяйстве. Докладчик указал на затруднения, которые возникают при сравнении уровней производительности труда разных стран и осветил способы, при помощи которых затруднения были преодолены.

В докладе были приведены данные об уровне производительности труда в сельском хозяйстве СССР в сравнении с передовыми в экономическом отношении странами, а также по некоторым районам различных стран, аналогичным в климатическом отношении.

В докладе были приведены результаты исследований как темпов роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР по сравнению с капиталистическими странами, так и сравнения уровней производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран.

В развернутом обсуждении поднят был ряд серьезных методологических вопросов. По отзыву проф. Немчинова, работа тов. Кубанина представляет большой интерес, однако ряд выводов автора требует проверки путем контрольных подсчетов разными методами. Выступавшие отмечали правильность применяемой т. Кубаниным методологии и большое значение проведенной работы.

В своем выступлении т. Либкинд указал, что при сравнении совокупной производительности труда в сельском хозяйстве разных стран, помимо тех причин, которые перечислил автор, особо следует учесть влияние, которое оказывает большой удельный вес животноводства в США и других передовых странах. Тов. Либкинд считает интересным провести сопоставление производительности труда по операциям в аналогичных районах с учетом агротехники.

Ряд других выступавших товарищей внесли предложения по конкретным методологическим вопросам.

Работа т. Кубанина печатается частично в этом номере «Проблем экономики».

1 декабря состоялось второе научное совещание, на котором было заслушано сообщение кандидата экономических наук т. Клименко на тему «Уровень производительности труда в машиностроении». В связи с чрезвычайным разнообразием номенклатуры изделий машиностроения исчисление уровня производительности труда в этой отрасли является сложной методологической проблемой. Для обоснования выводов приходится вести расчет лишь выборочным методом по сопоставимым и репрезентативным видам продукции. Расчеты по сравнению уровней производительности труда в СССР, США и Германии в ценностном выражении были проверены по отдельным изделиям и исчислениям в натуре.

Изучая темпы роста производительности труда у нас и в США, докладчик установил

наличие влияния отдельных факторов на уровень производительности труда: энергооборуженности труда, вооруженности рабочим оборудованием (литейным оборудованием и станками), освоения техники, кооперирования и др.

Товарищем Клименко были подвергнуты критике ранее произведенные и опубликованные в печати исчисления уровней производительности труда в машиностроении СССР, США и Германии.

* * *

На научном совещании, состоявшемся 11 декабря 1939 г., были заслушаны два сообщения кандидатов экономических наук: тт. Р. С. Лившиц и Г. М. Мовшовича на тему «Металлургия Урала и ее сырьевая и топливная база».

Тов. Лившиц в своем сообщении «О металлургии Урала» отмечает, что производство металла, при его громадном росте за годы двух сталинских пятилеток, не соответствует еще потребности в металле: на Урале ощущается недостаток чугуна и стали. Сортамент проката крайне ограничен, что является результатом неправильной специализации прокатных станов, а также недостатков структуры производственного аппарата. При большом избытке сортового железа на Урале не хватает листового металла. Совершенно отсутствует производство рельсов тяжелых строительных профилей.

По всем видам металла имеют место крупные встречные перевозки между Уралом и крайне отдаленными от него районами. Очень велики диспропорции в соотношении мощностей некоторых основных и вспомогательных цехов.

Тов. Лившиц подробно останавливается на путях дальнейшего развития металлургии Урала. Необходимо ускорить темпы развития качественной металлургии Урала и в частности увеличить выплавку стали кислым мартеновским процессом. Этот процесс в уральских условиях при производстве качественного металла наиболее эффективен. Необходимо также изменить специализацию старых уральских металлургических заводов и сортамент производства металла на Урале.

Сообщение т. Мовшовича было посвящено анализу сырьевой и топливной базы уральской металлургии. Железной рудой Урал обеспечен, но добыча ее в разных районах развивается неравномерно, что вызывает перевозки руды с Южного Урала на Северный. Этого можно будет избежать при условии развития добычи и обогащения руд на Северном Урале.

В отношении топлива уральская металлургия почти целиком зависит от завоза его из отдаленных районов. Потребности металлургии в привозном энергетическом топливе можно резко уменьшить за счет: 1) сокращения расходных коэффициентов, 2) полного использования топливных отходов самой металлургии (в особенности доменного газа) и 3) повышения использования местного топлива (в особенности торфа).

Что касается коксующихся углей, то даже при условии развития коксования кизеловских углей завоз их останется неизбежным. В це-

лях максимальной разгрузки транспорта необходимо всемерно стремиться к замене кузнечных углей карагандинскими. Используя все достижения советской и заграничной техники, нужно добиваться экономии коксующихся углей и замены их другими видами топлива.

В развернутом обсуждении были подняты ряд серьезных вопросов, в частности о дальнейшем развитии качественной металлургии Урала, о сроках амортизации рудных месторождений, о создании серии небольших заводов, о методах более экономного использования коксующихся углей и их замене, о механизации и другие.

Научное совещание, состоявшееся 3 января 1940 г., заслушало сообщение кандидата экономических наук т. Б. М. Сухаревского о воспроизводстве основных фондов промышленности. Тов. Сухаревский доложил научному совещанию о первой и четвертой частях своей работы. В первой части — «Снашивание и возмещение основных фондов» — рассматриваются вопросы физического и морального износа основных фондов, сроки жизни оборудования, соотношение между полным и частичным возмещением основных фондов и т. п. Вторая часть посвящена развитию технической базы социалистической промышленности, третья — использованию производственного аппарата промышленности, четвертая — расширенному воспроизводству основных фондов и решению основной экономической задачи СССР.

Воспроизводство основных фондов т. Сухаревский рассматривает в связи с соотношением между отраслями народного хозяйства. В частности исследуется вопрос о том, в какой мере машиностроение обеспечивает расширенное воспроизводство основных фондов промышленности.

* * *

19 декабря 1939 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института экономики Академии наук совместно с активом экономистов, посвященное вопросу о развитии товарищем Сталиным марксистско-ленинской экономической теории. Вступительное слово на совещании произнес доктор экономических наук т. Б. Л. Маркус. Ученым советом были заслушаны следующие сообщения: члена-корреспондента Академии наук СССР т. Д. И. Розенберга на тему «Политэкономия как историческая наука», кандидата экономических наук т. А. И. Пашкова на тему «Партийность науки политэкономии», члена-корреспондента Академии наук СССР т. К. В. Островитянова на тему «Экономика и политика в переходный период», доктора экономических наук т. А. С. Мендельсона на тему «Научное предвидение», доктора экономических наук т. В. С. Немчинова на тему «Учет и статистика», профессора т. Д. И. Черномордика на тему «Социалистическая индустриализация» и кандидата экономических наук т. И. М. Левитануса на тему «Социалистическое преобразование деревни»

* * *

8 января 1940 г. на расширенном заседании Ученого совета Института совместно с активом сотрудников был заслушан отчетный доклад директора Института т. Маркуса.

В 1939 г. Институтом сдано в печать 30 различных книг, общим объемом в 574 авторских листа. Из них 12 книг (178 авторских листов) вышли в печать, 7 книг (184 авторских листа) набрано и сверстано, 3 книги (77 авторских листов) находятся в наборе и 8 книг (135 авторских листов) подготавливаются издательством к набору. Часть работ, сданных в печать в 1939 г., была в основном выполнена в предыдущие годы и завершена в 1939 г.

Кроме того, выпущено 6 номеров журнала «Проблемы экономики» (108 авторских листов). Таким образом, всего сдано в печать в 1939 г. 682 авторских листа, вышло в свет 286 авторских листов.

Основное внимание в работе Института в 1939 г. было уделено проблеме экономического районирования СССР и созданию учебников и учебных пособий для экономических вузов.

Докладчик отметил недостаточно высокий теоретический уровень отдельных работ и дал оценку деятельности каждого сектора в отдельности.

Значительная работа проводится Институтом в области подготовки научных кадров. В основной кандидатской аспирантуре Института состоит 18 человек, в докторантской — 4, в аспирантуре без отрыва от производства — 17 человек. Кроме того, к Институту прикреплено в настоящее время 155 диссертантов, из которых 24 уже представили свои диссертации к защите. Ученый совет Института рассмотрел в 1939 г. 22 диссертации, в том числе 11 на ученую степень доктора.

В течение истекшего года Институтом были организованы 22 публичные лекции.

В журнале «Проблемы экономики» помещены в течение 1939 г. 66 статей (не считая официального материала и рецензий). Из них 15 статей охватывают синтетические проблемы советской экономики (основная экономическая задача СССР, проблема воспроизводства, проблема размещения производительных сил, проблемы денег, кредита, цены и т. п.), вопросам экономики социалистической промышленности посвящены 11 статей, проблемам технической политики — 6, проблемам экономики сельского хозяйства — 7, проблемам учета и статистики — 3, истории советской экономики — 7, проблемам капиталистической экономики — 4, экономическим работам Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина — 8. В журнале даны были 4 консультации (расчитанные на преподавателей вузов), посвященные проблемам перехода от социализма к коммунизму, характеристике основных типов производственных отношений и критике вульгарных теорий стоимости, и 1 статья по истории экономических учений.

В двухдневном обсуждении отчетного доклада принял участие 14 человек. В принятой резолюции отмечается большая помощь, оказанная партией и правительством Институту, благодаря которой в работе Института наметился резкий перелом: повысились темпы и продуктивность работы Института, разветвляется работа по экономическому районированию СССР, по подготовке учебников для экономических вузов, ширится подготовка научных кадров.

Отмечен основной недостаток в работе Института: большинство работ не находится на должном теоретическом уровне, в них отсутствует смелая постановка теоретических проблем и новых больших вопросов. Отсутствуют дискуссии по теоретическим вопросам, мало привлекается актив экономистов. Нет должного повседневного контроля за ходом выполнения работ отдельными сотрудниками, недостаточно организована работа научных сотрудников.

На заседании был принят ряд конкретных предложений по ликвидации всех указанных недостатков.

Структура и штаты Института

С января 1940 г., впредь до утверждения Президиумом Академии наук СССР, дирекцией Института экономики введена следующая структура Института:

- 1) Сектор экономического районирования.
- 2) Сектор экономики промышленности и транспорта.
- 3) Сектор технической политики.
- 4) Сектор экономики социалистического сельского хозяйства.
- 5) Сектор экономической статистики.
- 6) Сектор политэкономики.
- 7) Сектор истории народного хозяйства.

На 1 января 1940 г. в Институте экономики работало 129 человек, в том числе руководящих и старших научных сотрудников 69 человек. В составе Института работают 2 члена-корреспондента Академии наук СССР, 2 члена-корреспондента Академии наук УССР, 19 докторов и профессоров, 26 кандидатов экономических наук.

Вышли из печати следующие труды Института экономики А. Н.

Сборник «Народный доход СССР, его образование и учет» под редакцией проф. Черномордика Д. И., Госпланиздат, 271 стр.

Книга написана авторским коллективом в составе: гг. Черномордика Д. И., Пашкова А. И., Болгова А. В., Колганова М. В. и Москвина Д. И.

В этой работе дан анализ народного дохода СССР, методология его исчисления и структура по отраслям народного хозяйства: промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт и торговля. Сборник открывается вступительной статьей проф. Д. И. Черномордика, посвященной анализу категории народного дохода в СССР и капиталистических странах.

Книга рассчитана на работников учета и планирования, преподавателей и студентов-экономистов.

Проф. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, Государственное социально-экономическое издательство, 674 стр.

В книге показаны развитие производства у народов СССР, формы и пути их хозяйственного прогресса. Работа охватывает развитие хозяйства России, начиная от докапиталистических формаций и до Великой Октябрьской социалистической революции. В конце книги имеется библиографический указатель. Книга допущена Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебного пособия для экономических вузов, рассчитана на преподавателей и студентов вузов.

А. М. Кач. Вопросы экономики основной химической промышленности СССР, Государственное научно-техническое издательство химической промышленности, 283 стр.

В книге дан обзор развития основной химической промышленности СССР, преимущественно на примере сернокислотного производства, начиная с XIX в. и до последнего времени. Книга рассчитана на инженеров и экономистов, работающих в химической промышленности, преподавателей и студентов.

А. Болгов, Опыт стахановцев колхоза, Государственное издательство политической литературы, 61 стр.

Брошюра освещает опыт работы стахановцев одного из старейших колхозов — сельскохозяйственной артели им. Ленина — участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Поправка. В списке членов Ученого совета Института экономики АН СССР, опубликованном в № 6 «Проблемы экономики» за 1939 г., по недосмотру пропущена фамилия кандидата экономических наук т. Бумбера Я. Ф.

Содержание

	<i>Стр.</i>
Передовая — Пятилетний план по производительности труда — в четыре года	3
И. Дворкин — Новое в стахановском движении	8
А. Ноткин, Б. Сухаревский — Структура промышленного производства в СССР	21
М. Кубанин — О темпах роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран	46
Б. Бабынин — Трудовые ресурсы колхозов и их использование	66
А. Либкинд — Пути повышения доходности общественного животноводства в колхозах	75
Г. Райхер — Рационализация железнодорожных перевозок в третьем пятилетии	88
И. Блюмин — К характеристике современной английской буржуазной политической экономии	98
С. Струмилин — Промышленные кризисы в России	114

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И. Штерн — Экономические воззрения Н. В. Шелгунова	139
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Ф. — Е. Л. Грановский, Автоматическая система машин в промышленности СССР	154
О. Абрамович — Рина Рубин, Об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом	158
В. Кац — Н. С. Марголин, Вопросы баланса денежных доходов и расходов населения	161

Ис. М. — Из иностранной экономической литературы	165
--	-----

ХРОНИКА

В Институте экономики Академии наук СССР	168
--	-----

Опечатки, замеченные в № 1

Страница	Строка	Напечатано	• Следует читать
76	в сноске	Сравнимые	Сравниваемые
77	27 сверху	коксующего	коксующегося
111	2 сверху	«К вопросу	«К вопросам
122	5 снизу	к условиям	к условиям
124	7 сверху	VI съезд ВКП(б)	VI съезд РКП(б)

Отв. редактор Б. Л. Маркус

★

Адрес редакции:
Москва, Волхонка, 14, тел. К-1-25-81

Сдано в набор 14/1 1940 г. Подписано к печати
23/II 1940 г. Формат $70 \times 108^{2/16}$. Объем 11 печ. л.
В печ. л. 60 000 зн. Соцэжгиз № 3 (п.). Зак. 53.

★

Уполномоч. Главлита РСФСР № А—22276.
Тираж 14 800 экз.

★

Техническое оформление И. Широкова.

18-я типография треста «Полиграфкнига».
Москва, Шубинский пер., 10.

Опечатки, замеченные в № 2

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
32	в таблице	Прочие . . . 2,6 2,7	Прочие . . . 12,6 13,2
54	6 снизу	112	122
66	12 снизу	18,8 млн.	18 млн.
78	в таблице 3	Крупные колхозы	Группы колхозов
116	23 сверху	вместо ошибочно вставленной строки	ства в 1872 г. нельзя рассматривать как причину общего «краха»